

Nikolai Petrovich Ostroumov
И. П. Остроумовъ.

S k a z k i S a r t o v
СКАЗКИ САРТОВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ.

Съ пятью оригинальными рисунками.

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Окружного Штаба.

1906.

Lm>

462774

GR 270

. 85

Печатать разрешается. Гор. Ташкентъ, 22 Мая 1906 года.
За Военнаго губернатора *И. Хомутовъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Отъ издателя	5—14
Баба-яга и царевичъ съ золотыми волосами	1—7
Кокандскій варіантъ той-же сказки	7—11
Баба-Яга и братъ ея царевичъ	11—18
Царевичъ богатырь и мечъ-кладенецъ	18—24
Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ	25—29
Бѣдный юноша и скатерть-самобранка	29—31
Царевичъ Шахзада-Бахромъ	31—32
Три брата-царевичи	32—37
Царевна Хазаръ-Гейсу (Тысяча косичекъ)	37—42
Умный царевичъ	42—46
Три царевича: два умныхъ и одинъ дуракъ	46—60
Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ	61—75
Слѣпой царь и цѣлебная земля	75—78
Царевичъ Шаадотъ	78—84
Три царевича. Волшебныя дѣйствія младшаго царевича	85—91
Злая мачеха и коварныя жены царя	92—97
Царевичъ Хасанъ-Паша, доставшій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня	97—110
Царская дочь и дивъ	110—117
Красавица Дунья-кызъ, Баба-Яга и царевичъ	118—128
Джулекъ-Батырь	128—148
Дочь купца и старикъ	149—153
I. Разсказъ Ташкенскаго туземца Муллы Абдулъ-Халима (Куся-ванзъ) о происхожденіи демоновъ	154—158
II. Акванъ-дивъ, Аржангъ-дивъ и Сафидъ-дивъ	158—160
III. Драконъ (аждаха, са'банъ)	161—165
IV. Птица Симургъ или Анка	165—168
V. Водяная лошадь (аспи-аби)	169—169
Продолжительность человѣческой жизни	169—171

Отъ издателя.

Настоящій сборникъ знакомитъ русскую читающую публику съ народнымъ творчествомъ сартовъ. Издатель еще въ 1893 году напечаталъ 26 собранныхъ имъ сказокъ сартовъ во второмъ выпускѣ «Этнографическихъ матеріаловъ». Выпускъ этотъ, напечатанный въ 600 экземплярахъ, въ настоящее время весь разошелся, а спросъ на него по временамъ бываетъ; поэтому сказки сартовъ печатаются во второй разъ, причемъ изъ перваго изданія взяты только первыя 17 сказокъ, къ которымъ вновь присоединены 4 сказки (стр. 110—153).

Перепечатанныя въ новомъ изданіи сказки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлены со стороны изложенія и снабжены необходимыми примѣчаніями.

Относительно характера печатаемыхъ сказокъ со стороны ихъ содержанія, въ предисловіи къ первому изданію ихъ, было сказано:

«Помимо собственнаго интереса, напечатанныя сказки, какъ новый этнографическій матеріалъ, могутъ служить также для сравненія ихъ съ русскими сказками. Покойный собиратель русскихъ народныхъ сказокъ А. Н. Афанасьевъ, въ предисловіи къ своему изданію, между прочимъ говоритъ: «Между разнообразными памятниками устной народной словесности (пѣснями, пословицами, поговорками, причитаніями, заговорами и загадками) весьма видное мѣсто занимаютъ сказки. Тѣсно связанныя, по своему складу и содержанію, со всѣми другими памятниками народнаго слова и исполненныя древнихъ преданій, онѣ представляютъ много любопытнаго и въ художественномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Повѣрья и преданія, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ; олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и приметы,—все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный

своею младенческою наивною, теплою любовью въ природѣ и обаятельною силою чудеснаго... Народъ не выдумывалъ; онъ разсказалъ только о томъ, чему вѣрилъ, и потомъ даже въ сказаніяхъ своихъ о чудесномъ, съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ, остановился на повтореніи, а не отважился дать своей фантазіи произволъ, легко переходящій должныя границы и увлекающій въ область странныхъ чудовищныхъ представленій... Какъ ото всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотою и искренностію, дѣтскою наивною и простотою, подчасъ грубою; сказки соединяютъ честную откровенность и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности... Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, какія бываютъ порождены ходомъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ простодушіе. Древняя сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою.... Несчастье, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаетъ народное участіе... Разныя несчастія воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви ко всѣмъ страждущимъ и состраданіе ко всякому чуждому горю. Это чувство любви и состраданія, вызывающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу, одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больного дерева. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сказкѣ найдется много такого, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, на жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взоръ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ всеневныхъ заботъ, то не съ тою же ли теплою любовью и не съ тѣми ли же освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній. (Народныя русскія сказки. Книга I. Москва, 1873. ст. V—XVI).

«Вымыслъ, составляющій существенную черту народныхъ сказокъ, тѣмъ самымъ отличаетъ сказку отъ пѣсни, и это русскій народъ отлично выразилъ въ поговоркѣ». «Сказка-складка, а пѣсня-быль». Въ сказкѣ разсказчикъ часто нарушаетъ предѣлы времени

и пространства, говорить о небылыхъ странахъ, о невѣроятныхъ диковинкахъ; въ сказкѣ рассказчикъ уносится въ чужіе, невѣдомые края и носится съ своимъ героемъ, гдѣ ему угодно. Эта свобода сказочной фантазіи часто сближаетъ извѣстный народъ съ чуждыми ему сюжетами, а еще чаще вводитъ въ древнюю фэбулу позднѣйшій элементъ. (К. Аксаковъ). Такимъ образомъ, нельзя требовать отъ сказки географической опредѣленности; обыкновенно въ сказкахъ мѣстности точно и не обозначаются, равно какъ и самые герои сказокъ часто остаются безъ именъ.

«Сказка чужда точныхъ историческихъ воспоминаній; въ ней выступаетъ жизнь частная, домашняя съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія доисторическія, объясненіе которыхъ не возможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе міеологии, можетъ быть, именно потому, что въ ней менѣе исторіи, чѣмъ мѣста вліяніямъ времени и обстоятельствъ». (Котляревскій).

«Въ сказкахъ, рядомъ съ дѣйствующими лицами часто видную роль играютъ разныя животныя, звѣри и отчасти птицы. Пастушеская и охотничья жизнь легко знакомила и сближала древняго человека съ окружающими его звѣрями, животными и птицами. При всей своей неразвитости, первобытный человекъ все-таки не могъ не замѣчать въ этихъ живыхъ существахъ признаковъ душевной жизни, а въ иныхъ случаяхъ прямо долженъ былъ отдавать имъ преимущества предъ собою (физическая сила многихъ животныхъ, острота зрѣнія, тонкость слуха, умѣнье устраивать жилище, способы добыванія пищи и уходъ за дѣтенышами). Вынужденный признавать самостоятельное и независимое существованіе окружающихъ его животныхъ, древній человекъ естественно приписывалъ имъ нѣкоторую личность, подобную самому себѣ; надѣливъ животныхъ даромъ слова, онъ сдѣлалъ ихъ въ сказкѣ участниками своей личной жизни; пользуясь ихъ разнообразными услугами, сказочный чѣловѣкъ и самъ является избавителемъ ихъ отъ разныхъ волшебныхъ чудовищъ. И наоборотъ: и животныя, и звѣри, и птицы являются въ помощь сказочному герою въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ. Приписанный животнымъ даръ слова сближалъ ихъ съ чѣловѣкомъ, который въ сказкахъ входитъ въ близкія сношенія съ животными, поддерживая къ однимъ мирное расположеніе, а другихъ страшая и остерегаясь. Но въ сказкѣ человекъ чаще всего дѣйствуетъ заодно съ животными противъ общаго врага—злого чудовища, или волшебника. И въ этомъ, можетъ быть, единственномъ случаѣ сказка подчинялась до нѣкоторой степени географическимъ условіямъ: въ

сказкахъ разныхъ народовъ упоминаются чаще такіе именно звѣри и животныя, съ какими данному народу приходится встрѣчаться; чужеземныя звѣри, какъ не знакомые народу на мѣстѣ его жительства, не повторяются и въ сказкѣ. Птицы рѣже встрѣчаются въ сказкахъ, можетъ быть, потому, что онѣ, летая по поднебесью, не находятся въ такой непосредственной близости къ человѣку, какъ другія животныя, а насѣкомыя не всегда удостоиваются вниманія по ихъ незначительной помощи чѣловѣку и по малому участию въ чловѣческой жизни вообще. (Пыпинъ).

«Какъ обломокъ доисторической старины, сказка содержитъ въ себѣ древнѣйшіе миѳы; но эти миѳы потеряли уже смыслъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, обновленныхъ различными историческими вліяніями; потому сказка относительно позднѣйшаго образа мыслей стала нелѣпостью, *складкою*, а не былью. Въ отношеніи же сравнительнаго изученія народностей, она предлагаетъ матеріалъ для изслѣдованія того, какъ каждый изъ родственныхъ народовъ усвоилъ себѣ общее миѳическое достояніе. Чѣмъ стройнѣе миѳы, излагаемые сказкою, чѣмъ ближе они къ народному эпосу и къ миѳологической системѣ, тѣмъ богаче народъ, сохранившій ее своими миѳическими и поэтическими преданіями. Сказка пошла отъ былины, то-есть, она не что иное, какъ разрозненный и подновленный эпизодъ народнаго эпоса. Поэтому въ народной поэзіи иногда тотъ-же сюжетъ передается въ двоякой формѣ: въ древнѣйшей формѣ былины, или пѣсни и въ позднѣйшей—въ сказкѣ. Чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ эпичнѣе его сказки и тѣмъ меньше въ нихъ примѣси прозаическаго элемента, поучительнаго, нравоописательнаго. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ прозаичнѣе изложеніе въ его сказкахъ, тѣмъ больше въ нихъ позднѣйшаго лиризма, состоящаго въ идиллической мечтательности и въ поучительной сатирѣ. Сопутствуя народу въ его историческомъ развитіи, сказка получаетъ новый видъ: изъ миѳическаго эпизода переходитъ въ забавную новеллу. Здѣсь сказка соприкасается уже съ повѣстью и правоучительною баснею... Сказка есть не только уцѣлѣвшій обломокъ миѳической старины, но и позднѣйшая прозаическая форма, съ которою народъ нечувствительно выходитъ изъ замкнутаго круга эпохи эпической на новое поприще, открываемое образованностью въ успѣхахъ позднѣйшей лирики и прозы. Потому позднѣйшая сказка беретъ себѣ содержаніе уже изъ источниковъ литературныхъ, даже передѣлываетъ чужеземные рассказы, переведенные съ иностранныхъ языковъ. Она остановится чтеніемъ для грамотника, обогащая содержаніе такъ называемыхъ народныхъ

книгъ. Тогда она совершенно расторгаетъ уже всѣ узы, связывающія ее съ народнымъ эпосомъ, становится чистымъ вымысломъ, тою *складкою*, которую народъ противопоставляетъ *были* и которую до позднѣйшаго времени классическіе педанты полагали недостойною серьезнаго изученія» (Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 310—311).

Содержаніемъ русскихъ сказокъ служить описаніе разныхъ подвиговъ героевъ, задавшихъ цѣлью отыскать или возвратить красавицу, похищенную какимъ-нибудь чудовищемъ, или достать чудесную птицу (рус. жарь-птица), диковиннаго златогриваго коня, чудодѣйственную воду (живую и мертвую) и т. п. При описаніи разныхъ похожденій сказочныхъ героевъ, въ русскихъ сказкахъ встрѣчается нѣсколько однообразныхъ, какъ бы специальныхъ приемовъ. Отправляясь на свои подвиги, сказочные герои иногда встрѣчаютъ три таинственныхъ дороги съ надписями на столбахъ относительно каждой дороги, и главный герой выбираетъ себѣ самую опасную изъ этихъ дорогъ. Сказочнымъ героямъ приходится вступать въ борьбу съ многоглавымъ змѣемъ, кощеємъ безсмертнымъ, бабой-ягой и побѣждать ихъ и т. п. (Порфирьевъ, исторія русской словесности. Часть I, стр. 150 и слѣд).

Напечатанные въ настоящемъ сборникѣ сказки (чупчакъ) нашихъ новыхъ соотечественниковъ, сартовъ, напоминаютъ русскому читателю не только дѣйствующихъ лицъ русскихъ сказокъ, но и подробности обстановки и положенія этихъ лицъ. Какъ въ русскихъ сказкахъ, такъ и въ сказкахъ сартовъ встрѣчаются: цари, царевичи и царевны, купцы-богачи, бѣдняки-нищіе, сироты съ злой мачехой, разбойники, колдуны и ихъ противники-богатыри, а затѣмъ разныя демоническія существа: баба-яга, дивы, пияри, драконы, волшебные кони, птицы и звѣри и волшебные предметы: дубинка, гребенка, скатерть, котелъ и богатырскій смертоносный мечъ. Сходство касается не только частныхъ, отдѣльныхъ чертъ; въ сказкахъ сартовъ встрѣчаются цѣлые эпизоды, невольно бросающіеся намъ въ глаза по своему сходству съ таковыми же подробностями сказокъ русскихъ. А съ другой стороны въ сказкахъ сартовъ есть и своеобразные, типическіе образы, которые могутъ остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя. Примѣромъ можетъ служить очень оригинальное представленіе о бабѣ-ягѣ, очерченной въ напечатанныхъ сказкахъ такъ подробно и такъ картинно, что баба-яга русскихъ сказокъ должна уступить бабѣ-ягѣ сартовъ во многихъ отношеніяхъ. Тоже нужно сказать о дивахъ и о пияри(пера)...

Въ сказкахъ сартовъ упоминаются: лошади, бараны, верблюды, кошки, собаки, ослы, лани, съ которыми встрѣчаются герои сказки и вмѣстѣ дѣйствуютъ. Состраданіе и услуги животнымъ, вознаграждаемая услугами ихъ герою сказки, указываютъ на нравственный элементъ, который въ сказкахъ сартовъ выражается очень опредѣленно: герои сказки—своего рода рыцари, ведущіе безкорыстную борьбу со зломъ въ разныхъ его видахъ и торжествующіе затѣмъ побѣду свою въ тихой, мирной жизни. Затѣмъ въ сказкахъ сартовъ описываются нравственные черты собственно семейнаго быта: супружеская любовь, любовь и почтительность дѣтей къ родителямъ, младшихъ братьевъ къ старшимъ и под. Въ бытовомъ отношеніи характерны указанія сказокъ на обычаи сватовства, на свадебные пиры, на охоту и проч. Земледѣльческія занятія народа въ сказкахъ сартовъ упоминаются, а богатство сказочныхъ героевъ описывается уже по позднѣйшимъ представленіямъ, при чемъ имѣетъ особенное значеніе число 40. Въ сказкахъ упоминаются дворцы, дорогія ткани для одежды, драгоценные камни, а также золотыя и серебряныя деньги. Мѣстный элементъ сказокъ сказанъ въ описаніи мѣстныхъ плодовъ, мѣстныхъ кушаньевъ, животныхъ и пр.

Съ теченіемъ времени сказка сартовъ не избѣжала также передѣлокъ и даже совершенно новой, книжной редакціи. Подъ вліяніемъ ислама, произошла въ народныхъ сказкахъ сартовъ замѣна древнихъ чудовищъ дьяволомъ (шайтаномъ), равно какъ явились представленія о вѣрованіяхъ, обрядовыхъ и бытовыхъ особенностяхъ мусульманской жизни (Аллахъ, Мухаммедъ, совершеніе намаза, мѣсяцъ Рамазанъ и пр.) Образцомъ искусственной, книжной сказки сартовъ можетъ служить «Сказка въ пословицахъ», сложенная поэтомъ Гюль-хани, по приказанію кокандскаго хана Умаръ-хана (ум. въ 1822 г.). Текстъ этой сказки изданъ мною въ Казани въ 1890 г, а переводъ напечатанъ въ третьемъ выпускѣ этнографическихъ матеріаловъ. (Ташкентъ, 1895 г.)

Передѣлка сказокъ совершается у сартовъ подъ вліяніемъ не только устныхъ, но и книжныхъ разсказовъ: сказочники часто соединяютъ эпизоды изъ жизни сказочныхъ и историческихъ героевъ. Такимъ образомъ нужно объяснить сходныя черты въ разныхъ сказкахъ сартовъ. Собственно для народныхъ сказки сартовъ, безъ сомнѣнія, невыгодно вліяніе такъ называемыхъ ваиз'овъ, мадах'овъ, которые въ своихъ уличныхъ разсказахъ преслѣдуетъ исключительно религіозные, мусульманскіе, интересы и потому вводятъ въ разсказъ преимущественно такія черты, которыя одобряются исламомъ, или служатъ къ прославленію героевъ ислама. Сравнительно широкое

распространеніе грамотности среди сартовъ, грамотности мусульманской, исключительной, конечно, сильно сжало народную фантазію и вытѣснило изъ народной памяти почти все древнее, народное, какъ не мусульманское. Мнѣ кажется, что въ настоящее время уже невозможно воспроизвести народное творчество сартовъ: до такой степени вліяніе ислама сильно отпечатѣлось на духовной ихъ жизни. А равно, и разнообразныя историческія вліянія оставили свой неизгладимый слѣдъ на сказкахъ сартовъ: къ иранской основѣ сказокъ примѣшались чужеземныя черты китайцевъ, индійцевъ, арабовъ, тюрокъ и въ послѣдніе время русскихъ, подобно тому, какъ самая національность сартовъ представляетъ собою типъ до такой степени смѣшанный, что нѣкоторые этнографы отказывается признавать ихъ за этнографическую группу.

Относительно языка сказокъ сартовъ справедливо вообще мнѣніе, что сказка доступна каждому, безъ различія пола и возраста, въ противоположность былинѣ, для которой необходима счастливая память, соединенная съ поэтическимъ и даже музыкальнымъ развитіемъ (Ботляревскій). Общедоступность сказки, выгодная для ея распространенія въ народѣ, не выгодна для сохраненія ея цѣльности и типическихъ старинныхъ выраженій; сказку каждый рассказываетъ по своему: одинъ—пространнѣе и краснорѣчивѣе, другой—короче и проще; одинъ цвѣтистѣе, другой скабрзистѣе, не стѣняясь въ выраженіяхъ, которыя приходилось сглаживать въ переводѣ.

Но одна особенность въ языкѣ народныхъ сказокъ сартовъ удержалась до настоящаго времени; это—начальные слова сказки: «Жилъ богатый, жилъ бѣдный, жилъ голодный, жилъ сытый; волкъ былъ поваромъ, лисица распорядителемъ пира; воронъ былъ ворожеей, воробей сплетникомъ, а муравей смѣшливымъ рассказчикомъ; гусь былъ трубачемъ, утка горнистомъ, черепаха была вѣсовщикомъ, а лягушка подкладывала гири... хлопокъ вырасталъ изъ соли, а дѣти рождались отъ дѣвицъ... *)

Достаточно произнести это предисловіе, чтобы случайный вашъ собеседникъ—сартъ пріятно улыбнулся, какъ-бы вспомнивъ время своего дѣтства, когда онъ сладко засыпалъ подъ тихіе звуки сказки матери или бабушки; дѣти подростки изъ престолярды, оставаясь

(*) بارايكان يوقايكان آچايكان توقايكان بوري بكاو ايكان
تولكي يساولايكان قوزغون فال بينايكان چومچوق چاقمچي ايكان
چومالي ازكيوبازايكان غاز كرنايجي ايكان اوردك سورنايجي ايكان...
تاش بقه ترازودارايكان قوربقه تاش بردارايكان غوزه پايه توزدين ايكان
هر بلا قزدين ايكان

дѣтьми въ душѣ своей, и теперь по-дѣтски относятся къ сказкѣ и охотно слушаютъ сказочниковъ (чупчакчи). Самое названіе сказки — *чупчакъ* указываетъ на сборное, смѣшанное, безпорядочное содержаніе сказки, относящееся къ отдаленной древности, какъ и говорится въ началѣ сказокъ: «Бурунги заманда—въ древности»...

Для сравнительнаго изученія сказокъ сартовъ настоящій сборникъ даетъ новый, хотя и не обильный, матеріалъ и можетъ содѣйствовать разъясненію возбужденнаго въ русской литературѣ вопроса о томъ, въ какой степени и какимъ образомъ на русскомъ народномъ творествѣ отразилось вліяніе восточныхъ (собств. иранскихъ) мотивовъ. Кромѣ давно извѣстныхъ статей Вл. В. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ (Вѣстн. Европы 1868 г.), московскій профессоръ Вс. О. Миллеръ, въ предисловіи къ «Экскурсамъ въ область русскаго народнаго эпоса» (Москва) сравниваетъ русскій былинный эпосъ съ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи, по его словамъ, жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійскими и восточными предметами убранства. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары, потомъ жили московскіе бояре, ночевали (временно) казаки, а въ нѣкоторыхъ, обитаемыхъ еще закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: византійскую фреску, восточный орнаментъ, расписанный сводъ московской палаты, деревянную крестьянскую клѣтъ, а въ тайникахъ, рядомъ съ копакомъ земли греческой, онъ въ изумленіи видитъ палицу боевую въ 90 (40) пудъ, восточный кунякъ, гусли яворчатые, трубки нѣмецкія и т. п. (Предисл. VI). Можно прибавить къ этому, что въ нашемъ эпосѣ, да и не въ одномъ эпосѣ, современемъ можно будетъ указать на многія сходныя черты съ восточными сказаніями, и что большее знакомство съ этнографіей и литературой Средней Азии можетъ дать изслѣдователямъ русской старины массу новыхъ и интереснѣйшихъ матеріаловъ... Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ проф. Миллеромъ, что «ближайшему поколѣнію изслѣдователей удастся уяснить многое изъ того, что для насъ представляется загадочнымъ»; будемъ надѣяться, что молодое поколѣніе русскихъ туркестанцевъ, выросшее въ Средней Азии, внесетъ свою долю труда въ сокровищницу русской науки, а новаго матеріала въ Средней Азии такъ много, что объ этомъ теперь и сказать даже нельзя, потому что онъ лежитъ почти нетронутымъ.

Въ гл. VIII «Экскурсы» (стр. 199—232) профессор Миллеръ привелъ достаточно историческихъ данныхъ для уясненія возможности вліянія древнихъ степныхъ мотивовъ на русское народное творчество и говорить, что это вліяніе придаетъ нашему эпосу *до нѣкоторой степени* степной характеръ, «аромать степи», который отличаетъ его отъ рыцарскаго эпоса Западной Европы, на что указываетъ и самое названіе нашихъ рыцарей—*богатырь* (*багадуръ*). Упомянувъ затѣмъ, что разные спеціалисты указывали на вліяніе азіатскаго востока на русскій языкъ, искусство, музыку и даже на примѣсъ крови въ населеніи нѣкоторыхъ полосъ Россіи, авторъ «Экскурсы» замѣчаетъ, что односторонніе защитники русской самобытности еще уступаютъ историкамъ литературы *сказки* и мирятся съ восточнымъ происхожденіемъ многихъ сказочныхъ сюжетовъ, и заявляетъ, что истинная самобытность нашего эпоса не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба, сколько бы заимствованныхъ сюжетовъ въ немъ не указали изслѣдователи..., что усвоеніе чужого матеріала возможно только подъ условіемъ радикальной его переработки на свой ладъ, а эта самодѣтельность настолько очевидна въ произведеніяхъ русскаго эпоса, что не нуждается ни въ многочисленныхъ разъясненіяхъ, ни въ защитѣ противъ покушеній на самобытность русскаго народнаго творчества (Экскурсы, стр. 232).

Намъ думается, что недостаточно еще объяснять сходство русскихъ народныхъ произведеній съ произведеніями иранскаго творчества однимъ заимствованіемъ — путемъ чисто историческихъ вліяній, но вмѣстѣ съ этимъ не слѣдуетъ забывать и общности происхожденія русскаго народа съ персами и индійцами. Можетъ быть, въ Индіи первоначально и возникли основныя эпическіе сюжеты, общіе индо-германскимъ народамъ, переработанные потомъ каждымъ племенемъ посвоему, подъ вліяніемъ географическихъ и историческихъ условій. Нѣкоторые изъ этихъ общихъ сюжетовъ могли быть у извѣстнаго народа, въ теченіе столѣтій, забыты, нѣкоторые разработаны болѣе, а нѣкоторые, переходя изъ страны въ страну, совершали огромный путь—кругъ и возвращались на свою родину въ значительно измѣненномъ видѣ. Хорошимъ примѣромъ этого круговорота народныхъ разсказовъ можетъ служить замѣчательная историческая судьба разсказовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «*Калила и Димна*», которые обошли всю Азію и Европу. Не дѣйствуетъ ли въ этомъ случаѣ чисто психологическая причина, какъ объяснял въ свое время проф. А. Д. Галаховъ, именно, что «въ основѣ сказокъ лежатъ одни и тѣже представленія, что всѣ сказки представляютъ только без-

конечныя варіаціи на общія темы міеологическаго или бытоваго, общественнаго содержания.... Въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія сказка осложнялась новыми подробностями, распространялась, захватывала новыхъ дѣйствующихъ лицъ и новыя явленія: часто нѣсколько сказокъ, первоначально простыхъ, перепутывались и сливались въ одну сложную. Независимо отъ возможности распространенія сказокъ путемъ заимствованія, весьма важную роль въ рѣшеніи этого вопроса играетъ и общность извѣстныхъ психологическихъ представленій, уже достаточно доказанная фактами. Иначе рѣшительно невозможно было бы объяснить, напримѣръ, поразительное сходство нѣкоторыхъ готтентотскихъ сказокъ съ русскими, или новозеландскихъ съ финскими» (Исторія русской словесности, древней и новой. Изд. второе Т. I. стр. 142—143. Спб. 1880.).

Но пока дѣло не въ этомъ: «истинный смыслъ, живая душа и настоящее достоинство произведеній русскаго народнаго творчества могутъ быть оцѣнены только при добросовѣстномъ, всестороннемъ изученіи. Бояться, что изученіе этого вопроса нанесетъ ущербъ самобытности русскихъ народныхъ произведеній равносильно желанію задержать надъ этими произведеніями туманъ, который давалъ бы просторъ личной фантазіи». (Вѣстникъ Европы, іюнь 1892, стр. 742.).

Для всесторонняго изученія русскихъ народныхъ произведеній намъ необходимо стремиться къ возможно широкому изученію инородческихъ словесныхъ произведеній, такъ какъ вся наша исторія отъ начала до настоящаго времени тѣсно связана съ судьбой разныхъ инородцевъ. Да и помимо этого, «въ языкахъ, народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, обычаяхъ всѣхъ нашихъ инородцевъ содержится великое богатство данныхъ, важныхъ не для одной, а для нѣсколькихъ наукъ.... Эти данныя выяснять много теперь темнаго, раскроютъ много тайнъ, обогатятъ, раздвинутъ человѣческое знаніе (Проф. В. И. Ламанскій). Географическія и естественно-историческія знанія значительно обогатились уже изслѣдованіями русскихъ ученыхъ, касающимися Средней Азіи; другія же области человѣческаго знанія—этнографія, исторія, археологія Русскаго Туркестана ждуть новыхъ труженниковъ, какъ продолжателей начатыхъ въ краѣ изслѣдованій въ указанныхъ сферахъ.

Н. Остроумовъ.

СКАЗКИ САРТОВЪ.

I.

Баба-Яга и царевичъ съ золотыми волосами.

Въ древности жилъ царь. У него было три жены, но ни у одной изъ нихъ не было дѣтей. Царь былъ сильно опечаленъ этимъ, но не зналъ, какъ помочь своему горю. Далеко, въ другой странѣ, жила Ялмаузъ-Кямпиръ (Баба-Яга), страшная прожорливая старуха. *) У нея голова съ большую киргизскую юрту, а ротъ—съ дверь. Она, когда ѣсть, то цѣлыхъ барановъ за-разъ глотаетъ. Пищу себѣ она готовить въ огромномъ котлѣ, у котораго 40 ушей, чтобы могли поднимать его 40 человекъ. Въ этомъ котлѣ варится по 40 барановъ или другихъ животныхъ. Мчится она быстро, какъ вихрь; поэтому, при ея появленіи, и происходитъ сильный вѣтеръ. Видъ свой Баба-Яга мѣняетъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ ея власти находится 40 сильныхъ Дивовъ, и сопротивляться ей безъ волшебной силы невозможно. Дѣти Бабы-Яги—такія же прожорливыя чудовища, какъ и она сама. Они, даже въ молодомъ возрастѣ, могутъ пожирать цѣлыя туши. Болѣе всего Баба-Яга любитъ человѣчье мясо и, чтобы добыть себѣ любимой пищи, она ходитъ, подъ видомъ нищенки, по городамъ и уводитъ къ себѣ малыхъ дѣтей обманомъ.

Однажды Баба-Яга, подъ видомъ нищей старухи, пришла къ воротамъ царскаго двора и стала просить милостыни. Царь услышалъ необыкновенный (нечеловѣческій) голосъ нищенки и вышелъ къ ней. Старуха сказала царю: «Скажи мнѣ, чего ты хочешь просить у Бога, — я все для тебѣ вымолю». — «Я бы желалъ просить себѣ у Бога дѣ-

(*) *يالماغوز كيمپير*

тей», сказалъ ей царь. Тогда старуха спросила у царя, сколько у него женъ, и царь отвѣтилъ, что у него три жены.—«Вели, сказала старуха, привести ихъ сюда». Царь велѣлъ позвать своихъ женъ.— Когда пришли жены царя, Баба-Яга дала каждой изъ нихъ по яблоку: старшимъ двумъ женамъ она дала по бѣлому яблоку, а младшей дала красное и особенно вкусное яблоко. Баба-Яга сказала царю, что въ свое время всѣ три жены его родятъ ему по сыну, но за это, черезъ семь лѣтъ, царь долженъ будетъ отдать ей, старухѣ, царевича, который родится отъ младшей жены. Царь согласился, и старуха ушла.

Дѣйствительно, чрезъ определенное время, всѣ три жены царя родили по сыну, и царь былъ несказанно радъ. Но особенно царь радовался, глядя на сына отъ младшей жены: онъ былъ очень большой, красивый и веселый ребенокъ. И царь сильно привязался къ нему.

Прошло ровно семь лѣтъ, и Баба-Яга, опять въ образѣ старухи, пришла къ царю и сказала, что семилѣтній срокъ прошелъ и что, по уговору, царь долженъ теперь отдать ей младшаго царевича.

Царь давнымъ-давно забылъ и старуху, и сказанное ей свое обѣщаніе; но когда старуха напомнила ему о томъ, какъ было дѣло, царь опечалился, потому что ему очень было жаль разстаться со своимъ любимцемъ. Тогда царь сказалъ Бабѣ-Ягѣ: «Бабушка старушка! оставь ты мнѣ этого царевича, а взамѣнъ его лучше возьми, что только твоей душѣ угодно... Я ничего не пожалѣю для тебя,—возьми только!» Но Баба-Яга ни за что не соглашалась и требовала, по уговору, царевича отъ младшей жены царя.—Послѣ того царь привелъ двухъ царевичей отъ старшихъ женъ и предложилъ старухѣ обоихъ взамѣнъ младшаго. Но Баба-Яга и на это не согласилась, а продолжала требовать свое.—Царь, когда увидѣлъ, что ничто не помогаетъ, заплакалъ и, скрѣпя сердце, отдалъ своего любимца старухѣ.

Баба-Яга взяла царевича и пошла съ нимъ къ себѣ, домой. Дорогой они случайно встрѣтили другую старушку, которая отозвала царевича въ сторону и сказала ему: «Сыночекъ! Куда ты идешь съ ней? Знаешь ли ты ее?»—Царевичъ отвѣтилъ старушкѣ, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ идетъ и куда идетъ. Добрая старушка тогда сказала ему, что захватившая его старуха—Баба-Яга, и прибавила: «Ты, сыночекъ, будь осторожнѣе съ ней! Она приведетъ тебя къ себѣ домой, а въ домѣ у нея есть огромный котелъ съ сорока (40) ушами. Она заставитъ тебя разжечь подъ нимъ огонь и потомъ, когда котелъ нагрѣется, старуха броситъ въ него курдюкъ сала и заставитъ тебя обходить вокругъ котла и размѣшивать въ немъ сало. Когда ты бу-

Баба-Яга и царевичъ.

дешь разжѣшивать сало, Баба-Яга захочетъ толкнуть тебя въ котель, чтобы изжарить въ салѣ и съѣсть... Но ты не бойся, а только остерегайся: когда старуха велитъ тебѣ обходить вокругъ котла и заглядывать въ него, ты ей скажи: «Бабушка, бабушка! Ученикъ не можетъ сразу хорошо выполнять то, что ему нужно сдѣлать, если ему прежде не покажетъ мастеръ; поэтому, ты бабушка, сначала для примѣра сама обойди котель, загляни въ него, да и помѣшай сало, а потомъ уже и я съумѣю»... Когда же Баба-Яга будетъ тебѣ показывать, какъ это надо дѣлать, и наклонится надъ котломъ, ты и столкни ее въ котель. Она тамъ изжарится, и ты освободишься отъ нея».

Предупредивъ такимъ образомъ царевича, добрая старушка распрощалась съ нимъ, и царевич пошелъ дальше за Бабой-Ягой.

Долго-ли, коротко-ли они шли, но наконецъ дошли до жилища Бабы-Яги. Когда они пришли въ домъ Бабы-Яги, она велѣла царевичу развести огонь подъ большимъ сорока-ухимъ котломъ. Царевичъ развелъ огонь подъ котломъ, а у самого душа такъ и дрожить. Когда котель накалился, Баба-Яга бросила въ него курдюкъ сала и сказала царевичу: «Ну-ка сынокъ, обойди разъ, другой вокругъ котла, заглядывай въ него, да помѣшай сало». Но царевичъ отвѣтилъ Бабѣ-Ягѣ, какъ его научила дорогой добрая старушка: «Бабушка! у насъ есть пословица: «Сначала мастеръ долженъ показать, а потомъ и требовать, чтобы тоже сдѣлалъ ученикъ». Поэтому ты сама сначала покажи мнѣ, какъ нужно разжѣшивать сало, а потомъ уже и я буду подражать твоему примѣру».

Баба-Яга стала обходить котель и нагнулась надъ котломъ, чтобы видѣть, какъ расходится сало... Тогда царевичъ изловчился, да и столкнулъ ее въ котель... Баба-Яга испустивъ злословіе, застонала, покорчилась и умерла... Царевичъ обрадовался, что ему удалось сжить со свѣта Бабу-Ягу, поблагодарилъ Бога за свое спасеніе отъ нея и сѣлъ въ раздумьѣ, что ему дѣлать дальше.

Черезъ нѣсколько времени царевичъ увидѣлъ кошку, у которой на шеѣ висѣли сорокъ (40) ключей. Царевичъ помянулъ къ себѣ кошку, и кошка, ласково мяукая, подошла къ нему. Царевичъ снялъ съ ея шеи всѣ сорокъ ключей и началъ осматривать жилище Бабы-Яги. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ сорокъ дверей и сталъ ихъ по очереди отворять. Отперъ онъ одну дверь и увидѣлъ, что въ комнатѣ сидятъ дѣвцы. Всѣ они были блѣдныя, худыя, измученныя. Когда царевичъ вошелъ къ нимъ, онъ началъ испуганно кричать, указывая одна на другую: «Я не жирная, а вотъ она жирная... Она жирная, а я не жирная». (Дѣвцы испугались, думая, что царевичъ пришелъ

выбрать изъ нихъ, которую пожирѣе, себѣ на обѣдъ, какъ это дѣлала Баба-Яга). Царевичъ успокоилъ ихъ, вывелъ изъ комнаты и отпустилъ на волю.

Потомъ царевичъ отворилъ вторую дверь и увидѣлъ, что въ комнату сидятъ нѣсколько мальчиковъ. Мальчики тоже испугались и начали показывать другъ на друга и кричать: «я не жирный, а онъ жирный»... Царевичъ и ихъ успокоилъ и отпустилъ на волю.

Такимъ образомъ онъ осмотрѣлъ 37 комнатъ.—Въ этихъ комнатахъ находилась всякая-всячина, но больше всего съѣстное.

Когда царевичъ отворилъ 38-ю дверь, то увидѣлъ, что въ комнатѣ были заперты три демона. Онъ вывелъ ихъ изъ комнаты, но не отпустилъ. Потомъ онъ отперъ 39-ю комнату и увидѣлъ тамъ трехъ прекраснѣйшихъ лошадей. И ихъ онъ вывелъ изъ жилища, но не отпустилъ. Наконецъ отворилъ царевичъ 40-ю дверь. Смотритъ,—тамъ сидитъ особенной, невиданной красоты три птицы. Онъ взялъ ихъ съ собою и вышелъ наружу. Здѣсь царевичъ обратился къ демонамъ, лошадямъ и птицамъ и спросилъ у нихъ, чѣмъ они сами могутъ услужить ему, если онъ отпуститъ ихъ на свободу. Тогда демоны дали царевичу своихъ волосъ съ головы, птицы дали ему перьевъ, а лошади—шерсти. И сказали они царевичу: «когда мы тебѣ въ чемъ понадобится, то возьми ты часть волосъ, перьевъ и шерсти нашей и зажги,—мы тотчасъ явимся къ тебѣ на помощь». Тогда царевичъ отпустилъ ихъ на волю.

Послѣ того царевичъ опять вошелъ въ домъ Бабы-Яги и замѣтилъ, что въ одномъ углу стоятъ два кувшина съ растворомъ чистаго золота. Царевичъ обмакнулъ въ золото свои косички, и волосы его сдѣлались золотыми. Тогда царевичъ вышелъ изъ дома Бабы-Яги и пошелъ, куда глаза глядятъ.

На дорогѣ, въ степи, царевичъ встрѣтилъ пастуха, выпросилъ у него баранью требушину, надѣлъ ее себѣ на голову и сталъ походить на паршиваго, противнаго мальчика... Идетъ онъ дальше, подходит къ одной курганчѣ (загородное жилище) и видитъ тамъ старую старушку. Старушка эта копается въ саду, ухаживаетъ за цвѣтами. Увидя царевича, старушка остановила его и спросила: «Эй ты, паршивый мальчикъ! Ты кто? Чей ты сынъ? Куда идешь?»—Царевичъ отвѣтилъ, что онъ—круглый сирота и хочетъ быть сыномъ того, у кого нѣтъ дѣтей.—«А если такъ, то будь моимъ сыномъ: оставайся у меня, живи, гуляй по саду, любуйся цвѣтами и ѣшь урюкъ (абрикосы), шапталу (перепки), урюкъ (виноградъ), а я тебя буду любить, какъ своего родного сына», сказала старушка.

Царевичъ согласился и остался жить у этой старушки. Такъ царевичъ прожилъ у старушки нѣсколько годовъ. Но вотъ однажды царевичъ услышалъ, что въ сосѣднемъ городѣ живетъ царь, а у царя есть три дочери-красавицы, что младшая дочь всѣхъ красивѣе и что всѣ эти красавицы сами будутъ выбирать себѣ жениховъ. Царевичъ услышалъ, что со всѣхъ сторонъ сталъ сходитьсь въ тотъ городъ народъ. Сталъ и царевичъ проситься у своей старушки, чтобы она его отпустила посмотреть на царскихъ дочерей. «Куда тебѣ, паршивому! Кто на тебя, паршиваго, позарится?—Развѣ такіе тамъ будутъ красавцы?—Сиди-ка лучше дома!» уговаривала его старушка. Но царевичъ стоялъ на своемъ, и старушка отпустила царевича. Тогда царевичъ взялъ съ собой три пучка цвѣтовъ, положилъ ихъ въ корзинку и пошелъ...

Пришелъ онъ въ тотъ городъ и видитъ, что царскія дочери въ дорогихъ одеждахъ сидятъ въ богатыхъ шатрахъ, а мимо нихъ проходитъ народъ. Лица у нихъ были закрыты прозрачною кисеей, а изъ-подъ кисей блестяли ихъ черныя глаза. Царевичъ подошелъ къ царевнамъ и поднесъ имъ цвѣты. Старшія царевны не приняли отъ него цвѣтовъ, а младшая взяла.

На другой день народъ собрался къ царскому дворцу. На крышѣ одного зданія были устроены красивыя сидѣнія для царевенъ, откуда онѣ смотрѣли на проходившихъ юношей, чтобы выбрать себѣ жениховъ. Въ томъ городѣ при выборѣ жениховъ, былъ такой обычай, что всѣ молодые люди проходили мимо невѣсты, а она, кого изберетъ себѣ въ женихи, тому и броситъ яблоко. Вотъ, и теперь молодые люди въ богатыхъ одеждахъ проходили мимо царскихъ дочерей. Первая и вторая царевны выбрали себѣ красивыхъ и богатыхъ жениховъ, а младшая бросила яблоко бѣдному царевичу, у котораго была на головѣ требуштина. Весь народъ удивился такому выбору, и сестры старшія разсмѣялись надъ нею...

Повели всѣ три царевны своихъ жениховъ къ отцу своему. Женихи двухъ старшихъ дочерей понравились царю, и царь велѣлъ помѣстить ихъ во дворцѣ, а младшій очень не понравился царю, и царь велѣлъ отвести ему мѣсто въ конюшнѣ. Старшія дочери со своими мужьями всегда бывають у отца, а младшую отецъ не принималъ къ себѣ и сердился на нее за то, что она выбрала себѣ такого плохого мужа...

По обычаю той страны, царь любилъ охоту. Однажды онъ позвалъ къ себѣ двухъ старшихъ зятѣвъ и велѣлъ имъ отправиться на охоту. Стали собираться царскіе зятя на охоту, взяли хорошихъ

лошадей, охотничьихъ птицъ и оныгныхъ слугъ и отправились въ степь. Сталъ проситься и младшій зять на охоту, но старшіе свояки его даже не отвѣтили на его просьбу и отправились одни.

Тогда царевичъ досталъ волосы, перья и шерсть, что дали ему демоны, птицы и лошади въ домъ Бабы-Яги. Взявъ онъ еще свою именную печать и пошелъ въ лѣсъ. Подошелъ онъ къ лѣсу, сжегъ часть волосъ, перьевъ и шерсти,—и вдругъ передъ нимъ предстали духи, кони и птицы и сказали: «Чего тебѣ надобно царевичъ? Мы готовы тебѣ во всемъ служить»... Царевичъ велѣлъ имъ наловить лучшихъ птицъ и принести къ нему. Тотчасъ демоны сѣли на лошадей, взяли ловчихъ птицъ и умчались въ лѣсъ... Немного прошло времени, какъ демоны возвратились къ царевичу и принесли съ собою разной дичи. Царевичъ приказалъ демонамъ разложить дичь по сортамъ и показать ему, которая всѣхъ вкуснѣе, а потомъ отпустилъ ихъ. Послѣ того царевичъ прилегъ на траву и лежитъ, какъ будто отдыхаетъ послѣ охоты... Тѣмъ временемъ и старшіе свояки измученные, усталые, ни съ чѣмъ возвращались съ охоты. Увидѣли они лежащаго царевича, подошли къ нему и удивились, что вокругъ него много разной дичи и стали у него выспрашивать, гдѣ онъ наловилъ такъ много дичи. Царевичъ показалъ имъ на лѣсъ. Тогда старшіе свояки его обратились къ нему съ ласковыми словами и начали просить его, чтобы онъ уступилъ часть дичи. Царевичъ не соглашался. Они предлагали ему денегъ, но онъ отказался и отъ денегъ. Они стали еще больше его упрашивать, и тогда царевичъ согласился дать своякамъ часть своей дичи, но только съ тѣмъ, чтобы они позволили ему положить свою печать на ихъ спинахъ. Дѣлать было нечего, и старшіе свояки согласились. Царевичъ вынулъ свою печать и заклеилъ имъ спины, а потомъ далъ имъ самой плохой дичи.

Возвратились царскіе зятья домой и приготовили угощеніе для царя. Когда царь сталъ кушать дичь, принесенную старшими зятьями, явился къ тестю-царю и младшій зять его изъ конюшни со своимъ угощеніемъ и говоритъ: «Вотъ, батюшка, попробуйте и моего угощенія,—я тоже былъ на охотѣ». Царь нехотя взялъ принесенное кушанье и сталъ пробовать его. Кушанье это очень понравилось царю, и царь на другой день велѣлъ младшему зятю наловить дичи и снова приготовить такое же кушанье. Царевичъ пошелъ въ лѣсъ и опять вызвалъ духовъ, лошадей и птицъ... Скоро дичь была наловлена, и царевичъ приготовилъ вкусное кушанье, но на дно блюда положилъ кусочекъ кизяка и такъ подаль тестю-царю... Царь кушалъ съ удовольствіемъ, но когда увидѣлъ на днѣ блюда кизякъ,

приказалъ призвать царевича и спрашиваетъ его: «зачѣмъ это попалъ сюда князь?»—«Батюшка! вѣдь я живу въ конюшнѣ, гдѣ много навозу, и не могъ досмотрѣть, какъ упалъ въ блюдо кусочекъ князя». Тогда царь велѣлъ и младшему зятю жить во дворцѣ, вмѣстѣ со старшими зятьями.

На другой день царь созвалъ всѣхъ трехъ своихъ зятьевъ и спросилъ младшаго зятя, почему онъ лучше всѣхъ ловить птицъ? Тогда царевичъ отвѣчалъ: «Батюшка! хорошихъ птицъ могутъ ловить настоящіе царевичи, а такъ какъ я—настоящій царевичъ, а они—мои слуги, то потому все такъ и выходитъ». Въ этотъ моментъ царевичъ сдернулъ съ головы своей требушину, и его золотыя косички заблестѣли. Царь удивился, а царевичъ сказалъ царю: «Батюшка! прикажите теперь старшимъ зятьямъ своимъ снять рубашки, и вы увидите на ихъ тѣлѣ мое царское клеймо. Царь сначала разсердился было, но потомъ велѣлъ старшимъ зятьямъ снять рубашки, а царевичъ указалъ на ихъ спины и сказалъ царю: «Это—мои слуги, потому что—они съ мной клеймю». Тогда царь назначилъ младшаго зятя наследникомъ царства.

По смерти тестя, царевичъ съ золотыми волосами началъ самъ царствовать.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ Н. А. Митропольскимъ, со словъ ученика 2-й русско-туземной школы Сидъ-Касыма Сататбаева).

II

Кокандскій вариантъ той-же сказки.

Въ древнее время жилъ царь. У него были три жены, а дѣтей не было.

Однажды пришелъ къ царю неизвѣстный юродивый (дивана) и, подавая царю три красныхъ яблока, сказалъ: «Возьми одно яблоко и съѣшь четверть яблока самъ, а остальное отдай первой своей женѣ; другое яблоко отдай цѣлымъ второй женѣ; возьми потомъ послѣднее яблоко, и одну половину его съѣшь самъ, а другую половину отдай третьей женѣ: на слѣдующій годъ всѣ три жены твои родятъ тебѣ по сыну. Сыновей отъ первой и третьей женъ ты оставишь у себя, а сына отъ второй жены отдашь мнѣ». Царь согласился, взялъ яблоки и отпустилъ юродиваго. Потомъ царь съѣлъ четверть одного яблока и отдалъ остальное первой своей женѣ; другое яблоко царь

цѣлымъ отдалъ второй своей женѣ; одну половину третьяго яблока царь съѣлъ самъ, а другую половину отдалъ послѣдней своей женѣ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ жены царя родили каждая по сыну: отъ первой жены родился сынъ, но туловище у него было короче обыкновеннаго на четверть; отъ второй жены родился красивый и здоровый мальчикъ съ золотыми прядями волосъ на головѣ; отъ третьей жены родился сынъ, у котораго туловище было короче обыкновеннаго на половину.

Прошелъ годъ. Въ одинъ день юродивый (дивана) снова пришелъ къ царю и сказалъ: «Ну, отдай мнѣ теперь сына отъ второй жены, какъ ты обѣщалъ мнѣ годъ тому назадъ». Царь отвѣчалъ: «Ладно» и опечаленнымъ пошелъ къ себѣ во дворецъ. Не желая отдавать юродивому здороваго и красиваго своего сына, царь велѣлъ привести сына сосѣда и вывести его къ юродивому; но юродивый взглянулъ на мальчика, сказалъ: «нѣтъ, и это не тотъ, не мой». Царь опять ушелъ въ домъ, велѣлъ привести сына дальняго сосѣда и вывести мальчика къ юродивому, но юродивый сказалъ: «нѣтъ, этотъ не тотъ, не мой». Наконецъ, царь рѣшилъ отдать юродивому своего сына-красавца съ золотыми волосами. «Вотъ этотъ—мой», сказалъ юродивый и ушелъ съ мальчикомъ.—Царь опечалился, много плакалъ о сынѣ, но помочь дѣлу не могъ.

Долго шелъ мальчикъ съ юродивымъ... Во время многолѣтняго путешествія мальчикъ выросъ въ высокаго красиваго юношу.—Однажды во время пути позади юноши появилась человѣческая голова (калья). Она подкатилась къ мальчику и шепнула ему: «Съ тобой идетъ не дивана, а шайтанъ; онъ въ образѣ диваны приходилъ и къ твоему отцу и теперь ведетъ тебя къ себѣ, чтобы съѣсть тебя. Я—тоже царевичъ и былъ уведень шайтаномъ и съѣденъ имъ. Вотъ я и предупреждаю тебя... Но ты не пугайся. Когда приведетъ тебя шайтанъ къ себѣ въ домъ, ты увидишь тамъ большой съ 40 ушами котелъ, наполненный кипящимъ масломъ; шайтанъ возьметъ желѣзную палку и велитъ тебѣ три раза обойти котелъ и заглядывать въ него, какъ кипятъ масло. Но ты ему скажи: «Нѣтъ, не пойду я вокругъ котла; ты дай мнѣ палку, я подержу ее, а ты самъ покажи, какъ нужно обходить котелъ».—Шайтанъ пойдетъ вокругъ котла, а ты ударь его палкой; тотчасъ онъ упадетъ въ котелъ, сварится тамъ въ маслѣ и издохнетъ... Тогда ты выгребь золу изъ-подъ котла и найдешь въ золѣ кусокъ мяса: возьми мясо въ руки, сядь и жди... Ты самъ увидишь тогда, что нужно тебѣ дѣлать».—Сказала это голова и укатилась впередъ...

Юродивый и юноша пришли наконецъ въ шайтановъ домъ. Тамъ юноша дѣйствительно увидѣлъ большой съ 40 ушами котелъ, въ которомъ кипѣло масло. Шайтанъ взялъ желѣзную палку и сказалъ юношѣ: «Обойди три раза вокругъ котла». Но юноша сказалъ ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ, не пойду: я не знаю, какъ нужно обходить; ты прежде научи меня и покажи, какъ мнѣ нужно идти». Шайтанъ передалъ юношѣ палку и самъ пошелъ вокругъ котла. Когда шайтанъ поравнялся съ юношей, юноша такъ сильно ударилъ его палкой, что онъ упалъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ, сварился и умеръ. Юноша досталъ тогда изъ золы кусокъ мяса и сѣлъ на землю. Вдругъ прибѣжала къ нему большая желтая кошка. На шеѣ у нея висѣли 40 ключей. Юноша бросилъ кошкѣ мясо, и пока кошка ѣла мясо, онъ снялъ съ ея шеи ключи и осмотрѣлъ внутреннія помѣщенія шайтанова дома. Въ домѣ было 40 большихъ, запертыхъ на замки, комнатъ. Юноша отворилъ однимъ ключемъ первую дверь, увидѣлъ большую комнату, а въ ней самыхъ лучшихъ коней въ мірѣ и сказалъ: «Я убилъ дьявола и пришелъ отпустить всѣхъ васъ». Лошади заржали, а одна сказала человѣческимъ голосомъ: «Отрѣжь отъ гривы одной изъ насъ прядь волосъ и сохрани ее; когда ты зажжешь эту прядь, мы услышимъ запахъ волосъ и тотчасъ прибѣжимъ къ тебѣ». Юноша отрѣзалъ прядь волосъ у этой лошади и выпустилъ всѣхъ лошадей.—Другимъ ключемъ юноша отворилъ вторую дверь и, увидѣвъ въ этой комнатѣ необыкновенныхъ охотничьихъ птицъ, сказалъ имъ: «Я пришелъ, чтобы отпустить васъ». Птицы обрадовались, а одна изъ нихъ сказала человѣческимъ голосомъ: «Выдерни у одной изъ насъ перышко; потомъ, когда ты зажжешь это перо, мы по запаху его тотчасъ прилетимъ къ тебѣ». Юноша взялъ одно перо и выпустилъ всѣхъ птицъ. Третьимъ ключемъ онъ отворилъ третью дверь и увидѣлъ въ комнатѣ сильныхъ людей, которыхъ дьяволъ употреблялъ въ пищу. Юноша сказалъ имъ: «Я убилъ дьявола и пришелъ отпустить васъ». Всѣ обрадовались и вышли изъ дома дьявола.—Потомъ входилъ юноша въ 4-ю, 5-ю и 6-ю комнаты, нашелъ тамъ гончихъ, борзыхъ и другихъ породъ собакъ и сказалъ имъ, что отпускаетъ ихъ... Собаки съ радости залаяли, а одна сказала человѣческимъ голосомъ: «выдерни у меня клочъ шерсти; потомъ, когда ты зажжешь шерсть, мы по запаху тотчасъ прибѣжимъ къ тебѣ». Юноша выдернулъ у этой собаки клочъ шерсти и отпустилъ всѣхъ собакъ. Вошелъ юноша въ 7-ю комнату, увидѣлъ тамъ жирныхъ свиней и отпустилъ ихъ на волю, но не взялъ отъ нихъ щетины.

Затѣмъ юноша по очереди отворялъ все остальные двери и, находя въ комнатахъ разныхъ животныхъ, птицъ и дикихъ звѣрей, всемъ имъ говорилъ о смерти шайтана, отпускалъ ихъ на волю, а отъ иныхъ бралъ по клочку шерсти, или по перу. — Такъ выпустилъ онъ барановъ, козъ, коровъ, ословъ, верблюдовъ, львовъ, тигровъ, слоновъ, волковъ, лисицъ, зайцевъ, кошекъ и разныхъ птицъ.

Въ послѣднихъ комнатахъ юноша нашелъ много платья разныхъ цвѣтовъ, такого красиваго и дорогого, что его можно бы и въ раю надѣть на себя. Выбравъ нѣсколько лучшихъ штукъ платья, юноша взялъ ихъ съ собою и вышелъ изъ дома шайтана.

Долго шель юноша и, наконецъ, пришелъ въ большой незнакомый городъ. Когда онъ входилъ въ городъ, дочь царя увидѣла красиваго юношу съ золотыми волосами, влюбилась въ него и пожелала выйти за него замужъ. — У царя были еще двѣ старшія дочери, но самою красивой была младшая, которая полюбила юношу съ золотыми волосами.

Было время праздника послѣ поста «Рамазана». По случаю лѣтняго времени ¹⁾, мусульмане вышли на гулянье въ сады, или въ поля. Царь велѣлъ вывести и своихъ дочерей на крышу дома и черезъ визиря своего приказалъ имъ, чтобы онѣ съ крыши бросили по комку земли въ того мужчину, за котораго пожелаютъ выйти замужъ. Юноша, освободившись отъ шайтана, чтобы не быть узнаннымъ по головѣ съ золотыми волосами, надѣлъ на себя старое платье, обвязалъ голову чалмой и пошелъ на гулянье. Когда онъ проходилъ мимо того дома, на крышѣ котораго стояли дочери царя, старшія дочери не догадались, что въ старомъ платьѣ идетъ красавецъ-юноша и пропустили его, не бросивъ въ него комкомъ земли; но младшая дочь-красавица узнала въ немъ юношу съ золотыми волосами и бросила въ него комкомъ земли. Старшія двѣ сестры бинули комки земли въ другихъ юношей, одѣтыхъ въ красивые платья...

Выдавая замужъ старшихъ дочерей, царь устроилъ большой, веселый пиръ, а когда выдавалъ младшую дочь за юношу въ старомъ платьѣ, то устроилъ плохой пиръ и отвелъ новобрачнымъ мѣсто не во дворцѣ, а въ конюшнѣ.

Прошло нѣсколько времени. Однажды царь со своими визирями выѣхалъ на охоту и взялъ въ собою двухъ старшихъ зятьевъ съ

¹⁾ Постъ Рамазанъ совершается въ 9-й мѣсяцъ мусульманскаго года и бываетъ въ всякое время года, такъ какъ мусульманскій годъ короче солнечнаго на 11 дней. Н. О.

ихъ женами, а младшаго зятя (съ золотыми волосами) оставилъ съ его женою въ конюшнѣ. Но младшій зять вынулъ прядь волосъ, выдернутыхъ изъ гривы лошади, освобожденной изъ шайтанова дома, и зажегъ волосы. Въ ту же минуту у входа въ конюшню быстро появились самыя лучшія лошади міра. Юноша выбралъ изъ нихъ двѣ—себѣ и женѣ, а затѣмъ досталъ лучшее платье, взятое имъ изъ дома шайтана, одѣлся самъ и далъ платье своей женѣ, сѣлъ съ нею на лошадей и поѣхалъ къ мѣсту охоты царя. Царь узналъ свою дочь, но мужа ея не узналъ, удивился и спросилъ: «У тебя былъ плохой мужъ, а это--кто?» Дочь рассказала отцу все, что знала о своемъ мужѣ. Царь очень разсердился на старшихъ дочерей за то, что онѣ не выбрали себѣ такихъ-же мужей и приказалъ слугамъ умертвить ихъ.

Потомъ царь передалъ царство зятю съ золотыми волосами, а самъ удалился на покой. Новый царь побывалъ у своихъ родителей и, возвратившись въ новое свое царство, началъ справедливо царствовать. Когда ему было нужно лошадей и собакъ для охоты, или птицъ для пѣнія въ саду, онъ жегъ волосы и перья, полученные имъ отъ животныхъ и птицъ, которыхъ выпустилъ изъ дома дьявола,—и къ нему тотчасъ являлись самыя лучшія лошади, птицы и собаки.

(Эта сказка записана въ Копандѣ В. Ѳ. Васильевымъ со словъ ученика Копандской русско-туземной школы Ибрама, сына Копандскаго казизъ Музлы Агыла).

III.

Баба-Яга и братъ ея царевичъ.

Въ одномъ городѣ жилъ царь. У царя было три сына, а дочери не было ни одной. Когда родился у царя третій сынъ, то вскорѣ царь совѣтъ разлюбилъ мать этого сына за то, что она стала не красива. Царь прогналъ жену изъ своего дворца, а взявши ея взялъ себѣ другую жену, молодую и красивую.

У царя въ это время была одна очень умная и красивая лошадь, и царю хотѣлось имѣть отъ нея жеребенка. Но всякій разъ, какъ только эта лошадь жеребилась, то въ ту же ночь кто-то похищалъ молодого жеребенка, и царю никакъ не удавалось не только имѣть, но даже и поглядѣть на него. Вотъ царь однажды и говоритъ

всѣмъ тремъ своимъ сыновьямъ, чтобы они каждый годъ, въ день появленія жеребенка по-очередно находились въ конюшнѣ, не спали бы и вора караулили.

Наступило время жеребиться лошади. По старшинству, пошелъ на ночь въ царскія конюшни караулить вора старшій сынъ царя. Пришелъ онъ и поспѣлъ недолго, какъ началъ понемногу подувать прохладный и усыпляющій вѣтерокъ... Царевичъ крѣпко заснулъ подъ этотъ вѣтерокъ, а вѣтеръ между тѣмъ усилился... Подъ шумъ усилившагося вѣтра, примчалась въ конюшню Баба-Яга, захватила только-что родившагося жеребенка и въ одинъ мигъ спинула въ шумъ вѣтра. На утро царевичъ проснулся и видитъ, что жеребенка нѣтъ, и пошелъ сказать отцу, что онъ все время караулилъ, но никакого жеребенка не видалъ.

На другой годъ очередь караулить досталась среднему брату. Съ нимъ случилось тоже самое, что и со старшимъ братомъ: и онъ тоже проспалъ, а жеребенка и Бабу-Ягу не видѣлъ.

На третій годъ наступила очередь идти на караулъ младшему царевичу, чтобы караулить жеребенка. Царевичъ пришелъ въ конюшню, взялъ пожъ, надрѣзалъ имъ себѣ мизинецъ и посыпалъ надрѣзанное мѣсто солью. Мизинецъ сильно щипало, и царевичу было не до сна. Вдругъ повѣяло усыпляющею прохладой, и царевичъ начало клонить ко сну; но онъ еще посыпалъ солью раздрѣзанный мизинецъ и не поддавался сну. Только настала темная ночь и все смолкло, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ. Въ вихрь примчалась Баба-Яга и схватила только-что родившагося жеребенка. Царевичъ успѣлъ выстрѣлить въ нее и отбилъ у нея мизинецъ на рукѣ; но Баба-Яга съ визгомъ и воемъ скрылась изъ конюшни и все-таки утащила съ собой жеребенка. Царевичъ взялъ отшибленный у Бабы-Яги большущій, съ звѣринымъ когтемъ, палецъ, на утро принесъ его къ отцу и сказалъ, что въ ихъ царскій домъ ластаетъ недобрый духъ.

Послѣ того молодая царица родила дочь и въ ту же ночь сама скрылась изъ дворца. Царь сначала сильно обеспокоился этимъ, но потомъ забылся и привязался къ единственной своей дочери, а царевичъ сталъ жить на-сторожѣ и ко всему приглядывался.

Вотъ однажды царевичъ увидѣлъ случайно свою неродную (отъ другой матери) сестру и замѣтилъ, что у нея на рукѣ цѣтъ мизинца. Царевичъ разомъ сообразилъ тогда, что это была дочь Бабы-Яги, у которой онъ отстрѣлывал мизинецъ, и тотчасъ-же сообщилъ объ этомъ братьямъ и отцу. Царь и братья не повѣрили этому, но царевичъ сталъ просить отца, чтобы онъ убилъ дочь свою, или же отпустилъ

бы его самого изъ дома. Царь сказалъ ему: «У меня вась, сыновей, трое, а дочь у меня только одна; поэтому, если хочешь, то самъ уходи». Царевичъ собрался и ушелъ, куда глаза глядѣли.

Долго царевичъ путешествовалъ. Однажды къ вечеру увидѣлъ онъ на небольшой горкѣ домикъ, а внизу подъ горкой, вдоль рѣчки, тѣнистый садъ, съ разными пахучими и непахучими цвѣтами и разными деревьями. Среди сада росли три большихъ тѣнистыхъ дерева, а на нихъ висѣли вкусные плоды и орѣхи. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ былъ раскинута шатеръ, въ которомъ сидѣла на разшитомъ коврѣ молодая и красивая дѣвица. Сидитъ она и груститъ и печальныя пѣсни поетъ, брянда на тамбурѣ (родъ гитары), а сзади присѣла къ ней старушка, ея мать, и нѣжно ей стала косы расплетать. Царевичъ сталъ прислушиваться къ чужимъ пѣснямъ и весь превратился въ слухъ отъ такихъ дивно-грустныхъ и притомъ нѣжныхъ пѣсень. Слышалъ онъ, какъ дѣвушка въ своихъ пѣсняхъ оплакивала свою горькую, несчастную дѣвичью долю: она прощалась съ бѣлымъ свѣтомъ, свѣтлымъ солнышкомъ и своими пахучими цвѣтами и кудрявыми деревьями. Пѣла она, что скоро придуть къ матери ненавистныя ей сваты и свахи отъ богатыхъ и знатныхъ жениховъ, сосватаютъ и уведутъ насильно изъ материнскаго дома въ домъ какого-нибудь сластолюбиваго старика. И придется ей весь свой вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкари), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собой и попрекаютъ ее за ея молодость и красоту. Не выдержала расчувствовавшаяся дѣвица конца своей пѣсни, зарыдала и упала на грудь своей матери. Дѣвица стала просить и умолять мать, чтобы не отдавала она ее за такого мужа, у котораго много женъ и чтобы ей не приходилось ждать очереди. Когда мужъ приласкаетъ ее и приголубитъ, а чтобы выдала ее хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ, по закону, у мужа одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвицы ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Заслушался царевичъ нѣжныхъ пѣсень и умныхъ рѣчей дѣвицы-красавицы и незамѣтно для самого себя самъ тихо запѣлъ грустную пѣсню. Пѣлъ онъ, какъ его отецъ-старикъ прогналъ его мать за то, что она стала некрасива и не могла его своими ласками потѣшать; пѣлъ онъ дальше, зачѣмъ есть на свѣтѣ такой плохой законъ, что мужья такъ своихъ женъ обижаютъ, а отцы насильно своихъ дочерей замужъ выдаютъ...

Мать и дочь испугались, услышавъ пѣніе неожиданнаго гостя-пѣвца. Дочь убѣжала, а мать старушка осталась одна дослушивать

его пѣню. Старушка ласково приняла путешественника и разспросила у него: кто онъ такой, куда идетъ и какъ сюда попалъ?—

Царевичъ разсказалъ, что онъ—сынъ цари, который прогналъ его мать за то, что она стала некрасива и велѣлъ на мѣсто нея привести себѣ другую, молодую и красивую дѣвицу, отъ которой родилась потомъ четырехъ-палая Баба-Яга. Мать ея тотчасъ-же послѣ родовъ, ночью скрылась, но отецъ его еще больше привязался къ единственной своей дочери. Царевичъ закончилъ, что онъ, изъ боязни погибнуть отъ своей сестры, ушелъ отъ отца, и рѣшилъ во что бы то ни стало найти свою несчастную мать...

Старушка уговорила царевича отдохнуть у нихъ, а тѣмъ временемъ она подумаетъ найти средство, какъ бы ему легче и скорѣе розыскать свою мать. Царевичъ согласился и пожить у нихъ. За это время мать и дочь такъ привыкли и полюбили царевича, что неохотно отпустили его въ его дальнѣйшій путь. На дорогу старушка дала царевичу гребенку, бритву и оселокъ-точило и сказала при этомъ: «Это ты, сынокъ, береги больше всего на свѣтѣ: когда случится у тебя необходимая бѣда, ты сначала бросай гребенку, потомъ бритву, а затѣмъ уже точило-брусокъ. А еще вотъ тебѣ маленькое весельце: когда тебѣ будутъ попадаться разомъ нѣсколько дорогъ, ты брось на землю эту палочку-весельце, и, куда она лопаткой повернется, туда ты и иди... Такимъ образомъ ты найдешь свою мать». — Дочь дала царевичу придъ своихъ красивыхъ волосъ.

Царевичъ ушелъ, а старушка съ дочерью стали скучать по такому желанномъ и добромъ юношѣ. Больше же всего стала скучать и тосковать по царевичѣ дочь. Но старушка мать стала утѣшать ее и говорить, что онъ долженъ будетъ когда-нибудь вернуться къ нимъ.

Много пришлось несчастному царевичу разныхъ земель проходить и обидъ отъ недобрыхъ людей переносить, но каждый разъ ему показывала вѣрную дорогу палочка-весельце. Наконецъ-то онъ пришелъ въ то царство, гдѣ жила еще въ пущей неволѣ его мать... (Когда она ушла изъ дома своего мужа-царя, ее на дорогѣ схватили разбойники и продали на базарѣ въ рабство). Въ тотъ домъ, гдѣ находилась мать царевича, царевичъ вошелъ переодѣтымъ бѣднымъ кушомъ и началъ торговать свою мать, какъ бы въ служанки для присмотра за домою. Не за дорого выкупилъ онъ свою мать изъ неволи и остался съ нею жить въ этомъ городѣ, въ своемъ купленномъ домѣ. Царевичъ признался матери, что онъ—ей сынъ, а она—его мать. Началъ царевичъ торговать, и торговля дѣла его пошли очень хорошо... Народъ полюбилъ его и считалъ за умнаго и добраго человѣка.

Прошло нѣсколько времени, и вдругъ мать его захворала, похворала-похворала и умерла. Похоронивъ мать, царевичъ долго горевалъ и наконецъ рѣшилъ покинуть этотъ городъ, чтобы лучше забыться въ путешествіи. Часть своего имущества онъ продать, а больше всего роздать бѣднымъ, нищимъ, чтобы они молились Богу о его покойной матери, которую при жизни всѣ любили за ея добрыя дѣла. Поставилъ царевичъ памятникъ на ея могилѣ, а самъ пошелъ на родную сторонушку посмотрѣть, какъ поживаютъ тамъ его отецъ, братья и четырехъ-палая сестра, дочь Бабы-Яги.

Когда царевичъ подходилъ ко дворцу своего отца, народъ съ удивленіемъ и жалостью глядѣлъ на него, но не посмѣлъ прямо сказать ему, что во дворцѣ живется неладно. Но царевичъ объяснилъ себѣ это изумленіе тѣмъ, что онъ—пріѣзжій человѣкъ и что потому на него такъ странно и смотреть.

Пришелъ царевичъ во дворецъ, долго ходилъ по комнатамъ дворца, но нигдѣ ни одного человѣка не нашеть. Наконецъ онъ заглянулъ въ скважину одной двери и остолбенѣлъ отъ удивленія и испуга. Онъ увидѣлъ черезъ скважину свою сестру Бабой-Ягой. Она сидѣла и съ наслажденіемъ перебирала головы, отбѣденныя ею же самой у разныхъ людей. Потомъ царевичъ увидѣлъ, какъ она розыскала голову своего отца—царя и откинула ее въ сторону. Затѣмъ она нашла голову старшаго брата и тоже отбросила ее. Наконецъ взяла она голову средняго брата и говорить: «Когда-то я доберусь до головы младшаго брата!» Царевичъ отскочилъ отъ двери, но Баба-Яга, услышавъ шорохъ за дверью, живо перевернулась опять въ его сестру-дѣвицу, вышла къ своему брату и стала его спрашивать, какъ онъ путешествовалъ; а потомъ стала уговаривать его, чтобы онъ погостилъ у нея, такъ какъ у нея теперь большое горе—умерли отецъ и братья. Царевичъ отговаривался тѣмъ, что у него есть срочныя дѣла и что онъ лучше потомъ къ ней зайдетъ; но она уговорила брата хоть только пообѣдать съ ней.

Дѣлать было нечего, и царевичъ согласился остаться обѣдать у сестры. Тогда сестра дала ему барабанъ и говорить: «На, вотъ тебѣ, братъ, барабанъ, и ты все время въ него барабань, чтобы я знала, что тебѣ здѣсь не скучно, а я пойду готовить обѣдъ». Царевичъ дрожащими руками взялъ барабанъ и принялся въ него барабанить, а сестра ушла готовить обѣдъ.

Только ушла она отъ царевича, какъ въ комнату воѣжала старая лиса и говорить: «Песлушай-ка, царевичъ: тебѣ готовится здѣсь великая обѣда: вѣдь твоя сестра—Баба-Яга! Она пошла готовить

для тебя обѣдъ съ ядомъ. Если ты тутъ останешься, то черезъ часъ ты погибнешь,—и будетъ здѣсь лежать твоя голова вмѣстѣ съ головами братьевъ и отца. Поэтому ты давай мнѣ барабанъ и палочки: я стану барабанить, а ты скорѣй убѣгай. Царевичъ отдалъ лисѣ барабанъ и убѣжалъ, а лиса барабанить себѣ, да барабанить.

Когда обѣдъ сварился, Баба-Яга пошла звать брата обѣдать. Идетъ она и подъ носъ себѣ говорить: «Хорошо ты барабанишь, а вотъ я уже посмотрю, какъ ты у меня здѣсь съ отцомъ и братьями рядкомъ ляжешь... Какъ ты далеко ни гулялъ, а все-таки своей судьбы здѣсь не избѣжалъ».—Лиса услышала голосъ Бабы-Яги и живо скрылась.

Услышала Баба-Яга, что царевич пересталъ барабанить и опять заговорила себѣ подъ носъ: «Ужъ очень хорошо ты, братецъ, барабанилъ и видно усталъ, что барабанить пересталъ... погоди, сейчасъ вотъ пообедаемъ, поговоримъ, отца съ братьями помянемъ и заснемъ».—Въ это время она отворила дверь, а въ комнатѣ никого нѣтъ.—Разомъ догадалась тутъ Баба-Яга, что изъ бѣды выручила царевича старая лиса.

Помчалась Баба-Яга догонять брата, но далеко царевичъ убѣжалъ... Оглянулся и видитъ—мчится за нимъ Баба-Яга, бѣжитъ, мычитъ и смертью царевичу грозить. Тутъ царевичъ вспомнилъ про гребенку, бритву и точило-брусокъ. Живо досталъ онъ гребенку, бросилъ ее Бабѣ-Ягѣ, а самъ продолжалъ бѣжать. Вдругъ передъ Бабой-Ягой выросъ большой, густой, непроходимый лѣсъ. Долго Баба-Яга пробиралась черезъ лѣсъ, но все-таки выкарабкалась и снова стала догонять царевича. Царевичъ обернулся и еще болѣе испугался, когда увидѣлъ, что она вся исцарапана и окровавлена... Баба-Яга остервенѣла пуще прежнего.

Когда стала она наступать царевича, онъ бросилъ ей бритву. Вдругъ передъ Бабой-Ягой поднялась высокая и неприступная гора... Царевичъ успѣлъ далеко убѣжать, а Баба-Яга черезъ горы и скалы снова за нимъ мчится и догоняетъ его. Тогда бросилъ царевичъ Бабѣ-Ягѣ точило-брусокъ, а самъ немного отбѣжалъ и въ невозможности на землю упалъ. Только что Баба-Яга подбѣжала къ точилу-бруску, какъ передъ ней образовалось бездонное море. Тутъ же поднялась и сильная буря. Долго Баба-Яга боролась съ бушующими волнами и чуть было не выплыла, но схватила ее за ногу чудовище-рыба и ко дну морскому потащила.

На берегу моря царевичъ отдохнулъ, а потомъ палочкой-весельцемъ по морю взмахнулъ. Вдругъ чудовище-рыба къ нему подплыла

и приговорила: «Не бойся теперь, царевичъ, никого: Бабу-Ягу я большущимъ камнемъ ко дну морскому придавила и къ тебѣ на выручку снова поспѣшила. Теперь ты садись на меня: я живо на другой берегъ тебя перевезу». Царевичъ сѣлъ на спину чудовища-рыбы и скоро переплылъ черезъ море. Царевичъ сталъ рыбу благодарить и прощаться съ ней, а рыба-чудовище ему говорить: Благодарить можно, а прощаться нельзя: я, можетъ быть, скоро опять буду нужна тебѣ; только ты не терй и всегда бери съ собой палочку-весельце».

Возвратился царевичъ въ тотъ городъ, гдѣ царствовалъ его покойный отецъ. Народъ весь отъ пепуга дрожить,—все ждеть, скоро ли вернется назадъ Баба-Яга, чтобы снова народъ пожирать и ихъ кости глотать. Но царевичъ успокоилъ народъ и разсказалъ все о Бабѣ-Ягѣ. Началъ онъ осматривать дворецъ и нашелъ въ комнатахъ головы отца, братьевъ и другихъ людей и животныхъ. Увидѣлъ онъ также, что рядомъ лежатъ красивыя головки отъ украденныхъ изъ царской конюшни жеребятъ.—Головы отца, братьевъ и другихъ людей царевичъ похоронилъ и на поминкахъ весь народъ напоилъ и накормилъ.

Черезъ нѣсколько времени царевичъ задумалъ жениться и разослалъ многихъ умныхъ людей по всеѣмъ странамъ, чтобы отыскать ту старушку, у которой была красавица и умница дочь. Онъ разсказалъ посланнымъ, какъ эта старушка дала ему на дорогу гребень, бритву и точило-брусокъ, а на всякій случай еще палочку-весельце, и какъ дочь ея дала ему прядь своихъ волосъ. При этомъ онъ далъ каждому послу по волоску, чтобы они не ошиблись, когда найдутъ ту дѣвицу.

Долго ждалъ новый царъ своихъ посланныхъ. Наконецъ три посла пришли и принесли другую прядь такихъ же точно волосъ. Они сказали, что старушка и дочь ея живутъ теперь за тѣмъ моремъ, что образовалось отъ брошеннаго имъ бруска, и будутъ радоваться, когда увидятъ у себя царя съ приближенными людьми.

Отправился молодой царъ за невѣстой, пріѣхалъ къ морю, а тамъ для нихъ корабль былъ уже готовъ. Благополучно переплылъ царъ море и впередъ поскакалъ къ невѣстѣ и ея матери. Много было пролито слезъ радости и царемъ, и невѣстой его, и матерью ея—старушкой.

На другой день царъ съ невѣстой, ея матерью и своими людьми отправился въ свое царство. Пріѣхали они къ морю, сѣли всѣ на корабль и поплыли. Но только они выплыли на средину моря, гдѣ погибла Баба-Яга, какъ вдругъ поднялась сильная буря. Корабль ихъ чуть не тонетъ. Тутъ царъ и вспомнилъ про чудовище рыбу, взмахнулъ палочкой-весельцемъ,—и передъ ними въ мигъ появилась опять та же громаднѣйшая рыба. И только они усѣли всѣ на чудовище-

рыбу перебраться, какъ корабль на ихъ глазахъ сталъ трещать и ломаться и наконецъ потопуль, а чудовище-рыба быстро неслась по шумящимъ волнамъ къ берегамъ. Пристали къ берегу и вышли на сушу. Царь и невѣста поблагодарили чудовище-рыбу и пригласили ее къ себѣ на свадьбу. Рыба сама ихъ поблагодарила и всего хорошаго имъ пожелала. Потомъ хвостомъ всплеснула и въ морѣ скрылась. Затѣмъ и буря вдругъ утихла на морѣ.

Свадьбу пировали 40 дней и 40 ночей, а потомъ молодые супруги продолжали свою счастливую жизнь.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ И. А. Митропольскимъ, со словъ сарта сановника, въ его мастерской).

IV.

Царевичъ-богатырь и мечъ-кладенецъ.

Жилъ-былъ царь, и было у него три сына. Передъ смертью царь раздѣлилъ свое наслѣдство между тремя сыновьями: старшему онъ отказалъ свое царство; среднему — всѣ свои сокровища, а младшему оставилъ древній богатырскій мечъ, отбитый имъ въ старину у одного чародѣя. Когда отецъ умеръ, старшій сынъ началъ воевать съ сосѣдними народами, но враги отняли у него царство. Средній сынъ пустился въ кутежи и живо промоталъ все отцовское наслѣдство. Младшій же сынъ жилъ тихо, день и ночь охраняя чародѣйскій мечъ. Наконецъ, ему наскучило жить безъ дѣла, и онъ предложилъ своимъ братьямъ отправиться въ чужія страны поискать счастья. Братья согласились и отправились.

Вотъ они шли-шли и пришли къ большой рѣкѣ. По берегамъ этой рѣки находились высокія, красныя мѣста и тѣпые сады: около одного изъ этихъ садовъ протекалъ большой ключъ свѣтлой, холодной воды. Братья тутъ и остановились отдохнуть на нѣсколько дней.

Когда старшіе братья заснули, младшій взялъ свой мечъ и пошелъ, при свѣтѣ яркой луны, осмотрѣть мѣстность. Въ одномъ саду онъ увидѣлъ большой красивый домъ, обнесенный неприступною стѣной и рвомъ. Царевичъ вынулъ свой мечъ, срубилъ два тополя, сдѣлалъ изъ нихъ лѣстницу и перекинулъ ее черезъ ровъ. Потомъ онъ приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ и въ мигъ очутился на ея гребнѣ. Какъ разъ въ это время луна еще сильнѣе обила замокъ своимъ серебристымъ свѣтомъ, и царевичу представилось чудное зрѣлище: онъ увидѣлъ высокій холмъ, покрытый деревьями необыкновенной

вышины; изъ-подъ корней ихъ была ключезъ серебряная вода и стекла въ огромные водоемы, въ которыхъ плавали золотистыя рыбки. А на самой вершинѣ холма лежалъ и храпѣлъ на весь садъ Бѣлый Дивъ. Царевичъ спрыгнулъ со стѣны, тихо подошелъ къ спящему Диву, вынулъ свой мечъ и призадумался, отрубить ли онъ голову чудовищу, такъ какъ мечъ его былъ коротокъ. Но вдругъ мечъ вытянулся на 40 аршинъ. Царевичъ размахнулся и разомъ отрубилъ голову Диву. Кровь полилась ручьемъ, а голова Дива провалилась въ землю.

Въ водоемѣ, на спинѣ одной золотой рыбки царевичъ увидѣлъ серебряный ключъ. Взялъ онъ этотъ ключъ и пошелъ въ домъ. Видитъ царевичъ—на одной двери виситъ серебряный замокъ. Онъ отперъ замокъ серебрянымъ ключемъ и вошелъ въ большую комнату. Въ ней было очень много разныхъ дорогихъ украшеній, а на стѣнахъ висѣло девять ключей. Снялъ онъ эти ключи и увидѣлъ желѣзную дверь, запертую 9 замками, отперъ ее снятыми со стѣны ключами. Здѣсь онъ увидѣлъ сидѣвшую въ неволѣ бѣлолицую красавицу-царевну, всю украшенную жемчугомъ и бирюзой. Она обрадовалась царевичу, какъ родному брату, а онъ стоитъ, пораженный ея красотой, и не шелохнется. Царевна рассказала своему спасителю, что этотъ страшный Дивъ съѣлъ ея отца и переѣлъ почти весь народъ, а ее къ себѣ въ неволю взялъ. Затѣмъ она сказала царевичу: „Если я такъ хороша, то полюбуйся на меня, отдохни немножко, а потомъ спасайся, скорѣй уходи: вѣдь, Бѣлый Дивъ скоро проснется и придетъ ко мнѣ: тогда онъ тебя въ мигъ съѣстъ. Царевичъ успокоилъ ее, сказавъ, что онъ уже убилъ этого Дива. Тогда царевна стала просить царевича-богатыря взять ее замужъ за себя. Но царевичъ сказалъ, что у него есть два старшихъ брата и что имъ слѣдуетъ раньше его жениться. Онъ обѣщалъ скоро прислать къ ней старшаго своего брата, а самъ ушелъ и заперъ царевну только на одинъ замокъ. Царевна немного вздохнула, успокоилась и ожидала, когда придетъ за ней женихъ.

Царевичъ вернулся къ братьямъ и легъ спать. Когда братья проснулись, то даже и не замѣтили, что ихъ младшій братъ уходилъ ночью. Весь день проспалъ царевичъ и только къ вечеру всталъ. На другую ночь, лишь только старшіе братья заснули, царевичъ снова всталъ, взялъ свой мечъ и опять пошелъ, но уже въ противоположную сторону. Видитъ онъ большой курганъ, а на курганѣ раскинуты шатры: въ нихъ, при свѣтѣ луны, сидятъ и пьютъ кумысъ 40 разбойниковъ. Они сговариваются убить сосѣдняго богатаго царя и ограбить всю его казну. Царевичъ, услышавъ это, пересчиталъ разбойниковъ и, обдумавъ,

что говорить и что дѣлать, переодѣлся въ разбойничью одежду, незамѣтно вошелъ въ шатеръ и подошелъ къ разбойникамъ.

„Эй! ты кто такой? Ночной бродяга! Зачѣмъ сюда идешь?“ вскрикнули разомъ разбойники. Царевичъ, не слушая ихъ, вынулъ свой богатырскій мечъ и, опираясь на него, сказалъ имъ, что онъ тоже разбойникъ и давно ихъ искалъ, чтобы быть ихъ 41-мъ товарищемъ. Разбойники, увидя его страшный мечъ и гордую осанку, подивились, что онъ даже знаетъ, сколько ихъ, и охотно выбрали его своимъ атаманомъ. Разбойники подробно рассказали ему свой планъ грабежа и отправились. Подошли они къ стѣнѣ, перелѣзли черезъ нее и увидѣли въ саду большой домъ. 40 разбойниковъ остались у дома, а царевичъ, держа въ рукахъ мечъ, тихо отворилъ дверь и вошелъ въ большую царскую комнату. Здѣсь онъ увидѣлъ 40 спящихъ министровъ и однимъ ударомъ своего 40 аршиннаго меча зарубилъ всѣхъ. Идетъ въ другую комнату и видитъ тамъ 40 казначеевъ. Они спятъ мертвымъ сномъ, а среди нихъ стоитъ золотой сундукъ съ казною. Царевичъ и ихъ убилъ. Царя онъ не сталъ искать, а взялъ этотъ сундукъ и пошелъ къ своимъ товарищамъ. Разбойники обрадовались, увидя такое богатство. Царевичъ приказалъ имъ всѣмъ выѣзъ на стѣну, чтобы потомъ передать имъ золотой сундукъ и самому перелѣзть черезъ стѣну. Разбойники залѣзли на стѣну и стали ждать, когда имъ царевичъ подастъ сундукъ; но царевичъ выхватилъ свой сорокааршинный мечъ и однимъ ударомъ зарубилъ всѣхъ разбойниковъ. Затѣмъ сундукъ онъ закрылъ въ землю и вернулся еще ночью къ спавшимъ братьямъ, которые опять ничего не знали о его уходѣ.

На другой день всѣ братья собрались у ключа бѣсы палау ¹⁾ и совѣтоваться, куда имъ идти. Тутъ царевичъ сказалъ, что онъ видѣлъ въ эту ночь страшный сонъ и рассказалъ всѣ подробности своихъ богатырскихъ походовъ, совершенныхъ имъ въ эти двѣ ночи. Старшіе братья дивились такому сну и начали видѣть въ младшемъ братѣ настоящаго богатыря.

Въ это время ихъ разговоръ подслушала Баба-Яга.

На другой день ограбленный царь проснулся и видитъ, что его министры и казначей перебиты, а казна похищена. Собравъ къ царю народъ, слышались вездѣ крики и стоны: плакали родные о своихъ убитыхъ отцахъ и братьяхъ, и никто не зналъ, кто такой былъ ночью. Но вотъ къ царю пришла Баба-Яга и сказала, что она подслу-

¹⁾ Палау — любимое блюдо у сартовъ. Палау — разваренный въ бараньемъ салѣ рисъ, приправленный морковью, лукомъ, перцемъ и др. Въ котлѣ выѣстъ съ рисомъ варится и куски бараньяго мяса, которые потомъ и подаютъ съ рисою. П. О.

пала разговоръ трехъ братьевъ. Тогда царь призвалъ своихъ 40 палачей и приказалъ имъ розыскать этихъ трехъ братьевъ и доставить ихъ ему живыми. Палачи, по указанію Бабы-Яги, нашли то мѣсто, гдѣ были братья-царевичи. Младшій царевичъ пошелъ покупаться, а два старшіе брата его остались одни. Въ это самое время на нихъ напали палачи и связали ихъ, а къ младшему подкралась Баба-Яга и хотѣла сама его утащить къ царю, но царевичъ быстро выхватилъ свой мечъ и распоролъ имъ животъ Бабы-Яги. Отрѣзавъ у нея длинную косу, онъ обвилъ ея косою рукоятку меча и пошелъ къ братьямъ. Только что онъ сталъ подходить къ своему мѣсту, какъ увидѣлъ тамъ 40 палачей, а братьевъ своихъ связанными. Палачи, увиди его, закричали: „Иди, иди, голубчикъ! Тебя-то и нужно! Ужъ давненько тебя ждемъ; давненько тамъ у царя для тебя острый ножъ припасенъ“. Царевичъ взмахнулъ своимъ 40-аршиннымъ мечемъ,—и сорока палачей какъ не бывало.

Долго царь ждать посланныхъ своихъ палачей. Наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ трехъ колдуновъ, чтобы они сказали, какая тому причина. Колдуны развернули свои книги, почитали ихъ и сказали царю: «О царь! тамъ есть три брата-царевича, и младшій изъ нихъ—богатырь. Онъ за это короткое время убилъ Бѣлаго Дива, убилъ 40 министровъ, 40 казначеевъ, 40 человѣкъ разбойниковъ и, наконецъ, онъ же убилъ 40 палачей твоихъ. Этотъ царевичъ владѣетъ сильнымъ оружіемъ, а потому и не слѣдуетъ съ нимъ воевать, а лучше побѣдить его обманомъ.» Поэтому колдуны посоветовали царю позвать царевичей въ гости.

Царь послушалъ колдуновъ, послалъ трехъ своихъ министровъ и велѣлъ взять изъ царской конюшни трехъ хорошихъ лошадей въ подарокъ тремъ братьямъ. Три министра пріѣхали къ тремъ братьямъ, подарили имъ отъ имени царя коней и стали просить ихъ на пиръ къ своему царю. Братья согласились и поѣхали все трое къ царю. Царь принялъ ихъ съ почестями и усадилъ возле себя. Два старшихъ брата сѣли по бокамъ царя, а младшій сѣлъ напротивъ него, чтобы удобнѣе было смотрѣть прямо въ глаза царю и слѣдить за движеніями глазъ и выраженіями лица его. Царя и его гостей окружило войско и народъ. Тогда царь разсказалъ народу, кто эти три человека, и сколько людей убилъ младшій изъ нихъ своимъ волшебнымъ мечемъ. Богатырь-царевичъ во всемъ спокойно признался и продолжалъ сидѣть. Царь сталъ спрашивать, какой казни достоинъ этотъ преступникъ. Но царевичъ давно все это уже замѣтилъ и только на колѣни къ себѣ свой мечъ положилъ. Какъ увидѣли три колдуна

этотъ мечъ, да еще косу Бабы-Яги на рукояткѣ меча, то разомъ соображали, что лучше всего дѣло это кончить миромъ. И стали они склонять къ этому народъ. Тогда народъ сказалъ царю: «Такого богатыря надо не казнить, а твоею царскою дочерью наградить: такой богатырь будетъ народною красой, а всѣмъ другимъ царимъ грозой». Царь предложилъ царевичу единственную свою дочь, но царевичъ отказался и сказалъ, что онъ долженъ жениться послѣднимъ изъ братьевъ и показать на своего средняго брата, какъ на достойнаго жениха царской дочери.

Свадьбу пировали 40 дней и 40 ночей. Послѣ пира два младшіе брата поѣхали провожать старшаго брата въ замокъ убитаго дива, къ бѣлолицой царевнѣ. Когда царевичъ пріѣхалъ въ замокъ, у плѣнной царевны полились отъ радости слезы по бѣлому лицу. Долго три брата-царевича говорили и вторую свадьбу справили. Пировали 40 дней и 40 ночей. И сталъ жить здѣсь старшій царевичъ и царствовать и разбѣжавшійся народъ собирать, а младшіе братья вернулись назадъ.

Недолго младшій царевичъ гостилъ у средняго брата. Средній братъ не отпускалъ младшаго, говори, что какъ онъ уйдетъ, то царь у него свою дочь отберетъ, а его самого убьетъ. Но младшій царевичъ успокоилъ брата и сказалъ, что если царь только подумаетъ, хоть что-нибудь сдѣлать своему зятю, то онъ, царевичъ, быстро очутится здѣсь и своимъ мечемъ зарубитъ и царя, и весь народъ. Царь общался не только не обижать своего зятя, но далъ слово любить его. Тогда царевичъ велѣлъ царю приказать сдѣлать ногойку, ручку къ ней вылить изъ серебра и насыпать сахару въ нее. Когда ногойка была подана царю, царь отдалъ ее царевичу, а царевичъ своимъ богатырскимъ мечемъ надсѣлъ конецъ черенка и, отдавая при царѣ эту ногойку брату, сказалъ: «На, братъ, тебѣ вотъ эту ногойку; повѣсь ты ее у себя въ спальной на стѣнѣ, поставь подъ нее тарелку и смотри: если изъ нея потечетъ бѣлая вода, то это значитъ, что я помню тебя; когда же потечетъ красная вода, то ты садись вотъ на этого дикаго коня и скачи ко мнѣ. Конь самъ будетъ знать, куда надо будетъ скакать. При этомъ царевичъ надрѣзалъ коню лѣвое ухо. Конь, приведенный изъ степи, захрапѣлъ и подпрыгнулъ до самой крыши дворца. Его еле-еле могли слуги въ конюшню отвести, а царевичъ добавилъ: «Ну, теперь прощай и къ брату на свадьбу пріѣзжай». Съѣлъ царевичъ на даренаго ему царемъ коня и уекалъ.

Царевичъ направился въ Бухару и видитъ: тамъ весь народъ плачетъ. Онъ спросилъ о причинѣ плача, и ему рассказали, что въ городъ приходитъ необыкновенно большой драконъ (аждага) и каждый день пожираетъ по-очереди по одной дѣвницѣ изъ каждой семьи

и по одному барану, а теперь прямо стали выводить къ нему за городъ по дѣвницѣ и по барану, чтобы онъ въ городъ самъ не ходить и меньше страху наводилъ. Царевичъ купилъ себѣ на одинъ кокагъ (20 коп.) мяса и хлѣба и зашелъ въ домъ къ одной старухѣ. Оказалось, что это была Баба-Яга. Она сидѣла и плакала отъ страха, какъ бы и до нея не дошла очередь быть съеденною дракономъ, такъ какъ въ этотъ день уже отвелъ въ поле царскую дочь на съѣденіе дракону. Царевичъ сварилъ себѣ салау, поѣлъ и ушелъ въ поле. Принимая въ поле царевичъ видѣть, что на богатомъ коврѣ сидитъ и плачетъ царская дочь, а возлѣ нея лежитъ барашекъ.

Подошелъ къ ней царевичъ, и сказала ему царица, чтобы онъ уходилъ скорѣе, а то его драконъ съѣстъ. Но царевичъ не послушался царицы, а взялъ—зарѣзалъ барашка, изжарилъ его, поѣлъ и говорить царевичъ: «Я очень усталъ и лягу возлѣ тебя отдохнуть. Но какъ только ты заслышишь, что идетъ драконъ, ты разбуди меня. и если я не буду просыпаться, то ты тогда возьми мой мечъ и концомъ его уколѣ меня въ бедро: тогда я проснусь и буду защищать тебя отъ дракона».

Прошло немного времени, какъ царица уже слышала приближеніе дракона и начала будить царевича. Но царевичъ крѣпко спалъ и не пробуждался. Тогда она начала колоть его мечемъ,—кровь потекла, а царевичъ все спалъ. Тогда царица горько заплакала, горячія слезы ея капнули на ея кольцо съ именной печатью. Она приложила нагрѣвшуюся печать царевичу къ виску, и царевичъ-богатырь живо проснулся и видѣть не вдалекѣ отъ себя дракона. Увидѣвъ дракона, царевичъ лѣвой рукой крѣпко прижалъ къ своей груди царевну, а въ правую взялъ свой волшебный мечъ.

Только что драконъ приблизился къ царевичу и разинулъ свою пасть, какъ царевичъ вонзилъ ему въ ротъ свой 40-аршинный мечъ. Степь задрожала, когда драконъ зарычалъ; а какъ драконъ назадъ отскочилъ,—земля затряслась. Потомъ, когда драконъ снова бросился на богатыря-царевича, снова царевичъ вонзилъ ему свой мечъ, распоролъ ему животъ и выпустилъ на волю всѣхъ людей и барановъ, которыхъ онъ въ разное время живьемъ поглоталъ. Дракону хотѣлось овладѣть Бухарскою царицею; онъ и добирался до нея.

Отъ сильнаго испуга царица потеряла сознание, и царевичъ положилъ ее на коверъ. Уложивъ царицу, царевичъ вырѣзалъ у дракона изъ спины большой и длинный ремень и ушелъ съ нимъ въ соседнія горы. Въ этихъ горахъ паслись бухарскія стада лошадей и барановъ. Царевичъ подружился тамъ съ пастухомъ и сталъ у него жить.

Между тѣмъ царь, отецъ царевны, отправилъ свою дочь на съѣденіе дракона, собрали весь народъ и сказали: «Кто спасетъ отъ смерти мою дочь, за того я ее и замужъ выдамъ».—Быль въ то время одинъ старикъ. У него была уже жена, но ему захотѣлось пмѣть женой царскую дочь. Онъ пошелъ въ поле, чтобы украсть царевну до прихода дракона. Приходить старикъ въ поле и видѣть, что тамъ лежитъ безъ чувствъ царевна, а недалеко отъ нея—убитый драконъ. Старикъ изрѣзалъ на куски дракона, а царевну привелъ къ царю и говоритъ: «Долго я сражался за дочь твою съ чудовищнымъ дракономъ, умертвилъ и изрѣзалъ его... Мнѣ было очень тяжело: я самъ чуть было не погибъ въ борьбѣ съ дракономъ, но дочь твою я спасъ».—Царь обѣщалъ старику выдать за него свою дочь, когда она придетъ въ себя и поправится отъ страшнаго испуга.

Вдругъ разнесся слухъ по Бухарѣ, что царь выдаетъ свою дочь замужъ за старика. Пастухъ, который пасъ царскія стада, часто бывалъ въ царскомъ дворцѣ и часто видѣлъ царскую дочь. Однажды, передъ самой свадьбой, царевна стала спрашивать пастуха про его житье-бытье въ горахъ со стадами лошадей, барановъ и съ любимой ея козочкой. Пастухъ началъ подробно рассказывать царевнѣ, какъ онъ живетъ и при этомъ сказалъ, что у него живетъ необыкновенно красивый и богатырскаго вида молодой человѣкъ и что у этого человѣка на вискѣ есть клеймо, точь-въ-точь какъ печать царевны. Царевна вспомнила, кто ее избавилъ отъ дракона, поспѣшила къ отцу своему и рассказала ему все, что вспомнила. Царь сначала не повѣрилъ было дочери, но потомъ все-таки велѣлъ пастуху призвать его гостя. Пастухъ ушелъ къ себѣ въ горы и на другой день привелъ съ собою къ царю своего знакомаго—царевича. Царевна разомъ узнала царевича по лицу и по клейму, а царевичъ, для большаго еще убѣжденія царя, показалъ ему ремень, который вырѣзалъ изъ спины дракона.

Царь наконецъ повѣрилъ царевичу и помолвилъ за него дочь свою, а старика того повелѣлъ казнить за обманъ. Передъ самой свадьбой, изъ серебряной ногойки средняго брата царевича закапали красныя капли, и онъ въ одинъ мигъ прискакалъ къ младшему брату на свадьбу. Дорогой онъ захватилъ съ собой и старшаго брата. Когда прѣехали братья жениха-царевича, то начали пировать свадьбу и пировали 40 дней и 40 ночей на всю Бухару.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ Н. А. Митропольскимъ, со словъ одного сарта-ремесленника).

АДЖДАГА СААБАНЪ

V.

Бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ.

Жилъ старикъ со старухой. Они имѣли одного сына и жили очень бѣдно. Однажды старуха напярла 5 фунтовъ нитокъ, дала ихъ сыну и сказала: «Ступай, продай нитки и купи намъ хлѣба». Мальчикъ продалъ нитки на базарѣ за рубль и отправился за хлѣбомъ. На дорогѣ онъ увидѣлъ нѣсколькихъ дурныхъ мальчиковъ, которые хотѣли убить собаку, и сказалъ имъ: «Не бейте собаку, а лучше отдайте ее мнѣ». Шалуны отвѣчали: «Дай намъ рубль и возьми собаку». Мальчикъ пожалѣлъ собаку, отдалъ шалунамъ рубль и унесъ собаку домой. «Что ты принесъ, сынъ мой?» спросила его мать. — «Я принесъ собаку, сказалъ сынъ: мальчики хотѣли убить ее, но я сжалился надъ нею и купилъ ее на деньги, полученные за твои нитки». — «Ахъ, ты, глупый!» перебила его мать. «Мы здѣсь сидимъ голодные, а ты послѣдній рубль отдалъ за собаку; смотри больше не дѣлай такъ».

Черезъ нѣсколько дней мать опять напярла 5 фунтовъ нитокъ и послала сына на базаръ продавать ихъ, чтобы на вырученные деньги купить хлѣба. Сынъ на базарѣ продалъ нитки за рубль и пошелъ покупать хлѣбъ. На дорогѣ онъ увидѣлъ, какъ нѣсколько дурныхъ мальчиковъ хотѣли убить крылатого змѣя. «Не убивайте змѣя, а продайте его мнѣ!» просилъ ихъ мальчикъ. «Дай намъ рубль и возьми себѣ змѣя», отвѣчали шалуны. — Мальчикъ сжалился надъ змѣемъ, отдалъ шалунамъ деньги, а змѣя положилъ за пазуху и отправился съ нимъ домой. — «Что ты принесъ, сынъ мой?» спросила мать. — «Я принесъ змѣя: мальчики хотѣли его убить, но я купилъ у нихъ его на деньги, вырученные отъ продажи твоихъ нитокъ». — Мать сильно разсердилась, прибила сына и выгнала его изъ дома, крича: «Убирайся, откуда пришелъ! Ты больше не сынъ мнѣ, если такъ поступаешь». — Мальчикъ горько заплакалъ. Наконецъ, онъ взялъ змѣя, положилъ его за пазуху и вышелъ за городъ...

Шелъ онъ пять дней и пришелъ въ пустыню, гдѣ не было ни травы, ни деревьевъ, ни воды. Мальчикъ сильно усталъ и захотѣлъ ѣсть. Тогда змѣй человѣческия голоса спросилъ его, не хочетъ ли онъ ѣсть! — «Да, очень хочу», отвѣчалъ мальчикъ. — Змѣй сказалъ:

«Посмотри у меня под крыломъ: тамъ есть одна ямба»¹⁾). Мальчикъ вынулъ изъ-подъ крыла змѣя ямбу и, обрадовавшись, пошелъ бы-стрѣе. Скоро онъ дошелъ до города и, остановившись на рынкѣ, купилъ себѣ пицци и наполнилъ свой пустой желудокъ. Отдохнувъ, мальчикъ отправился дальше. Долго шелъ онъ. Наконецъ, змѣй сказа-лъ ему: «Теперь скоро будетъ жилище моего отца: здѣсь ты по-живи пять-шесть дней, а потомъ, если захочешь, отправляйся домой. Отецъ мой будетъ спрашивать у тебя, что ты желаешь получить отъ него на память, и ты не проси ни земли, ни воды, ни города, а проси котель да скатерть, которая открывается и закрывается, по желанію хозяина; проси также осла, который, по желанію хозяина, дастъ изъ своего рта золото, и дубинку, которая будетъ бить всякаго, по приказанію хозяина».

Между тѣмъ отецъ змѣя узналъ, что его пропавшій сынъ воз-вращается, и приказалъ своимъ людямъ вытти съ трубами и бара-банами на два дня пути отъ столицы для встрѣчи сына. Тамъ змѣй-отецъ съ радости 40 дней и 40 ночей веселилъ себя и народъ. Вернувшись въ столицу, отецъ-змѣй еще 7 дней и 7 ночей веселилъ и угощалъ мальчика, который спасъ его сына отъ смерти. Прошло нѣсколько дней послѣ пира. Мальчикъ, по совѣту змѣя-сына, опу-стилъ внизъ свои глаза и началъ притворяться скучнымъ. Змѣй-отецъ удивился этому и началъ спрашивать мальчика: «Что ты, сынъ мой, такъ печаленъ? Ужъ не хочешь ли ты уходить отъ насъ домой?» — «Да, мнѣ пора уже возвращаться домой», отвѣчалъ хитрый мальчикъ. — «Если ты уходишь, проси у меня, чего только хочешь» сказалъ змѣй. — «Ничего мнѣ не нужно дорогого; дай мнѣ только котель, ска-терть, осла и дубинку», сказалъ наученный мальчикъ. «Возьми лучше денегъ, сколько пожелаешь», сказалъ змѣй. — «Нѣтъ, денегъ мнѣ не нужно, а дай то, что я прошу». — «Возьми лучше земли, воды, или еще чего хочешь, но не бери котель, скатерть, осла и дубинку», сталъ упрашивать змѣй. — «Нѣтъ, ничего мнѣ не нужно; дай только то, что я прошу у тебя»... Змѣй не могъ отказать спасителю своего сына въ просьбѣ и отдалъ ему котель, скатерть, осла и дубинку. Кромѣ того, змѣй далъ мальчику 1000 человекъ для охраны его въ дорогѣ. Тогда мальчикъ отправился обратно въ свой городъ.

Долго ѣхалъ мальчикъ и повстрѣчался на дорогѣ съ шайтаномъ, который уговорилъ его остановиться почевать на томъ мѣстѣ, гдѣ они

¹⁾ Ямба — серебряные слитки разнаго вѣса, употребляемые китайцами въ торговлѣ Н. О.

встрѣтились. Мальчикъ согласился, слѣзъ съ осла и положилъ около себя котель и скатерть, а дубинку заткнулъ за поясъ, легъ и заснулъ. Ночью шайтанъ подмѣнилъ осла, котель и скатерть обыкновенными осломъ, котломъ и скатертью. Проснувшись утромъ и не замѣтивъ подмѣны, мальчикъ собралъ свои вещи и отправился дальше. На дорогѣ ему захотѣлось ѣсть, и онъ приказалъ котлу сткрыться, но котель былъ обыкновенный и приказанія мальчика не исполнилъ. Тогда мальчикъ приказалъ развернуться скатерти, но и она не развертывалась. Потомъ мальчикъ слѣзъ съ осла и приказалъ ему дать золота, но оселъ стоялъ неподвижно. Открылъ ему ротъ мальчикъ и не нашелъ тамъ ни одной тилли (золотая монета). Наконецъ мальчикъ бросилъ дубинку на землю и приказалъ ей подняться. Дубинка тотчасъ поднялась. Тогда мальчикъ догадался, что шайтанъ подмѣнилъ осла, котель и скатерть, а дубинку не тронулъ изъ боязни разбудить мальчика... Поэтому мальчикъ тотчасъ возвратился на мѣсто своего ночлега и, увидѣвъ шайтана, крикнулъ ему: «Ты подмѣнилъ у меня осла, котель и скатерть; отдай-же мнѣ ихъ сейчасъ обратно!» — «Если ты будешь такъ кричать, отвѣчалъ шайтанъ, то я тебя съѣмъ». — «Ну, посмотримъ, какъ ты меня съѣшь!»... сказалъ ему мальчикъ. Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса дубинку и, бросивъ ее на землю, крикнулъ: «Бей его, дубинка!» — Дубинка поднялась и тотчасъ начала бить шайтана по разнымъ частямъ тѣла. Шайтанъ упалъ на землю и просилъ мальчика остановить дубинку, обѣщаясь отдать ему все обратно. «Довольно!» крикнулъ мальчикъ, — и дубинка ушла на землю. Мальчикъ поднялъ дубинку и опять заткнулъ ее за поясъ. Тогда шайтанъ отдалъ мальчику его осла, скатерть и котель. — Мальчикъ слѣзъ на осла и отправился въ свой городъ.

Черезъ сутки мальчикъ пріѣхалъ въ свой городъ и крикнулъ собаку, купленную имъ у шалуновъ-мальчиковъ и оставленную въ домѣ матери. Когда собака пріѣхала, мальчикъ накормилъ ее, повязалъ ей на шею свой платокъ и отпустилъ. Мать, увидя на собакѣ платокъ сына, догадалась, что сынъ близко, и выбѣжала къ нему на встрѣчу. — «Вотъ, матушка, ты прогнала меня за рубль, а я принесъ тебѣ сотни тысячъ рублей», сказалъ мальчикъ. — Мать поспѣшно вернулась домой и чисто вымела дворъ и комнаты. Сынъ вѣхалъ во дворъ, слѣзъ съ осла, ввелъ его въ чистую комнату и приказалъ ему дать золота. Оселъ открылъ ротъ, и оттуда посыпалось столько золотыхъ (тилли), что ими скоро напосыпалась вся комната. Затѣмъ мальчикъ внесъ котель въ другую комнату и приказалъ ему открыться. Когда котель открылся, родители мальчика увидѣли въ немъ отлично

приготовленные палау, шурпу ¹⁾ и другія яства. Сынъ поставилъ все это передъ родителями и сталъ угощать ихъ. Наконецъ онъ положилъ скатерть въ третью комнату и приказалъ ей развернуться. Родители его увидѣли въ ней зерновой хлѣбъ и муку и наполнили ими всю комнату.

У царя того города, въ которомъ жили родители этого мальчишка, была единственная дочь, слышная за первую красавицу. Мальчикъ захотѣлъ жениться на ней и послать свою мать въ загородный дворецъ сватать царевну. Мать пришла во дворецъ, взяла метлу и чисто вымела весь дворъ, такъ какъ были обычаи, чтобы всякій, приходившій за чѣмъ-либо къ царю, подметать его дворъ. Царь приказалъ привести къ себѣ старуху и спросилъ ее, по какому дѣлу она прибыла на его дворъ. — Старуха отвѣчала: «Единственный сынъ мой желаетъ жениться на твоей дочери; и если ты не выдашь за него свою дочь, онъ убьетъ тебя». — Царь сильно разсердился и крикнулъ: «Призвать ко мнѣ этого дерзкаго мальчишку, который осмѣливается свататься за мою дочь! Я прикажу повѣсить его»!

Визирь сказалъ царю: «Зачѣмъ вѣшать этого мальчишку? Какая тебѣ будетъ отъ этого польза? Прикажи ему принести тебѣ какъ можно больше денегъ и обѣщай тогда выдать за него дочь: онъ, конечно, денегъ не принесетъ, и тогда ты прогонишь его». — Царь согласился съ совѣтомъ визиря и сказалъ старухѣ: «Я выдамъ за твоего сына дочь свою только въ томъ случаѣ, если онъ пришлетъ мнѣ золота на тысячѣ верблюдовъ, платья на тысячѣ верблюдовъ, тысячу верблюдовъ муки и тысячу верблюдовъ зерноваго хлѣба». Старуха поклонилась царю и, придя домой, передала отвѣтъ царя сыну своему. Сынъ ея тотчасъ отправился на базаръ, купилъ четыре тысячи верблюдовъ и на тысячу верблюдовъ навьючилъ купленного на базарѣ платья, а три тысячи верблюдовъ привелъ домой и навьючилъ тысячу — серебромъ, тысячу — золотомъ, тысячу — зерновымъ хлѣбомъ. Украсивъ верблюдовъ цвѣтными доскутками и бубенчиками, онъ отправилъ ихъ въ загородный дворецъ.

Царь удивился такому богатству и сильно обрадовался. Въ тотъ же день женихъ съ нѣсколькими товарищами въ красиво убранной арбѣ (двухколесная телѣга) отправился во дворецъ, а впереди шло стадо барановъ для угощенія народа. Царь встрѣтилъ жениха, помогъ ему вытти изъ арбы, ввелъ во дворецъ, угостилъ его и просватать за него свою дочь.

¹⁾ Шурпа — супъ изъ бараняго мяса съ крупой и приправами. Н. О.

Вечеромъ женихъ собрался домой къ своимъ родителямъ. Царь приказалъ привести ему самого лучшаго коня съ сѣдломъ, украшеннымъ драгоценными камнями, — и женихъ поѣхалъ. На дорогѣ четыре разбойника, желая отнять у жениха лошадь и богатое платье, которое было на немъ, грозилась убить его, если онъ не отдастъ добровольно имъ лошадь и платье. Тогда женихъ вынулъ изъ-подъ рубашки свою дубинку, съ которой никогда не разставался, и приказалъ ей бить разбойниковъ. Дубинка поднялась и била разбойниковъ до тѣхъ поръ, пока они не свалились. Тогда онъ привязалъ разбойниковъ къ лошади и поволокъ ихъ домой. Когда онъ подъѣхалъ къ дому, родители вышли на встрѣчу къ сыну и, увидя въ рукахъ у него дубинку, спросили: «Что это такое»? Сынъ приказалъ дубинкѣ показать себя, и дубинка въ одну минуту перебила разбойниковъ. Потомъ онъ отправился во дворецъ и сдѣлался мужемъ царской дочери. Царь уступилъ зятю свое царство, а самъ сдѣлался великимъ визиремъ его.

Такимъ образомъ мальчикъ изъ бѣдняка сдѣлался царемъ.

(Эта сказка записана въ Кокандѣ В. О. Васильевымъ со словъ ученика Кокандской русско-туземной школы Сулеймана, сына Кокандскаго мангыша Амирагула).

VI.

Вѣднѣй юноша и скатерть-самобранка.

Жила-была старуха. У нея былъ сынъ. Однажды имъ нечего было ѣсть; тогда сынъ и мать стали совѣтоваться, какъ имъ быть.

Однажды сынъ поставилъ петлю около озера, поймалъ утку и гуся и принесъ ихъ домой. Птицъ зажарили и съѣли. На другой день онъ снова поставилъ петлю близъ болота и поймалъ цаплю, принесъ ее домой и пошелъ искать ножъ. Когда юноша возвратился съ ножомъ, то цапля стала умолять его, чтобы онъ отпустилъ ее, обѣщая доставить ему все, чего онъ ни пожелаетъ. Юноша согласился. Цапля велѣла ему залѣзть на крышу и смотрѣть, куда она полетитъ, а сама полетѣла по направленію къ востоку. Тогда юноша сказалъ матери: «Пойдемъ и мы туда!». — Но мать сама не пошла, а сыну идти позволила.

Юноша отправился. Дорогой онъ увидѣлъ стадо козъ и спросилъ пастуха: чьи козы? Пастухъ отвѣтилъ, что козы принадлежатъ цаплѣ. Юноша спросилъ: «По какой дорогѣ нужно идти къ цаплѣ?

Пастухъ сказалъ, чтобы онъ спросилъ объ этомъ у другого пастуха который пасетъ овецъ. Юноша пошелъ къ этому пастуху и спросилъ его о дорогѣ. Пастухъ велѣлъ ему взять изъ стада двухъ барановъ и бѣлаго верблюда. Юноша сѣлъ на верблюда, а барановъ взялъ съ собою. Пастухъ сказалъ ему, что когда онъ подъѣдетъ къ воротамъ дома цѣпли, то пусть броситъ двухъ барановъ двумъ собакамъ, охраняющимъ входъ въ ея домъ. Пастухъ посоветовалъ ему просить у цѣпли скатерть-самобранку. Когда юноша подъѣхалъ къ воротамъ дома цѣпли, то бросилъ собакамъ двухъ барановъ, собаки набросились на барановъ и стали рвать ихъ, а юноша проѣхалъ мимо нихъ. Выѣхалъ юноша во дворъ, слѣзъ съ верблюда и, подошедши къ цѣплѣ, сдѣлалъ поклонъ и сказалъ ей: «Привѣтъ!»). Цѣпля спросила: что ему нужно? Юноша тогда попросилъ у цѣпли скатерть-самобранку. Но цѣпля отвѣтила, что у нея нѣтъ такой скатерти, и велѣла просить что-нибудь другое. Юноша сказалъ, что ему больше ничего не нужно и отправился назадъ. Тогда цѣпля вспомнила, что юноша сохранилъ ей жизнь, и потому вернула его и подарила ему скатерть-самобранку.

Возвращаясь отъ цѣпли, юноша встрѣтился съ пастухомъ, который пасъ овецъ, и показалъ ему скатерть-самобранку. Пастухъ сказалъ: «Развернись скатерть!» И тотчасъ скатерть развернулась, и на ней появилось много разныхъ кушаньевъ и плодовъ. Послѣ того юноша возвратился домой и сказалъ матери, чтобы она убрала комнаты, а самъ положилъ скатерть и сказалъ: «Развернись скатерть!». Скатерть тотчасъ развернулась, на ней появились разные кушанья, и юноша съ матерью до-сыта накушались.

Объ этомъ узнала жена визиря и донесла царю, и царь отиалъ у старухи скатерть-самобранку. Послѣ того сынъ опять отправился къ цѣплѣ. На дорогѣ онъ встрѣтился съ тѣми же пастухами. Они посоветовали юношѣ, чтобы онъ попросилъ у цѣпли тыкву. Юноша пришелъ къ цѣплѣ и попросилъ у нея тыкву. Цѣпля подарила ему тыкву. Возвращаясь домой, дорогой юноша сказалъ: «Выйди изъ тыквы!» И тотчасъ изъ тыквы вышло много мужчинъ съ дубинками, которые начали колотить его самого и чуть было не убили. Тогда юноша опомился и сказалъ: «Войди въ тыкву!» И всѣ мужчины вошли въ тыкву.

Юноша принесъ эту тыкву домой и написалъ письмо царю, вызывая его на бой, если онъ не возвратитъ ему скатерть-самобранку.

¹⁾ Т. е. привѣтствіе явра. Н. О.

Царь отвѣтилъ, что не отдастъ ему скатерть. Тогда юноша сталъ биться съ царемъ: поставивъ тыкву на высокую гору, юноша выкопалъ яму, спрятался въ нее и сказалъ: «Выйди изъ тыквы!» Тотчасъ изъ тыквы вышли воины и истребили царское войско.— Юноша свергнулъ царя и самъ началъ царствовать.

(Эта сказка написана ученикомъ IV класса Ташкентской гимназій Агзамомъ Саттаръ-Хановымъ).

VII.

Царевичъ Шахзада-Бахромъ.

Жилъ-былъ царь. У него родился сынъ, которому дали имя Шахзада-Бахромъ. Когда царевичу минуло 10 лѣтъ, онъ попросилъ у отца позволенія съѣздить на охоту. Отецъ позволилъ и далъ ему 40 джигитовъ. Дорогой они встрѣтили оленя, котораго царевичъ велѣлъ окружить. Когда оленя окружили, царевичъ сказалъ джигитамъ: если кто-нибудь изъ васъ упустилъ оленя, тому я велю отрезать голову. Но когда всѣ подошли къ оленю ближе, то олень перепрыгнулъ черезъ голову самого царевича. Охотники погнались за оленемъ. Въ погонѣ за быстроногимъ животнымъ джигиты устали и отстали отъ царевича: самъ царевичъ ускакалъ далеко отъ джигитовъ. Наконецъ и самъ царевичъ усталъ и остался ночевать въ степи.

Когда настало утро, царевичъ поѣхалъ дальше. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ золотыя ворота, которые блестѣли при лучахъ солнца. Онъ въѣхалъ въ ворота и увидѣлъ того самого оленя, за которымъ онъ гнался. Олень лежалъ около одного старика, но, увидѣвъ царевича, убѣжалъ. Царевичъ сошелъ съ лошади, поклонился старику и сказалъ: миръ вамъ! Старикъ отвѣтилъ на привѣтствіе царевича. Когда царевичъ здоровался со старикомъ, то нечаянно заглянулъ въ комнату и увидѣлъ тамъ портретъ одной дѣвicy. Увидѣвъ этотъ портретъ, царевичъ упалъ въ обморокъ, но черезъ нѣсколько времени оправился и попросилъ старика показать ему этотъ портретъ. Старикъ показалъ портретъ, а царевичъ спросилъ: кто эта дѣвица и кто ея родители? Старикъ разсказалъ царевичу все, что зналъ о дѣвицѣ. Старикъ сказалъ, что эта дѣвица—дочь цари, который живетъ очень далеко отсюда. Тогда царевичъ похвасталъ старику, что если онъ не достанетъ эту дѣвицу, то не возвратится домой никогда. После этого царевичъ попрощался со старикомъ и поѣхалъ дальше.

Наконецъ онъ пріѣхалъ къ одному величественному дому. Тамъ жили девять велпкановъ и одна ихъ сестра. Велпкановъ не было дома, а сестра ихъ, увидѣвъ царевича, сказала, чтобы онъ немедленно убирался прочь. Спусти нѣкоторое время, появились и великаны. Узнавъ, что въ ихъ домѣ находится человѣкъ изъ чужой земли, они велѣли узнать, кто этотъ человѣкъ. Великаны послали къ царевичу самого младшаго, самого трусливаго товарища, который, не доходя ста шаговъ до царевича, спросилъ, кто онъ такой. Царевичъ притворился глухимъ и сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы самъ великанъ подошелъ къ нему поближе. Но когда великанъ подошелъ къ царевичу поближе, то царевичъ схватилъ его и привязалъ къ дереву. Потомъ великаны послали къ царевичу второго, третьяго товарища и такъ далѣе до послѣдняго. Царевичъ перевязалъ всѣхъ великановъ. Когда сестра увидѣла своихъ братьевъ привязанными къ дереву, то сама пошла бороться съ царевичемъ. Она боролась съ царевичемъ цѣлыхъ три дня. Наконецъ царевичъ поборолъ свою соперницу, но не убилъ ее. Потомъ онъ отвязалъ всѣхъ ее братьевъ-великановъ и сдѣлалъ ихъ своими рабами. Велпканы дали царевичу по пряди своихъ волосъ и сказали, что когда онъ зажжетъ ихъ волосы, то они (великаны) сейчасъ же явятся къ нему.

Царевичъ попрощался съ великанами и поѣхалъ далѣе. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ городъ того самаго царя, у котораго была дочь-красавица. Здѣсь царевичъ увидѣлъ много, много войска, пришедшаго со своимъ царемъ, чтобы напасть на городъ и взять насильно дочь царя этого города. Увидѣвъ войско съ царемъ, царевичъ Шахзада-Бахромъ зажгетъ прядь волосъ велпкановъ. Великаны тотчасъ появились, начали сражаться съ чужимъ войскомъ и уничтожили все это войско. Освободивъ городъ, великаны ушли, а царевичъ достигъ цѣли своихъ желаній. Онъ возвратился домой съ цвѣстой-красавицей, отпраздновалъ свадьбу и началъ хорошо царствовать.

(Эта сказка написана ученикомъ VI класса Ташкентской гимназій Абдулрахманомъ Фархаты, уроженцемъ Самарканда).

VIII.

Три брата царевичи.

Жилъ-былъ царь. У него было три сына. Однажды царь заболѣлъ и, призвавъ старшаго сына, сказалъ ему: «На дворѣ, подъ чинаромъ, зарыты три корчаги съ золотомъ. Когда я умру, ты возьми

себѣ золото, а младшимъ братьямъ не говори». Послѣ этого старшій сынъ ушелъ, а царь позвалъ къ себѣ втораго сына и сказалъ ему тоже самое. Затѣмъ царь позвалъ младшаго сына и сказалъ: «Такъ какъ я тебя не успѣлъ женить, то по смерти моеѣ возьми себѣ зарытыми подъ чинаромъ три корчаги золота, а старшимъ братьямъ объ этомъ не говори». Послѣ этого царь умеръ, и пока старшіе братья были заняты похоронами отца, младшій выкопалъ изъ-подъ чинара золото и спряталъ. Похоронивъ отца, старшій братъ началъ копать землю подъ чинаромъ, но золота уже не нашелъ. Послѣ старшаго сталъ рыть землю средній братъ и тоже не нашелъ золота. Старшій и средній братья поссорились, пришли къ младшему и спрашиваютъ: «не взялъ ли ты золото?» Младшій братъ сказалъ, что не бралъ... Всѣ три брата подрались и пошли судиться. Шли они дорогой и молча наблюдали другъ за другомъ. Старшій братъ первый прервалъ молчаніе, говоря: «Смотрите, братья: здѣсь шель сѣтной на одинъ глазъ верблюдъ, потому что онъ по одну сторону дороги обѣлъ колючку, а по другую—нѣтъ». Средній братъ сказалъ, что на верблюдѣ съ одной стороны была привязана посудина съ медомъ, потому что съ этой стороны, летаютъ осы, а на другомъ боку у верблюда была привязана посудина съ уксусомъ, потому что съ этой стороны летаютъ мушки. Младшій братъ сказалъ, что на верблюдѣ сидѣла женщина и здѣсь отдыхала на травѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ помята трава.

Послѣ этого братья замолчали, пошли дальше и встрѣтили человека, который сидѣлъ и плакалъ. Братья спросили его, о чемъ онъ плачетъ. Плакавшій сказалъ, что онъ потерялъ верблюда. Тогда старшій братъ спросилъ: «Твой верблюдъ былъ на одинъ глазъ кривой?» Спрошенный отвѣчалъ: «да». Тогда средній братъ спросилъ: «На верблюдѣ были медъ и уксусъ?» Плакавшій отвѣчалъ: «да». Потомъ младшій братъ спросилъ: «На верблюдѣ сидѣла женщина?» Тотъ отвѣтилъ: «да» и спросилъ: «Развѣ вы видѣли моего верблюда?» Братья отвѣтили, что они не видѣли верблюда. Но хозяинъ верблюда сказалъ: «Какъ не видѣли? Вѣдь, вы рассказали все, что было на верблюдѣ». Братья отвѣчали: «Да; но мы только отгадываемъ». Хозяинъ верблюда не повѣрилъ имъ и повелъ ихъ судиться къ царю.

Пришли они къ царю. Хозяинъ верблюда рассказалъ царю все, что слышалъ о своемъ верблюдѣ отъ приведенныхъ трехъ братьевъ. Братья въ свою очередь сказали, что они только отгадываютъ. «Хорошо», сказалъ царь: я испытую васъ». Сказавъ такъ, царь пошелъ

въ комнату, взялъ яблоко, завернулъ его въ платокъ, вынесъ къ братьямъ и велѣлъ отгадать, что онъ держитъ въ рукѣ. «Смотрите, братья, сказалъ старшій, что бы это ни было, а—кругленькое». Средній братъ сказалъ, что это—красенькое, а младшій сказалъ: «да что разсуждать: сказали бы прямо, что это—яблочко». Царю понравилась отвѣты, и онъ упросилъ трехъ братьевъ остаться у него, а хозяйна верблюда прогналъ.

Потомъ царь велѣлъ тремъ братьямъ караулить его ночью, по очереди. Первымъ караулилъ старшій братъ, и ночь прошла благополучно. Потомъ караулилъ средній братъ и тоже благополучно. Настала очередь младшаго брата. Стоитъ онъ ночью у изголовья царя, какъ вдругъ, въ полночь, вползаетъ въ комнату змѣй огромныхъ размѣровъ, съ разинутою пастью, и хочетъ проглотить царя. Но смѣлый юноша вынулъ свой мечъ, разрубилъ змѣя на нѣсколько частей, бросилъ разрубленные куски подъ кровать и сталъ прятать мечъ въ ножны. Въ это время царь открылъ глаза и, увидѣвъ юношу, еще не успѣвшаго спрятать свой мечъ въ ножны, подумалъ, что юноша покушался на его жизнь. Царь крикнулъ палача. Палачъ вошелъ, а съ нимъ вошли и два брата того юноши. Царь велѣлъ палачу убить младшаго царевича; но старшій братъ его сказалъ: «Государь! выслушай меня сначала, а потомъ уже убей брата моего». Царь велѣлъ палачу подождать. Старшій братъ началъ говорить: «Жилъ-былъ царь; у него была ученая самка попугая, и царь любилъ ее. Однажды царь подходитъ къ клеткѣ и видитъ, что птица очень скучна. Царь спрашиваетъ свою птицу, отъ чего она такая скучная. Птица отвѣтила: «Дочь царя попугасъ выходитъ замужъ; она послала подругъ за мной, чтобы и я была на свадьбѣ, но я быть не могу, потому и скучаю!» Царь сказалъ: «Я тебя отпущу». Самка попугай обѣщалась вернуться къ царю ровно черезъ 40 дней и улетѣла.

Визирь былъ при этомъ и сказалъ царю, что попугай не вернется, и предложилъ царю держать пари на слѣдующихъ условіяхъ: если попугай не вернется черезъ 40 дней, то онъ, визирь, сдѣлается царемъ; если же попугай вернется, то визирь заплатитъ царскую казну золотомъ.—Прошло сорокъ дней; царь уже боялся проиграть пари, какъ съ закатомъ солнца прилетѣлъ попугай. Визирь проигралъ пари и сталъ искать случая умертвить попугая. А царь, довольный попугасомъ, подошелъ къ нему и спросилъ, какой подарокъ онъ принесъ со свадьбы. «Я--вольная птица, говорить попугай; золота принести тебѣ я не въ состояніи, но принесла я подарокъ, какой могла». При этихъ словахъ, попугай выбросилъ изо рта какое-то

сѣмячко и велѣлъ посадить его въ землю. Царь велѣлъ садовнику посадить сѣмячко, и садовникъ посадилъ сѣмячко въ землю. На другой день сѣмячко возшло, и выросла яблоня; черезъ день дерево разцвѣло, а еще чрезъ день посцѣли яблочки. Садовникъ парвалъ къ полу халата яблокомъ и посцѣпшалъ къ царю. Дорогой встрѣтилъ его визирь и, увидѣвъ, что садовникъ несетъ яблоки въ подѣ халата, остановилъ его, взять яблоки и велѣлъ сходить за золотымъ блюдомъ. Садовникъ пошелъ за блюдомъ, а визирь между тѣмъ намазалъ яблоки идомъ. Садовникъ принесъ золотое блюдо, положилъ на блюдо яблоки и хотѣлъ пести царю: но визирь велѣлъ садовнику явиться къ царю съ яблоками черезъ полчаса, а самъ отправился тотчасъ къ царю. Прошло полчаса. Входитъ садовникъ и подноситъ царю яблоки. Царь взялъ и хотѣлъ ѣсть ихъ, визирь выхватилъ у него яблоки. Царь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на визиря, и визирь сказалъ: «Государь! Прикажи привести изъ подземелья двухъ яѣнныхъ: пусть они попобуютъ, и тогда можешь кушать самъ». Царь приказалъ привести двухъ яѣнныхъ. Послѣдніе съѣли по яблочку и тотчасъ умерли. Тогда царь разсердился на попугая за то, что онъ принесъ ядовитое сѣмячко и велѣлъ убить птицу. Попугая убили.

Потомъ царь пошелъ самъ посмотрѣть на дерево. Сталъ онъ звать садовника, и вдругъ къ царю прибѣгаютъ мальчикъ и дѣвочка 14-ти лѣтъ. Царь спрашиваетъ ихъ, не видали-ли они садовника. Мальчикъ сказалъ, что онъ—садовникъ. Но царь сказалъ, что у него садовникъ былъ старикъ. Мальчикъ отвѣтилъ: «Мы съ женой съѣли по яблоку съ попугаева дерева и тотчасъ помолодѣли». Царь заинтересовался, подошелъ къ дереву, съѣлъ яблоко и самъ превратился въ 14-лѣтняго мальчика. Тогда царь понялъ, что напрасно онъ приказалъ убить попугая. Но ничто не помогало: царь умеръ отъ грусти, плача надъ дорогимъ своимъ попугаемъ.

Выслушавъ такой рассказъ старшаго брата, царь грозно посмотрѣлъ на рассказчика и крикнулъ налеча. Тутъ средній братъ сказалъ: «Государь! Выслушай меня и потомъ убей моего брата». Царь велѣлъ говорить среднему брату. Средній братъ началъ: «Жилъ-былъ царь. У него былъ хорошій соколъ. Царь очень любилъ сокола и часто выѣзжалъ съ нимъ на охоту. Однажды царь собрался на охоту, взялъ сокола, золотую чашу и отправился. Ъхалъ царь долго подѣ жгучимъ лучами солнца и, наконецъ, подѣхалъ къ очень высокой скалѣ, съ которой капала внизъ влага. Царю сильно хотѣлось пить, и онъ поставилъ золотую чашу подѣ капли. Какъ только набралось позачаши, соколъ ударилъ крыломъ и пролилъ воду. Царь разсердился

и опять подставлять чашу, но снова повторилось тоже самое. Царь въ гнѣвъ убилъ сокола и больше не сталъ подставлять чашу, а взобрался на гору, чтобы наняться изъ самаго источника. Но тамъ царь увидѣлъ, что лежитъ убитый змѣй огромныхъ размѣровъ и что изъ его пасти капаетъ ядъ. Тогда царь понялъ, что напрасно убилъ своего сокола, который дважды спасалъ его отъ смерти. Потерявъ любимаго сокола, царь возвратился домой и никогда больше не выѣзжалъ на охоту».

Царь сердито посмотрѣлъ и на второго брата и крикнулъ на-леча. Тогда младшій братъ сказалъ царю: «Государь! За что ты хочешь убивать меня? Взгляни подъ кровать и тогда убей меня». Царь посмотрѣлъ подъ кровать и увидѣлъ тамъ изрубленнаго въ куски огромнаго змѣя. Тогда царь понялъ, что юноша спасъ его отъ смерти, а не покушался на его жизнь. Царь попросилъ извиненія у юноши. — После того братья предложили царю разсудить, кто изъ нихъ украсть золото. Царь сказалъ, что не можетъ разрѣшить такого труднаго вопроса. Тогда братья простились съ царемъ и отправились дальше искать судью.

Долго странствовали три брата по свѣту и не находили такого человѣка, который бы могъ разсудить ихъ. Наконецъ, они пришли къ дочери одного царя, которая взялась разсудить, кто изъ нихъ украсть золото. Царевна разсказала имъ слѣдующее: «Жилъ нѣкогда бѣдный человѣкъ. У него была красавица дочь, которая была помолвлена за такого же бѣдняка. Когда дѣвушка подросла, отецъ ея случайно разбогатѣлъ и не хотѣлъ выдавать дочь свою за бѣдняка; но дочь поклялась не выходить ни за кого, кромѣ этого бѣдняка. Не смотря на то, отецъ выдалъ ее насильно за богатаго. Чтобы не нарушить своей клятвы, дочь взяла ножъ и хотѣла убить себя, если мужъ покажется ей на глаза. Узнавъ это ее мужъ, рѣшилъ отдать ей приданое и отпустить ее. Но дѣвушка не взяла ничего отъ своего мужа и пошла искать своего возлюбленнаго. Дорогой она была захвачена городонаачальникомъ, который тоже хотѣлъ на ней жениться, но и ему не удалось привести въ исполненіе свое желаніе, и онъ отпустилъ ее. Пошла дѣвушка дальше и попала наконецъ въ руки разбойниковъ, атаманъ которыхъ захотѣлъ на ней жениться. Но дѣвушка сказала, что она уже принадлежитъ одному человѣку и что старшія другія будутъ безплодны. Тогда разбойники дали ей много денегъ, чтобы она могла жить богато, и отпустили ее».

Окончивъ свой разсказъ, дочь царя спросила трехъ братьевъ, кто справедливѣе всѣхъ поступилъ. Старшій братъ сказалъ, что

первый женихъ; средній указалъ на городоначальника, а младшій на разбойниковъ. Дочь царя обратилась тогда къ младшему и сказала: «Ты, отгадавъ, кто справедливѣе всѣхъ поступилъ; ты и украсть золото». Тогда младшій братъ сознался, и всѣ три брата, раздѣливъ между собою отцовское наслѣдство, стали жить мирно.

(Эта сказка написана тѣмъ-же ученикомъ Ташкентской гимназіи Абдуррахманомъ Фархаты).

IX.

Царевна Хазаръ-Гейсу (Тысяча косичекъ).

Жилъ-былъ царь. У него было три сына и одна дочь, которую звали Хазаръ-Гейсу, потому что волосы ея были заплетены въ тысячу косичекъ. Она была необыкновенно красива; блескъ ея глазъ освѣщали даже темную комнату. Царь очень любилъ свою дочь, а на сыновей не обращалъ никакого вниманія. Сыновьямъ это очень не нравилось, и они рѣшили умертвить свою сестру. Тайкомъ отъ отца, братья увезли сестру и продали ее одному муллѣ за пять тиллей (15—20 р.). Когда Хазаръ-Гейсу подросла въ домѣ муллы, то стала поражать своею красотой всѣхъ, кто ни взглянетъ на нее; рѣдкій могъ устоять на ногахъ при взглядѣ на нее.

Слава о красотѣ этой дѣвицы дошла наконецъ до султана. Султанъ жилъ въ городѣ на морскомъ берегу. Тамъ у него и дворецъ былъ. — Не доставало, при всѣхъ его драгоценностяхъ, этой красавицы, и онъ отправилъ своего визиря къ тому муллѣ съ приказаніемъ непременно купить у него красавицу. Нагрузилъ визирь золотомъ большой каюкъ (судно) и поелъ долгаго путешествія по морю и по землѣ, прибылъ въ тотъ городъ, гдѣ жила Хазаръ-Гейсу. Прогуливаясь однажды по городу, визирь замѣтилъ у дома муллы большое стеченіе народа. Визирь подошелъ поближе и узналъ, что тутъ жила Хазаръ-Гейсу. Всѣ боялись войти въ домъ муллы, потому что при видѣ красавицы многіе падали въ обморокъ. Но храбрый визирь, выполняя волю своего царя, вошелъ въ домъ. Мулла принялъ его почтительно и угощалъ, какъ только могъ. Во время угощенія пили и вино. Разгоряченный виномъ, мулла сталъ хвалить визирю свою воспитанницу, а визирь предложилъ продать ее. Мулла согласился, не соображая самъ, что дѣлаетъ. 40 верблюдовъ, нагруженные золотомъ, были приведены къ муллѣ на дворъ въ уплату за красавицу.

Когда наконецъ мулла заснулъ отъ опьяненія, визирь взялъ Хазарь-Гейсеу и отправился съ нею на своемъ каюкѣ къ султану.

Проснувшись мулла и увидѣлъ, что у его изголовья нѣтъ красавицы. Онъ началъ плакать и звать ее; но приближали слуги и стали смѣяться надъ муллою. Мулла спросилъ, чему они смѣются. Ему сказали, что онъ вчера, разгоряченный виномъ, продалъ свою красавицу визирю, и ее уже увезли. Мулла тотчасъ поѣхалъ догонять визиря. Когда мулла догналъ визиря и сталъ требовать обратно красавицу, то ловкій визирь ласково пригласилъ его на свой каюкъ, говоря, что мулла навѣрное проголодался и усталъ и что поэтому ему необходимо закусить и отдохнуть. Мулла согласился, но едва онъ вошелъ на корабль, какъ четверо гребцовъ, по знаку визиря, схватили муллу за руки и за ноги и сбросили въ море. Хазарь-Гейсеу съ досадою крикнула при этомъ: «Предатель! Ты найдешь себя на днѣ морскомъ другую красавицу—смерть».

Визирь прибылъ наконецъ въ свой городъ. Когда онъ приближался ко дворцу султана, султанъ пѣшкомъ вышелъ къ нему на встрѣчу и посадилъ его на семь дней на свой тронъ. Затѣмъ султанъ, въ продолженіе семи дней, только любовался красотой привезенной дѣвицы.—Но у султана былъ 17-лѣтній сынъ, который жилъ отдѣльно отъ отца и управлялъ ближайшимъ бекетвомъ. Онъ только разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ на поклонъ къ отцу, а затѣмъ уѣзжалъ обратно. Его звали Ширъ-Али.

Однажды вечеромъ Хазарь-Гейсеу сидѣла на балконѣ султанскаго дворца и, облокотившись на перила, любовалась зеркальною поверхностью моря. Вдругъ къ берегу присталъ каюкъ, на которомъ сидѣлъ красавецъ-юноша. Это былъ сынъ султана. По своему обычаю, онъ отправился во дворецъ. Проходя мимо балкона, онъ увидѣлъ Хазарь-Гейсеу и былъ пораженъ ея красотой. Взоры юноши и красавицы встрѣтились: юноша едва удержался на ногахъ отъ волненія и прошелъ на поклонъ къ своему отцу. Повидавшись съ отцомъ, онъ направился домой. Тогда Хазарь-Гейсеу спросила у невольницы, кто этотъ юноша. Невольница отвѣчала, что это любимый сынъ султана и что онъ разъ въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ на поклонъ къ своему отцу. Хазарь-Гейсеу влюбилась въ Ширъ-Али и съ нетерпѣніемъ ждала, чтобы снова увидѣть его. Но прошелъ мѣсяцъ, а юноша не являлся. Тогда султанъ послалъ спросить, что сдѣлалось съ его сыномъ? Султану отвѣтили, что его сынъ очень боленъ. Узнавъ объ этомъ, султанъ сталъ ударять себя въ грудь и плакать. Въ это время пришла Хазарь-Гейсеу. Султанъ рассказалъ ей, что единственный его сынъ боленъ. Она про-

сила позволенія поѣхать, чтобы помочь больному. Султанъ согласился, и Хазарь-Гейсе поѣхала къ Ширь-Али. Ширь-Али встрѣтилъ ее, и они порѣшили бѣжать. Было условлено, что Ширь-Али ночью приведетъ двухъ самыхъ лучшихъ коней изъ своей конюшни и запасется оружіемъ, а она переодѣнется мужчиной и спустится по веревочной лѣстницѣ изъ дворца на улицу. Такъ и сдѣлали.

Утромъ проснулся султанъ, и ему доложили, что красавица гарема исчезла. Услышавъ такую вѣсть, султанъ послалъ за сыномъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ искать бѣглицу; но султану доложили, что и сына его нѣтъ... Тогда султанъ понялъ, что сынъ его и красавица бѣжали вмѣстѣ. Три дня и три ночи возновался султанъ, спрашивалъ городскихъ людей и разсылалъ во все концы своихъ людей.

Между тѣмъ Ширь-Али и Хазарь-Гейсе продолжали свой путь только ночью, а днемъ укрывались въ горахъ. Изнуренные дорогой бѣглецы достигли, наконецъ, одного колодца. Ведро при этомъ колодцѣ было до того большое, что имъ въ одинъ разъ наполнялся цѣлый водоемъ, вырытый близъ колодца. Это ведро могли вытащить только 40 человѣкъ, но Хазарь-Гейсе одна вытащила это ведро и наполнила водоемъ. Сатившіе за бѣглецами 40 разбойниковъ удивились, какъ можетъ одинъ юноша вытащить такое ведро, которое только всѣ они, 40 человѣкъ, вытаскиваютъ. Но когда Хазарь-Гейсе стала купаться въ водоемѣ, и ея тысяча черныхъ косичекъ разсыпались по ея плечамъ, тогда разбойники поняли, что это—дѣвушка. И вотъ, когда она одѣлась, атаманъ разбойниковъ послалъ 10 разбойниковъ, требуя ее къ себѣ. Чтобы исполнить требованіе атамана, разбойники хотѣли привести ихъ силой къ атаману. Ширь-Али испугался и хотѣлъ было повиноваться, но Хазарь-Гейсе велѣла ему стать въ сторонѣ, а сама бросилась на разбойниковъ: какъ тигрица, она начала трепать ихъ и перебила. Види гибель десяти товарищей, оставшіеся 30 разбойниковъ бросились на коней и поскакали. Но Хазарь-Гейсе догонила ихъ и убивала. Атаманъ разбойниковъ, видя и свою неизбежную гибель, упалъ съ лошади, обмазалъ себя кровью убитыхъ разбойниковъ и притворился мертвымъ. Хазарь-Гейсе сосчитала убитыхъ разбойниковъ, успокоилась и отправилась съ Ширь-Али дальше въ путь, а атаманъ, желая отомстить за своихъ товарищей, послѣдовать издали за необыкновенными путешественниками.

Наконецъ бѣглецы достигли одного пустого жилища, обитателей котораго перебили недавно эти разбойники. Бѣглецы остановились близъ этого дома, чтобы дать отдыхъ себѣ и лошадямъ. Тогда ата-

машъ, скрываемиій темнотою ночи, подкрался къ дверямъ жилища и хотѣлъ напасть на бѣглецовъ: но вѣрный конь Ширъ-Али заржалъ и разбудилъ спавшаго царевича. Разбойникъ, боясь быть открытымъ, влѣзъ на дерево, находившееся недалеко отъ того дома. Ширъ-Али вышелъ на дворъ и, не видя никого, возвратился снова въ домъ и легъ спать. Тогда разбойникъ слѣзъ съ дерева и снова подошелъ къ двери дома: но конь снова заржалъ и опять разбудилъ Ширъ-Али. Ширъ-Али вышелъ и, не найдя никого близъ дома, разсердился на своего коня и хотѣлъ было убитъ его; но Хазаръ-Гейсу сказала ему, чтобы онъ со свѣчей подошелъ къ лошади и посмотрѣлъ, въ какую сторону она смотритъ. Ширъ-Али подошелъ къ лошади со свѣчей и замѣтилъ, что лошадь смотрѣла на ближайшее дерево и фыркала. Тогда и Ширъ-Али увидѣлъ, что на деревѣ кто-то сидитъ: онъ прицѣлился и выстрѣлилъ. Тотчасъ съ дерева упалъ челоуѣкъ. Ширъ-Али и Хазаръ-Гейсу пошли посмотрѣть убитаго и узнали въ немъ атамана разбойниковъ. Поблагодаривъ Бога за спасеніе, путешественники пошли снова спать. Но и на этотъ разъ сонъ ихъ продолжался недолго: въ полночь прилетѣлъ чародѣй и унесъ Хазаръ-Гейсу. Услышавъ крикъ ея, Ширъ-Али проснулся, но было уже поздно. Онъ долго плакалъ и потомъ отправился отыскивать свою красавицу.

Дорогой Ширъ-Али встрѣтилъ ишана (святото), который разсказалъ, гдѣ живетъ чародѣй и какъ къ нему поцасть. Путь лежалъ черезъ море. Потому ишанъ сплелъ корзинку изъ прутьевъ, научилъ Ширъ-Али одной молитвѣ и сказалъ, чтобы онъ читалъ ее всю дорогу: иначе-де утонешь въ морѣ. Ширъ-Али сѣлъ въ корзину, прочиталъ чудодѣйственную молитву, — и корзина понеслась съ быстротою вѣтра. Плылъ онъ долго по морю и, наконецъ, достигъ острова, на которомъ находилось жилище чародѣя. Оно было окружено очень высокою желѣзною стѣною безъ воротъ, потому что самъ чародѣй леталъ и въ воротахъ не нуждался. Послѣ долгихъ усилій, Ширъ-Али взобрался на стѣну и спустился въ садъ. Тамъ онъ былъ пораженъ великолѣпиемъ: всюду были фонтаны и цвѣтники; звонкія трели соловьевъ и другихъ птицъ раздавались въ тишинѣ. Легкій туманъ, спустившійся надъ садомъ, придавалъ всему этому фантастическій видъ: было и жутко и хорошо! Ширъ-Али отправился искать Хазаръ-Гейсу и нашелъ ее спящею въ одной бесѣдкѣ, въ саду. Онъ сталъ будить ее, но не могъ разбудить. Ширъ-Али стоялъ удивленный, какъ вдругъ раздался громъ и прилетѣлъ чародѣй. Ширъ-Али спрятался за кустомъ и ждать, что будетъ...

Чародѣй слѣзъ съ коня, подошелъ къ спавшей красавицѣ, вытащилъ изъ-подъ ея подушки талисманъ и положилъ его на ея грудь: Хазарь-Гейсу тотчасъ проснулась, но не позволила ему дотронуться до себя, говоря, что убьетъ себя кинжаломъ, если онъ коснется ея. Послѣ тщетныхъ попытокъ, чародѣй положилъ снова талисманъ подъ подушку, и Хазарь-Гейсу снова заснула. Послѣ того чародѣй улетѣлъ, а Ширъ-Али, узнавъ средство, какъ разбудить красавицу, тотчасъ подошелъ къ ней досталъ изъ-подъ подушки ея талисманъ и положилъ его на грудь Хазарь-Гейсу. Она проснулась и чуть не вскрикнула отъ радости и удивленія. Но Ширъ-Али сказалъ ей: «Намъ нужно торопиться уходить». Хазарь-Гейсу уговорила Ширъ-Али взять съ собою и другую дѣвушку, находившуюся въ неволѣ у чародѣя, дочь одного царя. Хазарь-Гейсу побѣжала въ другую бѣдѣдку и разбудила описаннымъ способомъ свою подругу, царскую дочь. Но веревочной лѣстницѣ влѣзли они всѣ трое на заборъ и, спустившись на берегъ, отправились далѣе. Вдругъ раздался громъ, прилетѣлъ чародѣй, и началъ пускать въ Ширъ-Али огненные стрѣлы; но Ширъ-Али читалъ про себя молитву, которой научилъ его ишанъ, и огненные стрѣлы падъ головой Ширъ-Али разламывались на двое и пролетали по обѣ стороны его тѣла, не причиняя ему вреда. Наконецъ чародѣй приблизился къ Ширъ-Али, а Ширъ-Али замахнулся мечемъ и ударилъ чародѣя: сдѣлалось темно, раздался страшный громъ, и всѣ трое упали въ обморокъ. Когда они очнулись, было снова свѣтло, и они увидѣли огромное тѣло чародѣя. Помолившись Богу за свое спасеніе, они стали думать о томъ, какъ имъ слѣдовать далѣе. Хазарь-Гейсу замѣтила на берегу лодку, занесенную нескомъ. Лодку вытащили изъ-подъ песка, сѣли въ нее и поплыли по рѣкѣ. Плыли они долго и, наконецъ, пристали къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ ихъ вышеупомянутый ишанъ, который держалъ для нихъ на готовѣ трехъ коней. Поблагодаривъ старца, путешественники сѣли на коней и пріѣхали въ то государство, въ которомъ царствовалъ отецъ спасенной дѣвушки.

Въ то время столицу этого государства осаждали непріатели. Хазарь-Гейсу и Ширъ-Али бросались на враговъ и прогнали ихъ. Жители города, видя бѣгство враговъ, пошли на встрѣчу къ своимъ спасителямъ; самъ царь вышелъ къ нимъ съ поклономъ. Трогательно было свиданіе спасенной дочери съ ея матерью, которая ослѣпла, оплакивая свою дочь. Но дочь коснулась своимъ рукавомъ глазъ матери, и глаза ея прозрѣли. Сорокъ дней гостилъ Ширъ-Али у царя и потомъ сталъ прощаться; но дочь царя, удерживая его за подолъ

платя, сказала ему, что онъ избавилъ ее отъ смерти, и что поэтому она не хочетъ жить безъ него. Царь предложилъ Ширъ-Али полцарства съ тѣмъ, чтобы онъ остался; но Ширъ-Али отказался, такъ какъ онъ самъ былъ наследникомъ большого государства. Ширъ-Али обвѣнчался съ дочерью царя и съ Хазаръ-Гейсу, которая была рада, что подруга ея по прежней неволѣ будетъ жить вмѣстѣ съ нею. Потомъ Ширъ-Али съ обѣими своими женами возвратился въ государство своего отца, но уже не засталъ его въ живыхъ. Султанъ умеръ, спустя семь дней послѣ бѣгства любимого сына и Хазаръ-Гейсу. Жители, не зная, гдѣ наследникъ султана, хотѣли было выбрать изъ своей среды султана, но наследникъ умершаго султана прибылъ и обрадовалъ жителей. Ширъ-Али оплакалъ своего покойнаго отца, а затѣмъ устроилъ для народа большой пиръ (туй), по случаю своего брака и вступленія на престолъ.—И началъ Ширъ-Али счастливо царствовать.

(Эта сказка написана тѣмъ же ученикомъ Ташкентской гимназіи, Абдурахманомъ Фархаты).

Х.

Умный царевичъ.

Жилъ-былъ царь. У этого царя была дочь. Разъ она заснула и увидѣла во снѣ, будто-бы гуляеть въ большомъ, преобладающемъ саду, въ которомъ ходить два оленя—самка и самецъ. Въ этомъ саду были разставлены канканы, и въ одинъ изъ этихъ канкановъ попался самецъ. Самка, увидѣвъ его въ такомъ несчастіи, сейчасъ же начала бить ногами по канкану, била—била и, наконецъ, канканъ разбила и выручила такъ своего оленя. Пошла царица дальше, и черезъ нѣсколько шаговъ видить, что попалась лань въ канканъ, а самецъ-олень не только не сталъ выручать ее изъ бѣды, а даже не посмотрѣлъ на нее и пошелъ себѣ одинъ дальше, какъ будто онъ самъ въ такой бѣдѣ и не былъ... Дочь царя отъ сильной жажды къ несчастной лани проснулась, рассказала свой сонъ отцу и всѣмъ своимъ роднымъ и просила отца никогда не выдавать ее замужъ.

О всемъ этомъ услышалъ красавецъ-царевичъ другого далекаго царства. Ему очень захотѣлось жениться на этой царевнѣ... Взять

онъ съ собою много золота, серебра и другихъ разныхъ подарковъ, а также и разныхъ богатыхъ нарядовъ, и отправился въ путь. Долго ѣхалъ царевичъ по разнымъ землямъ и морямъ и наконецъ пріѣхалъ въ государство царевны и остановился у одной бѣдной старухи. Старуха эта бывала во дворцѣ и прислуживала царевичу. Царевичъ подарилъ ей золота, серебра, денегъ и всякаго другаго богатства и началъ потомъ уговаривать ее показать ему царскую дочь. Долго онъ уговаривалъ и упрашивалъ старуху. Наконецъ старуха согласилась показать ему царевну: старуха велѣла ему притвориться больнымъ и такимъ отнесла его въ садъ. Въ саду въ это время должна была гулять царевна. Старуха спряталась, а больной царевичъ началъ тамъ стонать и охать. Царевна, гуляя по саду, услышала, что кто-то стонетъ, и тотчасъ послала свою подругу узнать объ этомъ больномъ человѣкѣ. Подруга пришла и съ удивленіемъ рассказала царевичу все, что видѣла, что этотъ больной человѣкъ былъ очень молодой юноша (ему было лѣтъ 17 отъ роду) и что собою онъ красавецъ изъ красавцевъ,—развѣ только на небѣ могутъ быть такіе красавцы. Не выдержала царевна и пошла сама посмотрѣть такого дивнаго красавца. Царевна была очень поражена его несказанной красотой; глядя на юношу, она долго имъ любовалась. Долго-бы и еще любовалась царевна, глядя на него, еслибы не спохватилась, что ее могутъ тутъ застать, и скорѣй убѣжала домой. Царевичъ тоже успѣлъ въ это время вдоволь насмотрѣться на красавицу-царевну.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ царевичу снова захотѣлось повидать красавицу царевну. Опять онъ сталъ просить и умолять свою старуху показать ему еще разъ царевну. Дѣлать было нечего: старуха и на этотъ разъ согласилась помочь его желанію. Она взяла нарядила его въ женскую одежду и вмѣстѣ съ другими женщинами и дѣвками провела его къ царевичу поплясать и поразвеселить пѣніями пригорюнившуюся красавицу. Изъ всѣхъ, кто только тутъ былъ и плясалъ, всего больше полюбился царевичу пляской и своей красотой переряженный царевичъ. И за это царевна подала ему изъ своихъ рукъ чашку чая.

Царевичъ остался одинъ. Но опять пуще прежняго стала его грызть тоска по красавицѣ-царевнѣ, и снова онъ сталъ придумывать случаи, какъ бы ему увидѣть желанную красавицу. Вотъ онъ спрашиваетъ у старухи, куда чаще всего ходитъ царевна. Сжалась старуха и на этотъ разъ надъ бѣднымъ царевичемъ и сказала ему, что царевна чаще всего ходитъ въ баню. Царевичъ, не долго думая, выстроилъ недалеко отъ дворца новую баню и стѣны ея раз-

рисовать разными картинами. Особенно на одной стѣнѣ бани была нарисована картина, всѣмъ картинамъ картина, именно: молодая лань повалась въ канканъ, а самецъ олень разламываетъ этотъ канканъ и спасаетъ свою самку отъ гибели.

Услышала царевна о новой банѣ и послала слугъ приготовить все нужное для купанья. Баню убрали и доложили царевичу. Царевна входитъ въ баню, любуется ея убранствомъ и вдругъ видитъ передъ собой картину, какъ самецъ-олень освобождаетъ самку изъ канкана, и задумалась... Тутъ царевна разомъ вспомнила свой сонъ и говоритъ старухѣ, что картина-то почти та, но только во снѣ ей снилось, что самка освобождаетъ самца, а не самецъ самку. Старуха взялась объяснить ей сонъ и сказала, что сны женщинамъ всегда снятся наоборотъ. Тогда царевна велѣла призвать къ ней того человека, чья была баня. Царевичъ же, вырядившись во всѣ свои царскія одежды, давно стоялъ у дверей и ждетъ-недождется, когда его позоветъ царевна. Представили царевича царевичу, и еще красивѣе стало его лицо, а царевна такъ и глазъ своихъ съ него не сводитъ и спрашиваетъ его, откуда онъ и чей сынъ. Тогда царевичъ открылъ ей, что онъ тоже царскій сынъ. И сталъ онъ просить и умолять царевну выйти за него замужъ. Плънилъ царевичъ царевну своей красотой, царскимъ нарядомъ и своимъ умнымъ разговоромъ. Она пошла къ отцу своему и уговорила его выдать ее замужъ за этого царевича. Царь согласился, и скоро ихъ повѣнчали. Ниръ былъ на диво всему свѣту. Потомъ они уѣхали съ большими почестями въ царство царевича.

(Эта сказка написана бывшимъ ученикомъ русско-туземной школы въ Ташкентѣ Рахматуллою Умаровымъ.)

Въ киргизской редакціи эта сказка известна подъ заглавіемъ «*Мудрый вельможа*» и рассказывается такъ:

«Въ древнее время въ городѣ Шинѣ¹⁾ царствовалъ нѣкто Фагфуръ. У него былъ одинъ вельможа, пользовавшійся его довѣріемъ.

¹⁾ На основаніи того, что вельможа, герой сказки, жилъ въ городѣ Шинѣ, а такъ называется у киргизъ китай (Чинь), а равно и на основаніи того, что царь въ сказкѣ названъ „Фагфуромъ“, то есть „Фарфоромъ“, нужно думать, что легенда, лежащая въ основаніи этой сказки, имѣетъ происхожденіе китайское. Къ этому заключенію даетъ основаніе и упоминаемое въ сказкѣ искусство живописи, съ которымъ сарты никогда не были знакомы. Н. О.

и расположи́емъ: вельможѣ во всякое время-входѣ во дворецъ быть открытъ. Однажды вельможа, по привычкѣ, зашелъ въ спальню царя, когда царь еще спалъ. Отъ стука шаговъ при входѣ вельможи въ спальню, царь проснулся и велѣлъ отсѣчь вошедшему голову; но въдѣствіе просьбы тѣлохранителей и придворныхъ чиновъ, вельможа былъ помилованъ. Когда царь пришелъ въ себя, вельможа вошелъ къ царю и сказалъ: «Великій царь! До сего дня я входилъ во дворецъ и уходилъ изъ дворца, не испрашивая ничего разрѣшенія: почему ты сегодня велѣлъ отсѣчь мнѣ голову?» Царь отвѣтилъ: «Ты зашелъ въ спальню мою въ то время, когда мнѣ спилосьъ, будто я гулялъ по саду съ прекрасной дѣвицей, которую желалъ бы видѣть и на яву».

Вельможа, распросивъ у царя объ устройствѣ сада и о лицѣ приснившейся ему во снѣ дѣвицы, выстроилъ за городомъ особый домъ для странниковъ и помѣстилъ въ гостиной дома портретъ дѣвицы, приснившейся царю, и картину сада. (Этотъ вельможа былъ чрезвычайно мудрый, зналъ всѣ мастерства, ремесла и искусства). Немного спустя, въ страннопріимномъ домѣ остановились три странника. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что виситъ портретъ царицы римской, а также и картина ея сада. Тогда вельможа спросилъ у странника: «Годится ли римская царица въ жены нашему царю?» Странникъ отвѣтилъ ему: «Годится-то годится, да только она замужъ не выйдетъ». — Почему? «А вотъ почему: однажды царица гуляла по саду и увидѣла, что въ одномъ углу сада были охвачены пожаромъ 10 куриныхъ цыплятъ; спасая цыплятъ, курица сама сгорѣла, между тѣмъ какъ пѣтухъ стоялъ за загородкою сада и преспокойно клевалъ зерна. Поэтому-то царица подумала, что и мужчины такъ-же хладнокровно относятся къ участи женщинъ, какъ этотъ пѣтухъ, и дала себѣ слово не выходить замужъ».

Вельможа рассказалъ объ этомъ царю и, обѣщавшись доставить ему въ жены означенную царицу, собрался къ пути и чрезъ нѣкоторое время достигъ города Рима. Прибывъ въ Римъ, вельможа сталъ выказывать жителямъ свои знанія и умѣнье сдѣлать всякую вещь, такъ что чрезъ нѣкоторое время молва о немъ дошла и до царя. — Царь призвалъ къ себѣ вельможу и приказалъ выстроить для царицы теремъ. Вельможа принялся за работу и, приложивъ все свое стараніе, умѣнье и искусство, въ короткое время выстроилъ теремъ для царицы и помѣстилъ въ одной комнатѣ портретъ царя Фагфура и картину его сада. На картинѣ онъ изобразилъ пожаръ, во время котораго горѣли шесть ягнятъ оленяныхъ: самецъ спасалъ ягнятъ, а

самка-лани стояла за загородкою сада и преспокойно поппала траву. Окончивъ работу, вельможа пришелъ доложить объ этомъ царю....

Царь со многими своими приближенными осмотрѣлъ теремъ, похваливъ вельможу за искусство и, воротившись во дворецъ, послалъ для осмотра терема царевну. Царевна пришла со своими служанками въ теремъ и, увидавъ нарисованные портреты и картину, спросила вельможу, что это значить. Тотъ отвѣтилъ, что это—портреты царя Фагфура и картина его сада. Тогда царевна спросила: «А женать ли этотъ царь?» Вельможа отвѣтилъ, что царь не женатъ по слѣдующей причинѣ, а именно: царь разъ гулялъ по саду и увидѣлъ въ углу сада пожаръ. Въ огнѣ горѣли шесть ягнятъ: ихъ отецъ-олень спасалъ ягнятъ своихъ, между тѣмъ какъ самка стояла у загородки сада, не тревожилась за дѣтей своихъ и щипала траву. Поэтому царь пришелъ къ заключенію, что, можетъ быть, и женщины, какъ эта самка оленя, хладнокровно относятся къ участи дѣтей,—и не женился». Услыхавъ это, царевна подумала, что царь Фагфуръ одного съ нею мнѣнія, а потому пожелала, если Богъ велитъ, быть его женою. Съ такою цѣлью царевна написала къ отцу письмо о выдать ея замужъ за царя Фагфура, въ городъ Шингъ. Царь, обрадовавшись, что дочь его выходить замужъ, послалъ къ Фагфuru приветственное письмо, въ которомъ пзвѣщалъ, что хочетъ выдать за него свою дочь. Царь Фагфуръ самъ давно ожидалъ этого и не заставилъ долго ждать себя. Онъ явился въ Римъ, высваталъ царевну и возвратился на родину. Послѣ того царь Фагфуръ очень щедро наградилъ упомянутого вельможу и сталъ еще болѣе довѣрчиво относиться къ нему». (Прибавленіе къ Александрискимъ областнымъ свѣдомостямъ. 1892 г. №№ 24 и 25).

XI.

Три царевича: два умныхъ и одинъ дуракъ.

Жилъ-былъ царь. У него было три сына: два старшихъ сына были умные, а третій—дуракъ. Царь имѣлъ шесть дворцовъ: пять дворцовъ были свѣтлые, а шестой былъ темный. Въ этотъ-то темный дворецъ царь ходилъ отдыхать по окончаніи своихъ занятій и послѣ обѣда. Ключи отъ пяти дворцовъ были связаны на тесемкѣ вмѣстѣ и висѣли на стѣнѣ, а ключъ отъ темнаго дворца царь держалъ особо и всегда носилъ его съ собой, въ карманѣ.

Однажды, послѣ обѣда, царь отправился отдохнуть въ свой темный дворецъ и спать тамъ долго и крѣпко. Во снѣ онъ увидѣлъ необыкновенно красивую молодую женщину и такъ изъумился ея красотой, что захотѣлъ имѣть ее своей женой, хотя у него было уже двѣ жены. Проснулся царь уже въ сумерки и возвратился въ свой дворецъ очень задумчивымъ: онъ думалъ о томъ, какъ бы ему снова увидѣть во снѣ ту красавицу. Съ этою цѣлью, на другой день, не сказавшись никому, царь ушелъ въ свой темный дворецъ и легъ тамъ спать, твердо рѣшившись не вставать до тѣхъ поръ, пока снова не увидитъ во снѣ ту же красавицу. Царь заснулъ и не просыпался цѣлую недѣлю....

Но уже на другой день нарядворцы хватились царя и обезпокоились его отсутствіемъ. И весь народъ былъ озабоченъ его отсутствіемъ. Поэтому всѣ принялись искать царя, но не находили. Нарядворцы обратились къ помощи солдатъ; солдаты долго и усердно искали царя и тоже не находили его. Тогда смятеніе въ народѣ еще болѣе усилилось: никто не зналъ, что дѣлать и къ кому обратиться за совѣтомъ.

На седьмой день царева сна, въ городъ пришелъ одинъ старикъ, котораго народъ почиталъ за самаго умнаго человека въ государствѣ. Онъ вызвался указать мѣсто пребыванія царя и потребовалъ ключи отъ всѣхъ царскихъ дворцовъ.

Получивъ ключи отъ дворцовъ, старикъ отворилъ дверь перваго дворца, вошелъ туда и обошелъ всѣ комнаты, но вездѣ было пусто. Заперевъ первый дворецъ, старикъ пошелъ во второй дворецъ, но и тамъ всѣ комнаты оказались пустыми. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ всѣ комнаты третьяго, четвертаго и пятаго дворцовъ, но нигдѣ царя не нашелъ. Старикъ наконецъ подошелъ къ шестому, темному дворцу. Дверь этого дворца оказалась отпертой. Старикъ вошелъ въ первую комнату, но остановился изъ боязни наткнуться на что-либо; въ комнатѣ было совершенно темно, такъ что ничего нельзя было рассмотреть. Долго онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ съ открытыми глазами, стараясь свыкнуться съ темнотой, но ничего не могъ рассмотреть въ комнатѣ. Поэтому старикъ уже ощупью добрался до выходной двери и потребовалъ себѣ свѣтильникъ (чиракъ). Когда подали свѣтильникъ, старикъ снова вошелъ въ темныя комнаты дворца, долго ходилъ тамъ изъ комнаты въ комнату, пока не нашелъ царя спавшимъ въ самой дальней комнатѣ, въ которой было такъ темно, какъ въ могилѣ.

Старикъ окликнулъ царя, но царь не просыпался; потянулъ старикъ за одежду царя и подергалъ слегка, но царь не почувство-

баль: старикъ пробоваль крикнуть, какъ только могъ громко, но царь не слышалъ и лежалъ, какъ мертвый. Старикъ испугался и подумаль, что царь уже мертвый, но приложилъ свою руку къ боку царя и явственно услышалъ бѣненіе его сердца. «Значить, царь былъ живъ — подумаль старикъ, — но только спитъ онъ очень крѣпкимъ сномъ». Долго старикъ стоялъ въ раздумьѣ надъ спавшимъ царемъ. Наконецъ, онъ что-то рѣшилъ въ своемъ умѣ, вышелъ вонъ и заперъ дворецъ. Народъ, увидѣвъ вышедшаго изъ дворца старика, обступилъ его со всѣхъ сторонъ и сталъ спрашивать, видѣлъ ли онъ царя. Старикъ разсказалъ народу все, что видѣлъ и что дѣлалъ, чтобы разбудить спящаго царя, и въ концѣ своего разсказа добавилъ, что разбудить царя можетъ только одинъ человѣкъ, и никто иной, какъ третій сынъ царя — дуракъ. Къ царевичу-дураку старикъ и отправился со всѣмъ народомъ...

Старикъ засталъ царскаго сына, дурака, за чтеніемъ книги. Надо замѣтить, что этотъ царскій сынъ только у своихъ домашнихъ и въ народѣ считался за дурака, а на самомъ дѣлѣ былъ умный юноша, умѣвшій говорить, читать и писать на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Выучился онъ языкамъ тайкомъ отъ своего отца у разныхъ ученыхъ людей, посѣщавшихъ его въ разное время. Научившись отъ нихъ многому, царевичъ не любилъ однако выставлять свои знанія на видъ и хвастать ими, а больше молчалъ и потому считался дуракомъ.

Поздоровавшись съ дуракомъ-царевичемъ, старикъ разсказалъ ему, какъ онъ нашелъ царя и какъ хотѣлъ разбудить его, но не могъ и, наконецъ, добавилъ: «Ты только можешь разбудить своего отца. — Слушай, что я буду говорить тебѣ: царь видѣлъ во снѣ одну очень красивую женщину, и ему захотѣлось еще разъ снова увидѣть ее, чтобы узнать какъ-нибудь, кто она и гдѣ живетъ. Я знаю, что царю запада въ голову мысль овладѣть ею... Такъ вотъ, пойдн къ царю и скажи ему громко на ухо, что ты можешь найти приснившуюся ему красавицу и берешься привести ее къ нему. Тогда только царь и проснется». — Сказавъ это, старикъ попрощался съ дуракомъ-царевичемъ и ушелъ.

Тотчасъ, по уходѣ старика, царевичъ-дуракъ одѣлъ свое обычное платье, не отличавшееся такимъ блескомъ, какъ у старшихъ его братьевъ, и пошелъ въ темный дворецъ. Отворивъ тяжелую дверь дворца, онъ прошелъ въ ту комнату, гдѣ спалъ его отецъ, и исполнилъ все то, чему научилъ его умный старикъ... Царевичъ разбудилъ спавшаго царя. Царь проснулся и очень

удивился, что именно сынъ-дуракъ вызывается найти красавицу, а не кто-нибудь другой и не старшіе его сыновья, которыхъ онъ считалъ умными. Посадивъ сына-дурака возлѣ себя, царь спросилъ, какъ онъ думаетъ найти красавицу. Дуракъ отвѣчалъ: «Я не знаю, отецъ, найду ли я красавицу, приснившуюся тебѣ во снѣ, или нѣтъ. Можетъ быть, на это потребуется три—четыре года, или больше; но не смотря на всѣ препятствія, могущія мнѣ встрѣтиться на пути, которыя, быть можетъ, будутъ стоить мнѣ даже жизни, я во что бы то ни стало буду стараться достигнуть цѣли твоего желанія. Только прошу тебя дать мнѣ все, что будетъ необходимо въ моихъ поискахъ».

Понравилась царю умная рѣчь дурака-сына, и царь обѣщалъ дать сыну все, чего только онъ ни попроситъ: и денегъ царь обѣщалъ, сколько угодно, и коней хорошихъ, и слугъ вѣрныхъ... Но сынъ-дуракъ отъ всего этого отказался, а попросилъ отца, чтобы онъ приказалъ приготовить нѣсколько паръ сапогъ съ желѣзными подошвами, такъ какъ путь предстоялъ очень длинный, да нѣсколько посоховъ съ желѣзными наконечниками. Царь обѣщалъ сыну, что все это онъ прикажетъ сдѣлать и, похваливъ сына, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дворца, наказывая ему никому не говорить до поры, до времени о своей побѣдѣ.

Не надѣялся ли царь на своего сына, котораго онъ считалъ дуракомъ, или по другой какой-либо причинѣ, но только царь хотѣлъ узнать, не выищется ли еще кто-нибудь для этого дѣла. Поэтому призвалъ царь сначала двухъ старшихъ сыновей своихъ и, рассказавъ имъ свой сонъ, спросилъ ихъ: не могутъ ли они отыскать приснившуюся ему красавицу? Сыновья, подумавъ немного, сказали, что они не могутъ этого сдѣлать. Послѣ того царь велѣлъ созвать ко дворцу все войско свое и весь народъ. Когда войско и народъ собрались, царь вышелъ изъ дворца и сказалъ: «Я видѣлъ во снѣ очень красивую женщину и хочу имѣть ее своей женой. Не можетъ ли кто найти эту женщину и привести ко мнѣ?» Царь добавилъ при этомъ, что если вызвавшійся на это дѣло человѣкъ будетъ холостой, то онъ, царь, наградитъ его золотомъ, драгоценными камнями и дорогими халатами, а если такой молодецъ будетъ женатый, то, кромѣ всего обѣщаннаго, семья его будетъ получать изъ царской казны одежду, обувь, пищу, скотъ и прочее. Всѣ собравшіеся предъ дворцомъ, подумавъ немного, отвѣчали, что не знаютъ, гдѣ живетъ эта красавица, и достать ее не могутъ. Но царь приказалъ еще хорошенько подумать всѣмъ и назначилъ для этого три дня срока.

На четвертый день все собрались перед дворцом и на вопрос царя: не нашелся ли охотник? отвечали, что нет ни одного человека, который бы мог исполнить такое поручение царя. Тогда царь велел позвать младшего своего сына-дурака. Когда пришел этот царевич, царь, обратившись к народу и указывая на него, сказал: «Вот, васъ болѣе 50-ти тысячъ человекъ стоитъ предъ моими глазами, и нетъ ни одного изъ васъ, который бы согласился исполнить желаніе своего царя; одинъ только третій сынъ мой, котораго все привыкли считать дуракомъ, рѣшается на столь отважное дѣло». Затѣмъ царь обратился къ своимъ старшимъ сыновьямъ и сказалъ имъ: «Неужели вамъ не стыдно, что вы, которыхъ я и весь народъ мой считаю умными царевичами, не знаете, какъ исполнить желаніе своего отца? Устыдитесь и подумайте хорошенько!».

Царь сказавъ это и ушелъ. Народъ и войско также разошлись пристыженными, а два старшихъ сына царя, уходя въ свои покои, со злобою и завистью посмотрѣли на своего младшаго брата-дурака.

Остатокъ дня все провели обычнымъ порядкомъ, а ночью все люди спали беззаботно. Не спалось только двумъ старшимъ сыновьямъ царя. Они долго разсуждали о томъ, какъ отецъ пристыдилъ ихъ предъ лицомъ всего народа, и долго думали, какъ бы имъ возстановить во мнѣніи народа свою прежнюю честь. Наконецъ, уже на развѣтъ дня, легли они спать, порѣшивши сказать отцу о своемъ согласіи ѣхать разыскивать для него красавицу. На другой день царь, выслушавъ ихъ, обрадовался ихъ рѣшимости и приказалъ приготовить для нихъ такую же обувь и такіе же посохи, какіе были сдѣланы для младшаго царевича-дурака. Отправляя сыновей на поиски красавицы, царь сказалъ младшему сыну, что онъ можетъ провести въ поискахъ сколько угодно времени, а старшимъ двумъ сыновьямъ объявилъ, что если они въ теченіе двухъ лѣтъ не найдутъ красавицы, то должны вернуться назадъ, къ отцу—помогать ему въ дѣлахъ правленія, такъ какъ они потому и считаются умными, что помогали царю въ управленіи государствомъ.

Послѣ того все три царевича отправились вмѣстѣ въ путь отыскивать красавицу. Шли-шли они и дошли до селенія (кишлакъ). Здѣсь они отдохнули въ одной чайной лавочкѣ (чай-хана), напились чаю съ лепешками, поѣли пилавъ и затѣмъ все вмѣстѣ пошелъ дальше. Скоро дошли они до того мѣста, гдѣ дорога раздѣлялась на три вѣтви: одна дорога шла прямо, другая—направо, а третья—налѣво. При началѣ каждой дороги были поставлены столбы, а на нихъ были прибиты дощечки съ надписями на какомъ-то непозвѣстномъ

языкъ. Два старшіе брата не знали иностранныхъ языковъ и не могли прочесть этихъ надписей; дуракъ же, знавшій разные иностранные языки, прочелъ эти надписи. На дощечкахъ было написано: «Кто пойдетъ направо, тотъ не возвратится; кто пойдетъ налево, тотъ можетъ возвратиться, можетъ и не возвратиться, а кто пойдетъ прямо, тотъ непременно возвратится».—Дуракъ, прочитавши надписи, сказалъ своимъ братьямъ, что онъ узналъ содержаніе надписей, и братья пристали къ дураку съ просьбой объяснить имъ смыслъ надписей. Дуракъ долго не соглашался исполнить просьбу братьевъ, но наконецъ рѣшился обмануть ихъ. Онъ сказалъ братьямъ: «Кто пойдетъ по дорогѣ налево, тотъ вернется, кто пойдетъ направо, тотъ можетъ вернуться, но можетъ и не вернуться; кто же пойдетъ прямо, тотъ вовсе не вернется».—И братья повѣрили словамъ дурака.

Дуракъ обратился къ старшимъ братьямъ съ вопросомъ о томъ, какую дорогу изберетъ каждый изъ нихъ, а самъ сказалъ, что для него лично все равно: ходить ли 2 года, или 10 лѣтъ; поэтому какая дорога ему достанется, по той онъ и пойдетъ.—Старшіе братья, выслушавъ дурака, отошли немного въ сторону и стали тихонько, шепотомъ, совѣтоваться межъ собой; затѣмъ они подошли къ младшему брату-дураку и сказали: «Самый старшій изъ насъ пойдетъ по дорогѣ налево, а второй пойдетъ по дорогѣ направо». Дураку оставалась средняя дорога.—Братья простились другъ съ другомъ и разошлись въ разные стороны...

Дуракъ направился прямо, по средней дорогѣ. Онъ обманомъ выгадалъ себѣ самый лучшій путь.—Когда онъ отошелъ на такое разстояніе, что ему уже не было видно того мѣста, гдѣ сходились три дороги, старшіе братья вернулись назадъ и рѣшили, что имъ лучше идти въ ту чай-хану, въ которой они всѣ вмѣстѣ пили чай, наняться тамъ къ кому-нибудь простыми работниками, проработать два года, назначенные отцомъ на розыски красавицы, а затѣмъ вернуться домой и сказать отцу, что они ничего не нашли, не смотря на усердные розыски. О братѣ-дуракѣ они подумали, что онъ пошелъ по такой дорогѣ, изъ которой не вернется, и потому не будетъ человека, который могъ бы обличить ихъ во лжи предъ отцомъ.—Такъ вернулись они въ то селеніе, въ которомъ останавливались на отдыхъ и пили чай. Здѣсь, подъ видомъ простыхъ чернобочихъ, старшій братъ нанялся въ харчевню, а второй—въ хлѣбопекарню.

Но оставимъ пока старшихъ братьевъ работать въ кишлакѣ и послушаемъ, что будетъ дѣлать дуракъ.—Долго ли, коротко ли шелъ дуракъ по своей дорогѣ, но увидѣлъ, наконецъ, киргизскую юрту, которая одиноко стояла посреди необозримой пустыни. Возлѣ юрты былъ вдѣланъ въ земляную печь большой котелъ съ 40 ушами (ручками). Въ этой юртѣ жила старая старуха (Баба-Яга), которая каждый день варила въ своемъ котлѣ 40 барановъ и съѣдала ихъ одна.—Дуракъ подошелъ къ юртѣ, отворилъ съ трепетомъ очень скрипучую дверь и увидѣлъ внутри юрты страшную старуху. Со страхомъ вошелъ онъ въ юрту и поздоровался со старухой, сказавъ ей привѣтствіе мира (саламъ). Старуха пристально посмотрѣла на вошедшаго царевича-дурака и сказала: «Ну, благодари Аллаха за то, что Онъ вразумилъ тебя поздороваться со мной. Не сдѣлай ты этого,—я бы завтра-же сварила тебя, вмѣсто 40-го барана, и съѣла бы. Теперь же я тебя не трону». Дуракъ-царевичъ поблагодарилъ старуху за такую милость.—«Зачѣмъ пришелъ ты, царевичъ, въ такое мѣсто, куда никто не ходитъ?» спросила его старуха. Царевичъ разсказалъ ей о цѣли своего путешествія и попросилъ старуху сказать ему, какъ онъ долженъ поступить, чтобы достичь желаемого. «Да! сказала старуха: дѣйствительно, на свѣтѣ есть такая красавица, которую отецъ твой видѣлъ во снѣ, но достать тебѣ ее безъ помощи болѣе сильныхъ людей нельзя; и если ты рѣшишься на это одинъ, то непременно погибнешь».

Выслушавъ это, заплакалъ царевичъ. «Не печалься, сказала старуха: я научу тебя, какъ поступить, чтобы остаться тебѣ живымъ и невредимымъ за то, что ты умѣлъ во-время со мной поздороваться. Ты сдѣлай такъ: когда выйдешь отъ меня, то отправляйся въ ту сторону, гдѣ солнце закатывается. Долго тебѣ придется идти, но, наконецъ, ты увидишь такую же юрту, какъ и у меня. Въ ней живетъ моя сестра, которая вдвое старше меня. Ты войди къ ней въ юрту и непременно поздоровайся съ ней; иначе худо будетъ тебѣ. И вотъ, сестра моя научитъ тебя, какъ найти красавицу. Ты не забудь, скажи ей, что тебя послала я, младшая ея сестра. А чтобы она скорѣе повѣрила словамъ твоимъ, на вотъ тебѣ письмо, которое ты и передай моей сестрѣ».—Выслушавъ совѣтъ старухи, царевичъ поблагодарилъ ее, попрощался и вышелъ.

Отъ юрты первой старухи дуракъ-царевичъ направился къ западу и шелъ очень долго,—такъ долго, что въ пройденныхъ дняхъ со счету сбился—не зналъ, сколько времени онъ провелъ въ дорогѣ.—Но вотъ, однажды на разсвѣтѣ, замѣтилъ дуракъ, что посреди

степи, которой и конца не видно, стояла юрта. Обрадовался усталый и утомленный такой дальней дорогой дуракъ-царевичъ. Когда подошелъ онъ къ этой куртѣ, то увидѣлъ, что возлѣ юрты вдѣланъ въ земляную печь большой котелъ съ 60-ю ушами. Котелъ былъ столь великъ, что въ немъ свободно можно было сварить 60 лошадей. Вотъ какой громадный обѣдъ дѣлала себѣ каждый день старуха, жившая одна въ этой куртѣ!—Царевичъ боязливо вошелъ въ юрту, вѣжливо поздоровался со старухой и на вопросъ ея: за чѣмъ пришелъ? объяснилъ ей цѣль своего посѣщенія. Онъ сказалъ, что былъ у ея сестры, и подалъ при этомъ письмо. — Царевичъ былъ молодъ, красивъ, добръ и вѣжливъ. Онъ сразу понравился этой старухѣ, и она обѣщалась научить его, какъ поступить ему, чтобы достигнуть цѣли своего желанія. «Слушай внимательно! сказала старуха царевичу: когда ты выйдешь изъ моей юрты, то ступай въ ту сторону, гдѣ заходитъ солнце. Черезъ вѣсколько дней пути ты увидишь гору, но это не та гора. Обойди ты гору эту и иди далѣе. Черезъ два дня пути ты увидишь другую гору; вотъ на-этой то горѣ и скрывается красавица, которую ты ищешь. Она живетъ въ желѣзномъ рѣшетчатомъ домѣ, какъ перепелка въ клеткѣ, а домъ ея стоитъ среди большого двора, обнесеннаго желѣзнымъ же заборомъ. Домъ этотъ построенъ на вершинѣ холма, а потому днемъ трудно подойти къ нему незамѣченнымъ. Тѣмъ болѣе трудно приблизиться къ дому, что хозяинъ его — самъ Дивъ, а стражею служатъ страшные звѣри—тигръ, волкъ, шакалъ и медвѣдь. Тебѣ трудно будетъ обмануть такую бдительную и опасную стражу, но всетаки можно. Сдѣлать надо вотъ что: къ оградѣ ты подойди въ сумерки съ задней стороны, выкопай яму, сядь въ нее и укройся съ головою, чтобы запаха человѣческаго совсѣмъ не было слышно. Въ ямѣ ты сиди до самаго разсвѣта. Знай, что предъ самымъ разсвѣтомъ звѣри-стражи засыпаютъ на очень короткое время; ты и долженъ будешь воспользоваться этимъ временемъ. Тогда ты осторожно пройди на дворъ. У самаго же дома будетъ тогда спать и самъ Дивъ; ты потихоньку вынь у него изъ-за пояса ключъ, отпри дверь дома,—и красавица сама выйдетъ къ тебѣ на встрѣчу. Тогда ты снова запри дверь, ключъ положи на прежнее мѣсто, за поясъ Диву, а самъ съ красавицей уходи какъ можно скорѣе. Да смотри, царевичъ: если тамъ все у тебя сойдетъ хорошо и благополучно, то на обратномъ пути не забудь зайти ко мнѣ. Крѣпко помни мои совѣты, царевичъ! Да сохранить тебя Аллахъ въ столь трудномъ дѣлѣ за твой привѣтъ!»

Поблагодарилъ царевичъ ласковую старуху и далъ обѣщаніе съ точностью слѣдовать ея совѣтамъ и зайти къ ней на обратномъ пути.

Но пусть идетъ дуракъ своею дорогою, а мы расскажемъ пока, кто такая была та красавица, приснившаяся царю, отцу дурака.

Это была младшая дочь одного очень богатаго казія. Ей было всего только 4 года, когда Дивъ увидѣлъ ее, плѣнился ея красотою и, не думая долго, укралъ ее, привелъ въ свой желѣзный домъ и заперъ тамъ на ключъ. Такъ просидѣла красавица въ желѣзномъ домѣ, какъ куропатка въ клѣткѣ, болѣе 12-ти лѣтъ, не видя людей и не зная своего происхожденія. Дивъ ни въ чемъ не отказывалъ своей плѣнницѣ-красавицѣ: одѣвалъ ее въ лучшія платья, доставлялъ ей самыя вкусныя и самыя дорогія кушанья и т. п. Однажды даже онъ придѣлалъ ей крылья и такимъ образомъ далъ ей возможность летать внутри ея высокаго желѣзнаго дома.

Долго-ли, коротко-ли шелъ дуракъ-царевичъ, какъ, наконецъ, пришелъ къ первой горѣ, обошелъ ее и черезъ два дня пути былъ уже у другой горы. Тутъ царевичъ, дѣйствительно, замѣтилъ желѣзную ограду и звѣрей, охранявшихъ входъ. Однимъ словомъ: онъ увидѣлъ теперь все то, что говорила ему вторая старуха. Царевичъ поступилъ такъ, какъ говорила ему старуха: съ большою осторожностью онъ дошелъ до жилища Дива, вынулъ у него изъ-за пояса ключъ и освободилъ красавицу. Но когда царевичъ заперъ дверь желѣзнаго дома, волкъ услышалъ стукъ замка, проснулся и хотѣлъ-было разбудить остальныхъ своихъ товарищей, да сообразилъ, что пока онъ подыметъ тревогу, то красавица можетъ улетѣть; а если она улетитъ, то грозный Дивъ выместитъ всю злобу свою на спинахъ и ребрахъ своей вѣрной стражи. Разсуждая такимъ образомъ, волкъ рѣшился притвориться ничего не видѣвшимъ и ничего не слышавшимъ, снова улегся и заснулъ, а царевичъ съ красавицей, незамѣченные болѣе никѣмъ, вышли изъ ограды.

Исполняя свое обѣщаніе, царевичъ съ красавицей отправился къ старухѣ, научившей его достать красавицу. Старуха полюби-валась красотою бывшей затворницы Дива, похвалила царевича за неустрашимость и ловкость и велѣла ему сейчасъ же отправляться въ дальнѣйшій путь, зная, что проснувшійся Дивъ скоро замѣтитъ исчезновеніе своей красавицы и снарядитъ за ней погоню. Старуха сильно боялась, что если Дивъ узнаетъ, что она пропустила царевича, чего не должна была дѣлать, то ее самое сваритъ въ котлѣ

а участіе въ похищеніи царевичемъ красавицы его. Поэтому, чтобы ускорить бѣгство царевича съ красавицей, старуха дала имъ быстрыхъ и крѣпкихъ лошадей и просила какъ можно скорѣе уѣзжать. Царевичъ поблагодарилъ старуху и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней ѣзды, царевичъ былъ уже у младшей старухи. Она похвалила царевича за молодецкую удачу, подивилась красотѣ добытой имъ красавицы и посоветовала ему уѣзжать поскорѣе, а то не ровень часъ: наѣдетъ стража Дива.—и ей самой не сдобровать, не избѣгнуть котла.—Пересѣлъ царевичъ съ красавицей на другихъ лошадей, предложенныхъ этой старухой, простился со старухой и уѣхалъ.

Недолго ѣхалъ царевичъ на быстрыхъ коняхъ и пріѣхалъ, наконецъ, на перекрестокъ трехъ дорогъ. Посмотрѣлъ онъ направо, посмотрѣлъ налево, но братьевъ не было видно. Не останавливаясь, поѣхалъ царевичъ далѣе и скоро достигъ того селенія, въ которомъ жили его братья, подъ видомъ чернорабочихъ, и остановился въ той самой чай-ханѣ, въ которой онъ въ передній путь отдыхалъ съ братьями. Для красавицы онъ нанялъ отдѣльную комнату, подаль ей чаю съ горячими лепешками и посоветовалъ ей никуда не уходить, а самъ отправился на базаръ за покупками. Проходя мимо харчевни, дуракъ-царевичъ увидѣлъ въ харчевнѣ своего старшаго брата подкладывающимъ дрова въ печь. Сначала онъ не узналъ въ немъ своего брата. Да и трудно было бы узнать царевича. Видъ у него былъ ужасный: лицо и руки были черны, какъ сажа; только зубы и бѣлки глазъ бѣлы; руки мѣстами были обожжены; одежда рваная, а ноги босыя. Царевичъ-дуракъ купилъ въ этой харчевнѣ хорошаго мяса, и, заплативъ хозяину деньги, попросилъ его прислать купленное мясо въ чай-хану съ работникомъ, который подкладывалъ дрова въ печь, а самъ пошелъ далѣе. Тогда хозяинъ харчевни приказалъ указанному царевичемъ работнику умыться хорошенько, положить мясо на глиняное блюдо и снести въ чай-хану къ пріѣзжему баю (богачу). «Да смотри, сказалъ хозяинъ своему слугѣ: когда поставишь мясо, самъ отойди подальше и стой, такъ какъ неприлично слугѣ стоять около большихъ господъ; такъ дождайся, пока опорожнится блюдо». Слуга отвѣтилъ, что исполнить приказаніе хозяина.

Между тѣмъ дуракъ-царевичъ идетъ по базару и видитъ, что стоитъ и топить печь (тануръ) грязный работникъ. Дуракъ-царевичъ съ трудомъ могъ узнать въ этомъ работникѣ своего второго брата... Подошелъ царевичъ къ пекарнѣ, заказалъ испечь

хорошую лепешку и просилъ хозяина прислать лепешку въ чай-хану съ работникомъ, топившимъ печь. Расплатившись съ хозяиномъ пекарни, дуракъ направился въ чай-хану къ красавицѣ. А хозяинъ хлѣбопекарни позвалъ къ себѣ работника, указаннаго дуракомъ-царевичемъ, и сдѣлалъ ему такое-же наставленіе, какое далъ хозяинъ харчевни своему слугѣ, т. е. старшему царевичу.

Сидитъ царевичъ-дуракъ въ чай-ханѣ и видитъ, что къ нему идетъ старшій братъ. Осторожно поставилъ онъ блюдо съ мясомъ и саломъ около царевича-дурака и почтительно отошелъ, остановился вдали и ждетъ, пока пріѣзжій бай опорожнитъ блюдо. А дураку въ это время подали чай. Онъ сталъ приглашать брата съѣсть вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ отказывался, очевидно, не узнавая въ пріѣзжемъ брата своего. Дуракъ-царевичъ еще разъ позвалъ брата и, когда тотъ не согласился, дуракъ всталъ, взявъ брата за рукавъ и притянулъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ подносъ съ чайникомъ и чашкою. Затѣмъ дуракъ спросилъ брата, узнаетъ ли онъ его. Братъ сказалъ, что не знаетъ господина, такъ какъ никогда его не видѣлъ. Тогда дуракъ сказалъ ему: «Неужели ты не узнаешь меня? Вѣдь мы съ тобой рождены отъ одной матери». Тогда только старшій братъ узналъ брата своего, дурака. Отъ такой неожиданной встрѣчи, братья заплакали и обнимали другъ друга. Царевичъ-дуракъ велѣлъ брату надѣть вмѣсто рваной одежды другую, хорошую, которую самъ сейчасъ и подалъ ему. Когда пришедшій братъ переодѣлся, царевичъ-дуракъ повелъ его въ ту комнату, гдѣ помѣщалась красавица, добытая имъ для отца и, оставивъ брата съ нею, самъ вышелъ изъ комнаты ожидать втораго своего брата.

Съ этимъ братомъ случилось то же, что и со старшимъ. Такимъ образомъ всѣ три брата были опять вмѣстѣ. Пока для нихъ готовили пилавъ, старшіе братья завели разговоръ что хорошо было бы купить 4-хъ лошадей и всѣмъ вмѣстѣ отправиться домой. Дуракъ былъ радъ этой мысли. На другой день купилъ онъ 4-хъ лошадей, и всѣ четверо тронулись въ путь, къ отцу своему.

Долго они ѣхали, и когда устали у нихъ лошади, они рѣшили отдохнуть въ юртѣ, стоявшей на дорогѣ. Здѣсь братья отдохнули и закусили лепешками, взятыми съ собою изъ кишлака, а затѣмъ легли соснуть. Старшіе два брата помѣстились снаружи, у самаго входа въ юрту, а младшій съ красавицей легли внутри юрты. Царевичъ-дуракъ, опасаясь нападенія разбойниковъ, изъ предосторожности привязалъ къ косякамъ узкаго двернаго отверстія юрты свою кривую саблю, остриемъ внутрь юрты.

Какъ только дуракъ - царевичъ заснулъ, старшіе братья его встали и совѣтовались, какъ бы имъ погубить брата, а самимъ уѣхать съ красавицей и сказать отцу, что они достали ему красавицу. Порѣшивъ такъ, старшіе братья осѣдлали лошадей, а потомъ крикнули дураку-брату, что красавицу украли. Царевичъ вскочилъ и опрометью, въ просонкахъ, бросился къ двери, наткнулся на привязанную саблю и порѣзалъ себѣ ноги. Отъ испуга и сильнаго кровотоčenja онъ упалъ замертво на полъ юрты. Тогда братья схватили красавицу и повели ее изъ юрты къ осѣданнымъ лошадямъ; но ей жалъ стало своего избавителя, и она упростила братьевъ несчастнаго царевича перевязать ему порѣзанныя ноги. Братья послѣ нѣкотораго раздумья согласились. Когда красавица начала перевязывать порѣзанныя ноги своему избавителю, онъ очнулся и просилъ братьевъ взять его съ собой. Онъ обѣщалъ обо всемъ молчать дома и сказать, что самъ нечаянно порѣзалъ себѣ ноги. Но братья отказались взять его. Тогда дуракъ сталъ просить у братьевъ ружье, чтобы имѣть возможность стрѣлять для себя птицъ. На это братья согласились и оставили дураку его ружье, будучи увѣрены, что онъ жить долго не можетъ, а сами уѣхали.

Несчастный царевичъ-калѣка слѣдующій день провелъ въ голодѣ. Къ вечеру шло время; раны его подсохли, и онъ подползъ къ двери юрты. Лежитъ онъ у входа въ юрту и видитъ, какъ слѣпой гонится по слуху за птицей и никакъ не можетъ поймать ее. Царевичъ-калѣка говоритъ слѣпому: «Подожди, я выстрѣлю и убью эту птицу!» Слѣпой согласился. Дуракъ взялъ ружье, прицѣлился и убилъ птицу. Тогда слѣпой ощупью, по указанію дурака, нашелъ убитую птицу и принесъ ее къ юртѣ. «Кто ты такой?» спрашиваетъ слѣпой дурака. «Я—безногій», отвѣчаетъ дуракъ и самъ спросилъ: «А ты хочешь жить вмѣстѣ?» Слѣпой согласился. Они тотчасъ же зажарили убитую птицу, поѣли и легли спать. Утромъ они сидѣли близъ юрты и видятъ, что гонится за какой-то большой птицей человекъ безрукій и старается убить ее ногами. Дуракъ предложилъ убить ее изъ ружья. Безрукій согласился.—Птицу убили, зажарили и сѣли есть всѣ трое жаркое, приготовленное изъ только что убитой птицы. За тѣдой они рѣшили жить вмѣстѣ и доставать себѣ пропитаніе охотою.

Черезъ 4 дня они нашли, что плохо жить безъ прислуги, которая бы готовила имъ кушанье, мыла одежду и т. п. И вотъ говоритъ безрукій слѣпому: «Вонъ тамъ, за первымъ лѣскомъ, стоитъ небольшая курганча (хуторокъ), а около загороди прудъ. Ты подойди

къ пруду и дожидайся: изъ домика выйдетъ дѣвочка за водой, и когда ты услышишь, что она станетъ черпать кувшиномъ воду, то ты иди на плескъ воды, бери дѣвочку себѣ на плечи и поспѣшно уходи къ намъ. Я буду ждать тебя у лѣса, и мы вдвоемъ тогда принесемъ дѣвочку сюда».

На другой день къ вечеру дѣвочка была уже въ юртѣ калѣкъ. Они назвали ее своею сестрой и рассказали ей, что она должна дѣлать для нихъ въ юртѣ. Дѣвочка согласилась.

Однажды всѣ трое калѣкъ ушли изъ юрты на охоту, а дѣвочкѣ велѣли приготовить имъ кушанье изъ птицы, убитой вчера вечеромъ. Дѣвочка ошпиала птицу, выпотрошила ее, разрѣзала, вымыла въ чистой водѣ, но потомъ вспомнила, что у нея нѣтъ огня. Она вышла изъ юрты, осмотрѣлась кругомъ и увидѣла, что на западъ отъ юрты подымается дымокъ, хотя самаго строенія не видно. Дѣвочка побѣжала на дымъ и черезъ нѣсколько времени очутилась очень недалеко отъ другой юрты, у которой, налѣво отъ входа, былъ врытъ въ землю большой котелъ. Около котла сидѣла страшная старуха и большимъ гребнемъ чесала свою косматую голову. Головныхъ наскѣкомыхъ (битъ) она прямо бросала въ котелъ, въ которомъ кипѣло сало. Такъ эта старуха готовила себѣ супъ (шурпу). Дѣвочка подошла къ старухѣ и поздоровалась съ ней. Старуха пригласила дѣвочку покушать кушанья, но дѣвочка отъ такой бды отказалась, а попросила у старухи огня. «Гдѣ ты живешь?» спросила старуха. «Далеко на востокѣ» отвѣчала дѣвочка. «На, вотъ тебѣ пригоршню наскѣкомыхъ, сказала старуха; ступай ты домой и разсыпай ихъ по дорогѣ, чтобы я могла найти твой домъ. А объ огнѣ не заботься: я сейчасъ принесу тебѣ его сама.» Дѣвочка взяла наскѣкомыхъ и, уходя по направленію къ своей юртѣ, разсыпала ихъ по дорогѣ. Только пришла дѣвочка домой, какъ слѣдомъ за ней явилась и старуха. «Ты одна здѣсь живешь?» спросила старуха. «Нѣтъ! отвѣтила дѣвочка: со мною живутъ тутъ три брата, но они ушли на охоту въ лѣсъ.» — «Знаешь что, дѣвочка: нѣтъ ли у тебя толстой иглки? У меня прорвался мѣшокъ; такъ надо бы зашить его. Дай пожалуйста иглу!» Дѣвочка принесла иглу и передала старухѣ, а старуха схватила дѣвочку, повалила на полъ, и проколола ей иглой пятку и стала съ жадностью сосать кровь, приговаривая: «Давно уже у меня не было такого вкуснаго напитка!»

Напившись крови, старуха скрылась; а дѣвочка блѣдная, какъ полотно, осталась лежать въ юртѣ на кошмѣ, пока не пришли съ охоты калѣки.

Приходятъ вечеромъ съ охоты калѣки и видятъ свою названную сестру блѣдной и спрашиваютъ, что съ ней случилось. Она сказала, что у нея страшно голова болить. Калѣки не узнали въ чемъ дѣло, а старуха приходила еще два раза въ отсутствіи калѣкъ. Наконецъ дѣвочкѣ стало не въ силу переносить эту пытку, и она рассказала безногому калѣкѣ всю правду. Тогда дуракъ-царевичъ рѣшился остаться караулить старуху, а дѣвочкѣ далъ такое наставленіе: «Смотри: я повѣшу свою верхнюю одежду въ юртѣ, а самъ вырою яму недалеко отъ входа и буду тамъ дожидаться старуху. Когда она придетъ и спроситъ: развѣ твои братья дома, что я слышу запахъ человѣка?—Ты скажи, что всѣ братья на охотѣ, а что пахнетъ человѣкомъ отъ этой одежды». Дѣвочка согласилась.—Спустя нѣкоторое время, пришла старуха, и спрашиваетъ: «Развѣ твои братья дома, что я слышу запахъ другого человѣка?» Нѣтъ, отвѣчаетъ ей дѣвочка: братья всѣ на охотѣ, а пахнетъ человѣкомъ вотъ отъ этой одежды, которую мой безногій братъ снялъ, уходя на охоту и повѣсилъ просушить». Старуха повѣрила и принялась было за свое дѣло, какъ сзади тихо подползъ безногій братъ и, схвативъ за волосы старуху, оттащилъ ее отъ дѣвочки, связалъ ей руки ея же косой на спинѣ и, бросивъ въ яму, оставилъ ее лежать тамъ до возвращенія другихъ калѣкъ.

Вечеромъ дуракъ рассказалъ имъ о случившемся, и стали всѣ трое разсуждать, что сдѣлать со старухой. Слѣпой сказалъ: «Слушайте, братья! можетъ быть она—чародѣйка: пусть она вынетъ у меня сердце,—и тогда у меня опять будетъ хорошее зрѣніе: я сдѣлаюсь такимъ же, какимъ былъ и прежде». Попробовали: старуха вынула у него сердце—и слѣпой прозрѣлъ. Такимъ же способомъ возвратила старуха руки безрукому. Вынула, наконецъ, старуха сердце у хромоногаго-царевича. Но когда ей велѣли выбросить вынутое сердце, она взяла и съѣла его. Тогда царевичъ сказалъ: «Рубите и рѣжьте старуху, какъ можно мельче; смотрите въ каждомъ кусочкѣ ея тѣла, въ каждой кости, куда она спрятала мое сердце!» Братья изрубили старуху на мелкіе куски, какъ клеверъ для лошадей рубятъ, но сердца хромоногаго царевича не нашли. Въ этотъ моментъ прилетѣла какая-то маленькая птичка и заплѣла пѣсню, въ которой говорилось, что «надо смотрѣть въ суставахъ мизинца лѣвой руки старухи.» Посмотрѣли и дѣйствительно нашли сердце царевича-дурака. Послѣ того царевичъ всталъ на свои ноги, какъ настоящій человѣкъ, и сказалъ, что онъ первый разъ спалъ такъ долго. Когда остатки изрубленной старухи сложили въ мѣшокъ и бросили въ дѣсь, то и

дѣвочка проснулась. И она не была уже блѣдна, какъ предъ этимъ, во цвѣта здоровья. Выздоровѣвшіе братья рѣшили тогда приготовить кушанье, поѣсть и отправиться дальше. Царевичъ-дуракъ предложилъ идти всѣмъ вмѣстѣ къ его отцу.

Между тѣмъ два старшихъ брата царевича привезли красавицу домой и сказали отцу, что они нашли ее и привезли. Царь повѣрилъ умнымъ сыновьямъ, такъ какъ на нихъ возлагалъ больше надежды, чѣмъ на дурака, щедро наградилъ ихъ, а красавицу помѣстилъ въ отдѣльномъ дворцѣ.

Но вотъ возвращается домой дуракъ. Царь встрѣтилъ его какъ дурака, и даже не поинтересовался узнать, гдѣ его сынъ былъ. Но въ ту самую ночь, когда долженъ былъ притти дуракъ-царевичъ, красавица видѣла сонъ. Позвала она къ себѣ царя и сказала ему: «Я видѣла въ эту ночь во снѣ, что въ городъ пришелъ тотъ самый человекъ, который освободилъ меня отъ страшнаго Дива и увезъ изъ его неприступнаго желѣзнаго дома». Царя сильно смутили слова красавицы. «Такъ развѣ не тѣ царевичи освободили тебя отъ Дива, которые привезли тебя ко мнѣ?» «Нѣтъ!» отвѣчала красавица. — «Такъ кто же?» — «Пойди въ городъ и узнаешь самъ!»

Царь сталъ справляться, кто прибылъ въ городъ прошлую ночью. Ему сказали, что, кромѣ дурака-царевича съ товарищами, въ городъ никто не пріѣзжалъ. Тогда царь призвалъ къ себѣ старшихъ сыновей и дурака и заставилъ старшихъ сыновей сознаться въ обманѣ. Но они не сознавались. Тогда царь пошелъ къ красавицѣ своей и попросилъ ее рассказать всю правду. Она рассказала царю все, что знала. Царь сильно разгнѣвался на старшихъ сыновей своихъ, и тотчасъ же приказалъ привести двухъ лошадей. Виновныхъ сыновей привязали къ хвостамъ лошадей и выпустили лошадей въ поле. Испуганные кони съ привязанными къ ихъ хвостамъ царевичами, съ быстротою вихря, исчезли изъ глазъ зрителей...

Послѣ того мнимый дуракъ, за свое простодушіе, остался единственнымъ помощникомъ своего отца-царя въ дѣлахъ управленія государствомъ.

(Эта сказка записана въ Ташкентѣ ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи Н. Романовымъ, со словъ сарта Хасана-ходжи Таиръ-ходжинова).

ХІІ.

Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ *).

Жиль-былъ несмѣтный богачъ Атаметой. Онъ былъ очень добръ и милостивъ: никогда ни одинъ нищій не уходилъ отъ него безъ большого подаянія. Богачъ этотъ имѣлъ огромный домъ. Въ домъ было 40 дверей. Часто бывало, что въ теченіе дня у каждой двери перебивается по пяти, по шести человекъ нищихъ и болѣе, и щедрый хозяинъ приказывалъ выносить каждому нищему на золотомъ подносѣ насыпанныя верхомъ золотыя монеты и отдавать деньги вмѣстѣ съ подносомъ просящему милостыни.

Молва о щедрости этого богача разнеслась повсюду. И вотъ, однажды изъ дальней страны приходитъ къ дому богача одинъ старикъ,—подходить къ первой двери его дома и изъ рукъ самого хозяина получаетъ полный золотыхъ монетъ круглый золотой подносъ. Поблагодаривъ за такое щедрое подааніе хозяина и призвавъ милость

*) Въ имени Атаметоя слышится несомнѣнно имя древняго (до-исламскаго) араба Хатамъ-Тайя, т. е. происходившаго изъ колѣна Тай. Онъ былъ богатъ и славился на Востокѣ щедростью и великодушіемъ, какъ Саади рассказываетъ о немъ въ „Гюлистанъ“: „Спросили Хатамъ-Тайя, не видалъ ли онъ, или не слышалъ ли о комъ-нибудь, кто былъ бы по всемъ мірѣ великодушнѣе его. „Да“ сказалъ онъ: „однажды закололъ я 40 жертвенныхъ верблюдовъ и пригласилъ на обѣдъ знатныхъ арабовъ (которые въ подобныхъ случаяхъ берутъ съ собой многочисленныхъ прислужниковъ своихъ). Я вышелъ въ поле и увидѣлъ тамъ продавца терновника, который, собравъ его, вывезъ въ вязани. Я сказалъ ему: почему ты не идешь на пиръ Хатама, гдѣ собралось столько народа?—Кто,—отвѣчалъ онъ,—питается трудами рукъ своихъ, тотъ не обязывается Хатаму.—Я, продолжалъ Хатамъ, считаю его выше себя (глава II, рассказъ 15). Тамъ не менѣе Хатамъ-Тай былъ извѣстенъ за самаго щедраго и великодушнаго араба, такъ что когда арабы хотѣли кого-нибудь похвалить за это качество, то говорили: Это—Хатамъ-Тай. Однажды греческій императоръ, царствовавшій въ то время, наслышавшись о необыкновенной щедрости Хатама и узнавъ, что у него была лошадь рѣдкихъ достоинствъ, въ которой Хатамъ-Тай былъ очень привязанъ, отправилъ къ нему посла, чтобы выпросить ее у него. Неожиданный приходъ императорскаго посла со свитой поставилъ Хатамъ-Тая въ затруднительное положеніе: онъ не имѣлъ подъ рукой припасовъ, чтобы приличнымъ образомъ угостить ихъ, ибо дожди и дурная погода удержали стада его вдали отъ шатра его. Но въ конюшнѣ стояла любимая его лошадь, столько же знаменитая быстротою своего бѣга, сколько Хатамъ славился своею щедростью. Не вѣдя подъ руками другого животнаго для угощенія прибывшихъ гостей, Хатамъ-Тай зарѣзалъ ее и мясомъ ее угостилъ ихъ. Послѣ обѣда посланецъ императора объяснилъ своему хозяину причину своего прибытія и къ удивленію своему узналъ, что великодушный Хатамъ-Тай не пожалѣлъ для знатныхъ гостей и любимой своей лошади. (Гюлистанъ, перев. Ламброна, стр. 149. Призываніе).

Аллаха на голову богача и на его семейство, старикъ отошелъ въ сторону на такое разстояніе, чтобы его не было видно, высыпалъ золотыя монеты въ мѣшокъ, опустилъ туда и поднось и спряталъ мѣшокъ въ ямѣ, заранѣе вырытой. На другой день старикъ снова пришелъ къ богачу просить милостыни, но подошелъ не къ той двери, къ которой подходилъ вчера, а къ другой. Слуга щедрого хозяина, стоявшій у этой двери, подаль старику такое же точно подаваніе, какое онъ получилъ изъ рукъ самого хозяина наканунѣ. Старикъ и это спряталъ. На слѣдующій день старикъ явился снова и снова получилъ поднось золотыхъ монетъ. Такъ обошелъ онъ всѣ двери въ 40 дней, и у каждой двери получалъ упомянутую щедрую милостыню.

Подумалъ старикъ и на 41 день опять явился возлѣ первой двери дома богача, соображая про себя, что, вѣроятно, чрезъ 40 дней, хозяинъ уже забылъ его, такъ какъ у него каждый день просящихъ милостыни бываетъ очень много. Но богатый Атаметой помнилъ всѣхъ, кому подавалъ милостыню; онъ пристально посмотрѣлъ на старика, узналъ его и сказалъ: «Посмотри, ты уже старикъ, а еще рѣшаешься обманывать. Неужели не стыдно тебѣ приходить ко мнѣ вторично, тогда какъ ты и въ первый разъ получилъ столько, что можно прожить безбѣдно цѣлую жизнь, а твоей жизни остается совсѣмъ уже не много». Старикъ отвѣтилъ на это: «Да, дѣйствительно, мнѣ стыдно за то, что я дерзнулъ просить милостыни у тебя, какъ у не очень богатаго человека».

— «Слушай, старикъ, — продолжалъ хозяинъ: мое богатство и моя щедрость извѣстны всему свѣту».

— «Можетъ быть, отвѣчалъ старикъ; но я вижу, — тебѣ неизвѣстно, что есть люди богаче и щедрѣе тебя».

— «Кто же они?» спрашиваетъ богачъ.

— «Если ты хочешь знать, такъ слушай!» сказалъ старикъ: Далеко отъ твоего города, въ той сторонѣ, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, есть одинъ большій городъ. Въ городѣ этомъ жилъ царь, который славился своею добротою, и за это Аллахъ награждалъ его очень, очень большимъ богатствомъ. Но добрый царь пожилъ недолго и скоро умеръ, оставивъ наслѣдницей своего престола только 17-ти-лѣтнюю дочь, которая, по добротѣ своего сердца, превосходила даже своего покойнаго отца. Въ этомъ городѣ молодая добрая царевна приказала построить большой домъ съ 160 дверями. Каждый день, съ самаго ранняго утра, отворяются всѣ двери этого дома, и всякій могъ подойти къ любой двери и просить, что ему нужно: денегъ ли,

одежды, обуви, пищи, скота или еще чего-нибудь... Все выдавалось немедленно. Вотъ, продолжалъ старикъ, истинное богатство и истинная щедрость! А если тебѣ жалко было вторично сдѣлать мнѣ подаваніе, то я лучше возвращу тебѣ и первое твое подаваніе, а самъ отправлюсь къ доброй царевнѣ, которая, по своей добротѣ и красотѣ, превосходить всѣхъ людей».

Слова старика произвели глубокое впечатлѣніе на богатаго Атаметою: онъ подаль старику еще такой же поднось съ золотыми монетами, и старикъ ушелъ.

По уходѣ старика, богатый Атаметой впалъ въ такую задумчивость, что съ этого дня никто изъ просящихъ милостыни не видѣлъ его у двери дома раздающимъ милостыню, а раздавалась она уже слугою. Въ голову богача зашла мысль жениться на той царевнѣ, управлять ея царствомъ и распоряжаться богатствомъ ея. Мысль эта не давала покоя Атаметою, и потому онъ, одѣвшись нищимъ, пошелъ къ щедрой царевнѣ. Долго онъ шелъ и, наконецъ, пришелъ въ тотъ самый городъ и на другой же день стоялъ у главной двери дворца царевны. Выходить сама царевна и спрашиваетъ нищаго, кто онъ такой и какъ его имя. «Я богатый купецъ, отвѣчалъ онъ, а зовутъ меня Атаметой!»

— «Зачѣмъ же ты пришелъ сюда?» спрашиваетъ царевна.

— «Я хочу имѣть тебя, царевна, своюю женою».

— «Этого ты не достигнешь сразу», отвѣтила царевна и добавила: «я согласна быть твоею женою, если только ты сослужишь мнѣ одну службу, не очень трудную, именно вотъ какую. Есть одинъ городъ; чтобы дойти до него, потребуется не менѣе 40 дней. Въ этомъ городѣ весь народъ плачетъ, и мнѣ всегда бываетъ очень жаль жителей, когда я слышу ихъ плачь. Такъ бываетъ силенъ плачь ихъ, что даже доходитъ до моего слуха. Такъ вотъ голубчикъ, сходи ты въ этотъ городъ и узнай, о чемъ они плачутъ. Самъ видишь, что служба не трудная».

Царевна такъ понравилась Атаметою, что онъ не могъ отказаться отъ предложенія, лишь бы имѣть свою женою такую чудную красавицу. Въ образѣ нищаго онъ отправился въ путь и черезъ 40 дней, дѣйствительно, достигъ того города. Плачь людской въ городѣ былъ такъ силенъ, что спросить кого-либо о причинѣ плача въ это время не было возможности. Долго нищій бродилъ по городу, но не нашелъ человѣка, отъ котораго бы можно было узнать о причинѣ плача жителей. Наконецъ, уже на самомъ концѣ города увидѣлъ нищій одного молодого сарта, подошелъ къ нему и спросилъ: о чемъ

это всё жители такъ плачутъ? Молодой сартъ отвелъ Атаметоя въ сторону и показалъ ему, что хочетъ сказать ему отвѣтъ на ухо. Атаметой наклонился и подставилъ ему свое ухо, а сартъ схватилъ его за ухо и такъ натеребилъ, что Атаметой три дня не могъ прійти въ себя. Однако, оправившись отъ боли, Атаметой всетаки рѣшилъ, что, не узнавъ причины плача жителей этого города, ему не слѣдуетъ уходить оттуда. И, такимъ образомъ, онъ снова сталъ бродить по улицамъ города и бродилъ очень долго. Наконецъ, дней черезъ 9, увидѣлъ онъ въ сторонѣ отъ другихъ одного старика. Подходить Атаметой къ старику и спрашиваетъ: «Скажи пожалуйста, что за причина такого плача въ этомъ городѣ». — «Это, другъ мой, такая важная вещь, отвѣчалъ старикъ, что я даже вдали отъ другихъ не рѣшаюсь сказать тебѣ о томъ въ слухъ; подставь поближе твое ухо, и тогда только я могу потихоньку сказать тебѣ причину плача жителей этого города». Атаметой подставилъ свое ухо, но вмѣсто желанной тайны почувствовалъ сильную боль въ ухѣ: старикъ схватилъ Атаметоя за ухо, сильно потянулъ его къ землѣ и, сваливъ съ ногъ, до полусмерти избилъ его. Пришедши немного въ себя отъ такихъ жестокихъ побоевъ, Атаметой чуть добрался до перваго дерева и здѣсь, подъ тѣнью дерева, горячо и усердно помолился Аллаху за то, что еще остался живъ отъ такихъ сильныхъ побоевъ.

Но вотъ наступила пятница, и всё плачущіе горожане направились чрезъ городскія ворота въ горы. На одной изъ горъ былъ погребень ихъ царь. Согласно его предсмертной воли, тамъ была построена большая школа для дѣтей мусульманскихъ и большая мечеть. Царя народъ почиталъ за святаго человѣка и поэтому каждую пятницу уходилъ на гору молиться въ той мечети. И въ эту пятницу народъ направился на богомолье въ упомянутую мечеть. Одинъ, еще не особенно старый человѣкъ, ѣхалъ верхомъ на быкѣ. Атаметой былъ тутъ-же и пошелъ рядомъ со старикомъ. Всадникъ замѣтилъ Атаметоя и замахнулся на него шашкой, но Атаметой отскочилъ въ сторону. Всадникъ вторично замахнулся на него, но Атаметой опять ловко увернулся отъ удара. Тогда всадникъ, обратившись къ Атаметою, рѣзко сказалъ ему: «Отойдешь ли ты отъ меня? Что тебѣ нужно отъ меня? Ступай пожалуйста, дальше: дорога широка!»

— «Не сердись, господинъ! я имѣю до тебя большую просьбу», отвѣчалъ Атаметой. «Скажи, будь добръ, что это всё горожане плачутъ постоянно? Какая этому причина?»

— «Ужъ если хочешь ты знать причину нашего плача, такъ

пойдемъ сначала помолимся въ ханской мечети, а потомъ отправимся въ мой домъ. Тамъ я тебѣ кое-что и расскажу».

Атаметой съ радостью согласился на предложеніе старика. По окончаніи молитвы въ мечети, пошелъ Атаметой къ дому своего новаго знакома. Приблизившись къ дому, новый знакомый Атаметоя отдалъ своего быка слугѣ, провелъ гостя въ садъ, гдѣ на особомъ земляномъ возвышеніи (супа), подъ тѣнью деревъ, были постланы богатые ковры. Хозяинъ усадилъ Атаметоя возлѣ себя и долго съ нимъ разговаривалъ, угостилъ его палау и уже послѣ того освѣдомился, что ему было надо. Атаметой опять сказалъ, что онъ хочетъ знать причину такого ужаснаго плача жителей этого города.

— «Я знаю причину плача, сказалъ хозяинъ дома, но сообщить тебѣ ее не могу. Сослужи ты мнѣ небольшую службу: тогда и я въ свою очередь открою тебѣ эту важную тайну».

Атаметой согласился.

— «Вотъ въ чемъ заключается моя просьба, продолжалъ хозяинъ: прежде всего я скажу тебѣ, что ни отъ кого ты не узнаешь ничего; есть только одинъ старикъ, несчастный калѣка—безъ рукъ и безъ ногъ; онъ только и можетъ сказать тебѣ кое-что. Поэтому пойди ты къ нему и проси его, зачѣмъ воетъ онъ: ибо онъ-то и кричитъ больше всѣхъ».

Атаметой, не медля ни минуты, пошелъ отыскивать указаннаго старика-калѣку. Долго разыскивалъ онъ его и, наконецъ-то, нашелъ. Калѣка лежалъ на пескѣ подъ открытымъ небомъ и, сильно изнуренный палящими лучами солнца, громко стоналъ и плакалъ. Атаметой подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Почему ты такъ сильно плачешь».

— «Почему я плачу, отвѣчалъ калѣка, объ этомъ сказать тебѣ я могу лишь только тогда, когда ты для меня узнаешь одну вещь. А узнать это тебѣ не составитъ большого труда. Около ближайшей горы, продолжалъ калѣка, есть яма (зинданъ), а въ этой ямѣ сидитъ одинъ красивый молодой сартъ. Сидитъ онъ въ этой ямѣ уже нѣсколько лѣтъ и не можетъ изъ нея выйти. Такъ вотъ ты долженъ сходить къ нему и спросить у него, за что онъ посаженъ въ яму. Когда ты сообщишь мнѣ отвѣтъ этого красавца, то и я скажу тебѣ, почему я плачу больше всѣхъ».

Согласился Атаметой и побрелъ къ горахъ. Черезъ три дня пути, Атаметой достигъ первыхъ горъ, и у одной изъ нихъ дѣйствительно замѣтилъ яму и нашелъ въ ней красавца-сарта. На вопросъ Атаметоя: за что онъ посаженъ въ эту яму? молодой сартъ отвѣтилъ,

что сказать ему причину онъ можетъ лишь только въ томъ случаѣ, если Атаметой сходить въ сосѣднее царство и узнать, какія были отношенія у царя Санавара къ своей супругѣ, имя которой было Гуль.

Атаметой согласился и на это, но такъ какъ путь въ царство Санавара былъ длиненъ, то онъ прежде вернуясь въ сосѣдній городъ, купилъ себѣ на дорогу провизіи и тогда уже отправился въ далекій путь. Долго, долго шелъ онъ по пустынной дорогѣ, лежащей среди горъ. Наконецъ, увидѣлъ онъ большой столѣтній чинарь, росшій недалеко отъ дороги. Атаметой былъ сильно утомленъ дальнею дорогой и гористою мѣстностью и радъ былъ отдохнуть въ тѣни этого чинара и подкрѣпить свои силы ѣдой и сномъ въ прохладѣ. Закусивши, Атаметой легъ отдохнуть и заснулъ. Долго спалъ онъ, но, наконецъ, былъ разбуженъ крикомъ какихъ-то птенцовъ. Оказалось, что на вершинѣ этого дерева находилось гнѣздо птицы *Самракъ* ¹⁾, а въ гнѣздѣ было нѣсколько птенцовъ уже большихъ. Эти-то птенцы птицы Самракъ и поднимали крикъ на всю окрестность. Крикъ ихъ означалъ приближеніе опасности. Дѣйствительно, проснувшись отъ крика птенцовъ, Атаметой замѣтилъ приближающагося къ дереву волка. Атаметой быстро вооружился кривой шашкой, которую всегда имѣлъ при себѣ, и спрятался за чинарь ²⁾, въ ожиданіи волка. Лишь только волкъ поднялся на ноги, чтобы достать гнѣздо, Атаметой выскочилъ и однимъ ударомъ своей шашки, разрубилъ волка на двѣ части. Одну половину убитаго волка онъ отбросилъ въ сторону, а другую положилъ птенцамъ въ гнѣздо. Птенцы, видя, что они спасены отъ угрожавшей имъ смерти, сказали Атаметою: «Полѣзай къ намъ: мы тебя научимъ кое-чему». Атаметой влѣзъ на дерево и сѣлъ въ гнѣздѣ Самрака. — И вотъ онъ слышитъ такую рѣчь птенцовъ. «Ты знаешь, что мы—дѣти птицы *Самракъ*, которая очень кровожадна и никогда не пропуститъ случая полакомиться человѣкомъ. Такъ, она можетъ съѣсть и тебя. Но мы хотимъ защитить тебя за то, что ты самъ спасъ насъ отъ смерти. Каждый годъ этотъ волкъ приходилъ сюда и съѣдалъ птенцовъ Самрака; мы—первые, которые уцѣлѣли, потому что ты заступился за насъ. Сейчасъ прилетитъ съ горъ сама Самракъ; полѣзай ты къ кому-нибудь изъ насъ подъ крыло». Атаметой такъ и сдѣлалъ.

¹⁾ Птица „Самракъ“ (книж. Симургъ)— баснословная птица, въ родѣ древняго феникса, живетъ на Кафъ-горѣ, т. е. на Кавказѣ, имѣетъ большое тѣло съ челов. головою и обладаетъ разумомъ и даромъ слова. Н. О.

²⁾ Чинары достигаютъ иногда огромныхъ размѣровъ: въ ихъ дуплахъ могутъ помѣщаться нѣсколько человѣкъ. Н. О.

Вскорѣ прилетѣла птица Самракъ, но не прямо спустилась въ свое гнѣздо, какъ дѣлала это прежде, а стала описывать большіе круги надъ гнѣздомъ. Долго она еще парила въ воздухѣ; наконецъ, птенцы спрашиваютъ ее, почему она не спускается въ гнѣздо.

— «Я слышу, отвѣчала Самракъ, запахъ свѣжаго человѣка и высматриваю его».

— «Не найдешь его; спускайся, и мы покажемъ тебѣ его сами».

Самракъ спустилась, и птенцы завели съ ней такую рѣчь. «До сихъ поръ ты еще не вскормила ни одного птенца своего, потому что ихъ съѣдалъ волкъ во время твоего отсутствія; въ этомъ же году тебѣ суждено выкормить всѣхъ насъ, такъ какъ волка, пожиравшаго дѣтей твоихъ, больше не существуетъ: его убилъ одинъ человѣкъ, котораго мы спрятали. Онъ разрубилъ волка на двѣ части, изъ коихъ одна лежитъ возлѣ тебя».

Птица Самракъ, выслушавъ это, обрадовалась. Тогда птенецъ, прикрывшій своего спасителя крыломъ, поднялъ крыло и предъ глазами грозной птицы явился Атаметой.

— «За услугу, оказанную тобою моимъ дѣтямъ, я согласна сама оказать тебѣ услугу. Проси у меня, чего тебѣ надо», сказала Самракъ Атаметою.

— «Ты знаешь царя Санавара»? спрашиваетъ Атаметой.

— «Знаю!» говоритъ Самракъ.

— «Отведи меня въ его царство».

— «Ты оттуда не возвратишься живымъ»!

— «Все равно: я имѣю большое дѣло до него».

— «Въ такомъ случаѣ ты поступи вотъ такъ», сказала Атаметою Самракъ: царь этотъ всѣхъ казнить, а ты, когда стража его придетъ за тобой, попросись у царя умыться и помолиться Богу предъ казнью. Въ это самое время прилечу я за тобой.—А теперь садись на мою спину»!

Атаметой усьлся на спину Самрака. Долго они летѣли и, наконецъ, прибыли въ столичный городъ царя Санавара. Здѣсь Атаметой слѣзъ съ Самрака и пошелъ къ царю. Вошелъ онъ въ главную дверь дворца царя Санавара и увидѣлъ, что царь Санаваръ сидитъ на золоченой койкѣ и моетъ руки въ водѣ изъ золоченаго кувшина. Только вытеръ царь руки, ему принесли палау на золотой тарелкѣ. Царь покушалъ немного, а остатки приказалъ отдать собакѣ. Собака не могла съѣсть всего, и оставшееся отъ собаки палау отдали курамъ. Атаметой замѣтилъ это, подошелъ къ царю и говоритъ ему: «Царь! зачѣмъ ты даешь палау—самое хорошее кушанье—собакѣ и курамъ?

Вѣдь, собака можетъ опоганить твою золотую тарелку. Затѣмъ я замѣтилъ, что уже послѣ собаки дали ѣсть палау курамъ. Неужели куры хуже собаки?»

— «Не твое дѣло знать это!» отвѣчаетъ царь. «Я пожалуй, расскажу тебѣ, но только съ условіемъ, что послѣ рассказа своего я прикажу повѣсить тебя».

— «Я на все согласенъ,» отвѣчалъ Атаметой и просилъ царя рассказать ему. — Царь началъ: «Прежде я имѣлъ жену. Звали ее Гуль (роза). И дѣйствительно, если бы положить на одну чашку вѣсовъ невинность моей супруги, а на другую бѣлую розу (гуль), то ни та, ни другая чашка не перевѣсила бы. Но вотъ я однажды замѣтилъ, что чашка съ невинностью моей супруги, не перетянула; я подумалъ, что невинность ея пострадала отъ какихъ-либо дурныхъ ея поступковъ и потому я счелъ за необходимое слѣдить за женой. Надо тебѣ также сказать, что я очень люблю лошадей. У меня было два любимыхъ коня, которыхъ я отдалъ конюхамъ на 40 дней и рѣшилъ не ѣздить на этихъ коняхъ, чтобы они хорошенько откормились. Но вотъ проходитъ недѣля, другая, третья, наконецъ, — а кони нисколько не поправляются. Тогда я призываю конюха и спрашиваю, что за причина тому, что кони плохо поправляются. Конюхъ долгое время мялся, не желая объяснить мнѣ причину, но, наконецъ, во всемъ сознался. Оказалось, что моя жена каждую ночь приходитъ въ конюшню, приказываетъ осѣдлатъ ту или другую лошадь и куда-то выѣзжаетъ со двора на всю ночь, тогда какъ я въ это время спокойно сплю въ своемъ дворцѣ. У меня явилось желаніе прослѣдить, куда ѣздитъ моя жена. Съ этою цѣлью, я на другой же день, подъ вечеръ, приказалъ осѣдлатъ двухъ самыхъ быстрыхъ коней и оставить ихъ въ конюшнѣ, а самъ легъ недалеко отъ входа въ конюшню на простой койкѣ и притворился спящимъ. Вдругъ приѣжала кошка, посмотрѣла кругомъ, заглянула въ конюшню и скоро уѣжала. Чрезъ полчаса явилась туда жена моя, въ сопровожденіи той-же кошки, отвязала одну лошадь, сѣла на нее и уѣхала, а впереди лошади побѣжала кошка, указывая путь моей женѣ. Лошадь, на которой ѣхала моя жена, бѣжала очень быстро — въ часъ верстъ по 500. Только что выѣхала жена за ворота, я прицѣпилъ къ боку острую-преострую шашку, сѣлъ на другого коня и погнался за женою. Лошадь моя была не хуже женينوи лошади; однако я догнать жену не успѣлъ. — Послѣ двухчасовой ѣзды жена остановила лошадь у небольшой калитки, а сама вошла во внутрь. Я также слѣзъ съ лошади и пошелъ за женой. Я увидѣлъ тогда, какъ жену мою встрѣтилъ дивъ (духъ),

повелъ ее черезъ 39 комнату въ 40-ю комнату. Тамъ сидѣли 40 дивовъ и одинъ изъ нихъ, который почитался за начальника, былъ семиглавый. Я тоже пошелъ внутрь дома и остановился въ 39-й комнатѣ. Отсюда я слышалъ ясно, съ какими ласковыми словами обращался семиглавый дивъ къ моей женѣ. Долго они любезничали; наконецъ, дивъ предлагаетъ ей что-нибудь покушать и посылаетъ одного дива за хорошей дыней и хорошимъ арбузомъ. Дивъ поднялся съ мѣста, а я сейчасъ же выбѣжалъ черезъ 39 комнату на дворъ, притаился за входною дверью и держу шашку свою наготовѣ. Только показался изъ двери дивъ и я убилъ его шашкой. Семиглавый дивъ долго дождался посланнаго, разсердился и послалъ другаго дива, но и съ этимъ дивомъ я покочилъ мигомъ, какъ и съ первымъ. Такимъ образомъ я перебилъ всѣхъ 40 дивовъ. Остался въ 40-й комнатѣ одинъ только семиглавый дивъ съ моей женой. Я рѣшился тогда идти къ нему открыто. Вотъ я вхожу въ комнату. Дивъ тотчасъ поднялся съ мѣста и со страшной силой бросился на меня. Завязалась у насъ борьба не на животъ, а на смерть. Долго мы отчаянно боролись. Наконецъ, я первый почувствовалъ слабость, потому что дивъ былъ сильный, а я еще до борьбы съ нимъ утомился отъ продолжительной и быстрой ѣзды и отъ волненія, когда убивалъ 40 дивовъ. Я и говорю своей женѣ: «Помогай мнѣ, Гуль!» Но та сидитъ на своемъ мѣстѣ и какъ бы не слышитъ моихъ словъ. Я повторилъ свою просьбу еще два раза, но жена не обращала никакого вниманія на мои слова, какъ будто бы ее просилъ чужой ей чело-вѣкъ. — Долго мы еще продолжали бороться съ дивомъ. Въ тотъ самый моментъ, когда я почувствовалъ, что силы мои совсѣмъ оставляютъ меня, и я готовъ былъ уже упасть, въ комнату, гдѣ происходила наша борьба, воѣжала моя собака, схватила дива за ногу и прокусила икру у ноги моего противника до самой кости. Въ борьбѣ со мною дивъ тоже усталъ, а боль въ икрѣ еще болѣе ослабила моего врага. Я собралъ тогда послѣднія свои силы, повалилъ дива, отрубилъ ему своей шашкой всѣ семь головъ и выбросилъ ихъ изъ дома чрезъ окно. Послѣ того я посадилъ на лошадь свою жену, сѣлъ на другую самъ, и поѣхали мы домой. Я рѣшилъ наказать жену за ея дерзкіе поступки: ѣхали мы рядомъ; въ дорогъ я вынулъ изъ куржума (перемет. сума) чародѣйственную книгу, прочелъ три мѣста изъ этой книги, и жена обратилась въ курицу. Вотъ почему, прибавилъ царь Санаваръ, я даю собакамъ ѣсть изъ золоченной посуды и почему обѣдки послѣ собаки даются уже курамъ: въ моей семейной судьбѣ куры оказались хуже собаки. — Теперь ты знаешь все, закончилъ царь Санаваръ, что хотѣлъ

знать... Но чтобы ты не рассказалъ въ народѣ объ оскорбленіи, нанесенномъ мнѣ моею женою и о моемъ съ нею поступкѣ, я прикажу казнить тебя. Пока иди спать, а на утро приготовься къ смерти».

Атаметой выслушалъ приговоръ спокойно и согласился. Онъ очень спокойно проспалъ всю ночь. На утро явилась къ нему стража и отвели его къ царю Санавару, который и приказалъ казнить Атаметоя въ своемъ присутствіи. Но Атаметой хорошо помнилъ совѣтъ, данный ему птицей Самракъ, и попросилъ у царя разрѣшеніе сходить умыться и помолиться Богу. Царь позволилъ.—Атаметой, получивъ царское разрѣшеніе, направился къ источнику и только что началъ умываться, какъ вдругъ прилетѣла птица Самракъ и велѣла ему скорѣе садиться на ея спину. Атаметой не заставилъ себя долго ждать. Но только что Самракъ поднялась, какъ увидѣлъ ее царь Санаваръ. Онъ схватилъ свой лукъ и пущенной стрѣлой ранилъ Самрака въ лѣвое крыло. Но птица была на-столько сильна, что не смотря на свою рану, все-таки доставила Атаметоя къ своему дереву довольно скоро.

Поблагодаривъ птицу Самрака за такую важную услугу, Атаметой пошелъ къ красивому молодому сарту, сидѣвшему въ ямѣ, и рассказалъ ему объ отношеніяхъ царя Санавара къ своей женѣ—Гуль.

Затѣмъ Атаметой спросилъ сарта: «Кто же и за что посадилъ тебя въ эту яму?»

Тотъ отвѣчалъ: «Меня посадила въ яму моя жена, которая сама живетъ еще ниже, подъ землей. Тамъ у нея есть хорошій домъ, куда она пускаетъ меня лишь разъ въ недѣлю. Въ яму эту посадила она меня за то, что я красивъ».

Простившись съ этимъ красавцемъ, Атаметой пошелъ къ калѣкѣ и рассказалъ ему, за что посаженъ въ яму красивый молодой сартъ, а затѣмъ спросилъ калѣку, почему онъ плачетъ и стонетъ больше всѣхъ.

Калѣка отвѣчалъ: «Я также наказанъ своею женою за одинъ очень *нехорошій* поступокъ. Во 1-хъ я долженъ плакать такъ же, какъ плачутъ и остальные жители города; но мученія мои превышаютъ мое терпѣніе и мои силы и заставляютъ меня плакать и кричать болѣе другихъ. Ты видишь: я—безъ рукъ и безъ ногъ и лежу на самомъ жаркомъ мѣстѣ».

Атаметой, выслушавъ старика, отправился къ тому человѣку, который ѣздилъ на быкѣ верхомъ. Встрѣтивъ Атаметоя, старикъ спросилъ его: узналъ ли онъ о причинѣ плача калѣки?... Когда старикъ выслушалъ со вниманіемъ рассказъ Атаметоя, то въ свою оче-

редь разсказаль Атаметою слѣдующее: «Я—царскій сынъ. Отецъ мой, умершій 20 лѣтъ тому назадъ, былъ царемъ въ этомъ городѣ. Онъ имѣлъ у себя 40 женъ; но, къ несчастію, ни отъ одной изъ нихъ царь не имѣлъ дѣтей, а ему страшно хотѣлось имѣть хоть одного сына. Поэтому царь взялъ себѣ еще жену; отъ нея-то я и родился. Отецъ былъ радъ и до семилѣтняго возраста держалъ меня при себѣ и ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ. Когда же мнѣ исполнилось 7 лѣтъ, онъ вознамѣрился нанять для меня учителя. Но передъ этимъ царь приказалъ сдѣлать въ землѣ двѣ большихъ комнаты, въ которыхъ бы могъ помѣститься я со своимъ будущимъ учителемъ. Комнаты скоро были готовы и туда помѣстили меня и учителя моего, чтобы мы не имѣли сношеній съ внѣшнимъ міромъ и могли поэтому, какъ думалъ отецъ, успѣшнѣе заниматься. Къ намъ имѣли доступъ только моя мать, да одинъ вѣрный слуга.—Въ этомъ подземномъ жилищѣ пробылъ я нѣсколько лѣтъ. Когда окончилось ученіе, я отворилъ дверь и вышелъ наружу, то очутился въ прекрасномъ, хорошо разсаженномъ саду. Тутъ я увидѣлъ много прелестныхъ цвѣтовъ, которые своею красотою прельщали меня. Одинъ цвѣтокъ былъ красивѣе всѣхъ остальныхъ, и я сорвалъ его. Посмотрѣвъ затѣмъ направо, я замѣтилъ цвѣтокъ еще лучше того. Я сорвалъ его, но смотрю—недалеко отъ меня растетъ цвѣтокъ еще лучше, чѣмъ прежніе два. Я сорвалъ и этотъ, но оглянулся влѣво и увидѣлъ множество такихъ чудныхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ, о какихъ я еще не имѣлъ и понятія. Я направился было туда, чтобы нарвать этихъ цвѣтовъ, но вдругъ услышалъ надъ собою звонкій женскій смѣхъ. Я поднялъ голову и увидѣлъ прекрасную пярю¹⁾... Пярю была такъ хороша собою и такъ сильно понравилась мнѣ, что я совершенно потерялъ сознаніе и упалъ, какъ подкошенный колосъ, среди цвѣтовъ.

Долго искалъ меня учитель; наконецъ, нашелъ, но не могъ привести меня въ чувство. Тогда онъ сказалъ моему отцу, что нашелъ меня среди цвѣтовъ, но не могъ привести меня въ чувство. Царь созвалъ лучшихъ врачей, но и тѣ ничего не могли сдѣлать со мною. Пришелъ сюда-же въ садъ одинъ старикъ и сказалъ моему отцу, что далеко, на югъ есть одинъ индіецъ, который можетъ вылечить царевича, такъ какъ не было до сихъ поръ случая, чтобы онъ не вылечилъ больного, какою бы болѣзнію тотъ ни былъ боленъ. Царь согласился отправить меня къ этому индійцу.

¹⁾ Пярю—мифологическое существо женскаго пола, отличающееся необыкновенною нѣжностію сложенія и красотою лица. Н. О.

«Прибывъ къ индійцу, мои провожатые увидѣли у него массу больныхъ. Всѣхъ ихъ тутъ же индѣецъ и вылечилъ. Но меня онъ не могъ вылечить, потому что не было такихъ лекарствъ наготовѣ. Поэтому онъ просилъ моихъ провожатыхъ оставить меня у него, а самимъ не ждать и ѣхать домой. Только что уѣхали сопровождавшіе меня люди, какъ докторъ взялъ небольшую стеклянку съ какою-то сильно пахучею жидкостью, поднесъ ее къ моему носу, и я сразу проснулся. Первыми моими словами было: «Гдѣ я?» Докторъ отвѣтилъ, что я—далеко отъ родины, у индійца. Потомъ онъ взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ въ комнату. На всѣхъ стѣнахъ комнаты, сверху до низу, были вѣдѣланы полки, на которыхъ лежали книги. Докторъ спросилъ меня, не хочу ли я научиться медицинской мудрости. Я согласился. И мы стали вмѣстѣ читать книги, а въ промежутки между чтеніемъ лечили больныхъ, при чемъ я, какъ ученикъ, только наблюдалъ за дѣйствіями моего учителя-доктора.

Въ такихъ занятіяхъ проходилъ уже срокъ, назначенный моимъ отцомъ на мое леченіе, и проходилъ незамѣтно для меня. За это время я успѣлъ прочесть всѣ книги своего учителя, за исключеніемъ только двухъ, которыя были прикрѣплены цѣпями къ двумъ желѣзнымъ столбамъ, врытымъ подъ полость въ землю. Книги эти имѣли очень большой форматъ, были обдѣланы въ хорошій переплетъ, и на крышкѣ одной изъ нихъ большими буквами было написано: «*Дивъ*», а на другой такими-же буквами было написано: «*Пари*».— Хотя у меня было еще свободное время, такъ какъ послы отъ отца не прѣзжали за мной, однако докторъ почему-то не позволилъ мнѣ читать эти двѣ книги. Какъ разъ въ это время привезли къ индійцу сына одного очень богатаго купца. Это былъ юноша лѣтъ 18-ти. Болѣзнь его заключалась въ томъ, что черви разѣли ему ухо, постепенно подвигались внутрь ушной раковины и добирались уже до головного мозга. Несчастный юноша страдалъ ужасно. Индѣецъ осмотрѣлъ вмѣстѣ со мною больного и пошелъ въ свою комнату готовить лекарство, а я не сталъ ждать доктора и задумалъ самъ излечить больного. Для этого я взялъ съ дерева сырую вѣтку, распарилъ ее на огнѣ и посредствомъ ея моментально уничтожилъ червей, а потомъ однимъ очень простымъ составомъ, который всегда былъ наготовѣ, смазалъ больному ухо, и больной сталъ здоровъ. Черезъ полчаса вышелъ индѣецъ съ лекарствами, но увидѣвъ, что болѣзнь уже излечена. Докторъ злобно посмотрѣлъ на меня, бросилъ на землю только что приготовленные имъ лекарства. и съ досады подошелъ

къ большому дереву и повѣсился. (Ему стало очень стыдно, что ученикъ его догадался употребить болѣе простое лекарство).

«Послѣ того я остался одинъ, но не надолго. На другой день рано утромъ пріѣхали сто человекъ, посланные моимъ отцомъ. Они привели для меня прекрасную лошадь. Я задумалъ взять съ собою тѣ двѣ книги: «Дивъ» и «Пяри», которыя не успѣлъ прочесть. Оказалось, что книги были очень тяжелы для того, чтобы ихъ можно было везти, сидя верхомъ на лошади. Пришлось купить арбу. Мои слуги живо приготовили арбу, положили на нее книги и уѣхали. На прекрасныхъ лошадяхъ мы скоро добрались до своего города. По пріѣздѣ домой, первымъ моимъ дѣломъ было чтеніе привезенныхъ книгъ. Прочитавъ сначала книгу «Дивъ», я ничего въ ней не нашелъ добраго и, только дочитавъ до конца книгу «Пяри», я догадался, что тамъ поставлено имя той пярри, отъ которой я лишился сознанія. — Я узналъ ее по точному описанію, сдѣланному въ книгѣ. Она была дочь Персидскаго государя и красотой своей блистала на весь міръ; красота ея настолько была лучезарна, что во тьмѣ отъ ея образа дѣлалось свѣтло. Теперь я зналъ, что, имѣя въ рукахъ своихъ такія двѣ книги, я могу распоряжаться всѣми злыми и добрыми духами. Поэтому я вызвалъ эту прекрасную пярри, и насъ на слѣдующій же день повѣнчали. Жена моя велѣла мнѣ спрятать книги подъ подушку: «иначе, сказала она, прилетитъ дивъ и утащить ихъ, и я поневолѣ должна буду слѣдовать за дивомъ».

«Недолго я наслаждался счастіемъ брачной жизни. Однажды ночью увидѣлъ я во снѣ свою жену, будто она просила меня дать ей книги почитать. Я далъ ей книги, но въ этотъ самый моментъ мнимая жена моя превратилась въ ужаснаго дива, который надсмѣхаясь надо мною, сталъ исчезать изъ вида. Ужасъ подобнаго похищенія заставилъ меня проснуться... Каковы же были мои ужасъ и злость, когда я замѣтилъ, что книги дѣйствительно были у меня похищены!... Я разбудилъ свою жену, и та сразу поняла, въ чемъ опасность: она взяла въ руку земли изъ горшка, въ которомъ ростъ цвѣтокъ, и бросила въ дива, но не могла ему повредить, потому что онъ уже былъ далеко. Видя, что пярри заступається за меня, дивъ издали пригрозилъ ей страшнымъ наказаніемъ. И наказаніе послѣдовало въ скоромъ времени. Жена моя заболѣла ужасною болѣзнію — проказою (махау). Она стала гнить и издавала такое зловоніе, что близко къ ней положительно нельзя было подойти. Какъ только узналъ мой народъ о болѣзни пярри, то началъ горько плакать, желая этимъ помочь дѣлу, но помочь мнѣ не могъ. На глазахъ моихъ

и народа, жена моя разлагалась постепенно по частямъ и, наконецъ, умерла, оплакиваемая всѣмъ народомъ. И до сихъ поръ плачетъ народъ о томъ, что такая прекрасная пари могла погибнуть такою ужасною смертью».

-- «Я кончилъ свой рассказъ!»! сказалъ царскій сынъ. «Доволенъ ли ты тѣмъ, что слышалъ отъ меня?»

— «Спасибо тебѣ!»! отвѣтилъ Атаметой, простился съ царскимъ сыномъ и вышелъ изъ города.

Пришелъ Атаметой, наконецъ, къ молодой красавицѣ-царевнѣ и рассказалъ ей причину плача горожанъ и вообще о всѣхъ своихъ странствованіяхъ. Выслушавъ его, царевна сказала: «Послушай, Атаметой! ты видишь, что вездѣ, гдѣ ты ни былъ и кого ты ни видѣлъ, вездѣ причиною несчастія служить жена. Неужели и послѣ этого ты хочешь жениться на мнѣ?! Отъ жены ты можешь ожидать несчастія въ жизни, подобно тому, какъ и тѣ мужья, которыхъ тебѣ пришлось видѣть. Подумай хорошенько и лучше не женись, если ты цѣнишь свою жизнь!»!

Но Атаметой не внялъ увѣщаніямъ царевны. Онъ такъ сильно полюбилъ ее, что не думалъ ни о какихъ опасностяхъ и несчастіяхъ, если будетъ обладать ею. Поэтому Атаметой снова сталъ убѣдительно просить царевну выйти за него замужъ. Царевна подумала-подумала и послѣ такой убѣдительной просьбы согласилась выйти за Атаметоя замужъ.

Черезъ три дня былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія, и Атаметой счастливо женился съ своею красавицей женой.— Но о дальнѣйшей судьбѣ жизни Атаметоя ничего пока неизвѣстно.

(Эта сказка записана тѣмъ-же ученикомъ гимназіи Н. Романовымъ, со словъ того-же сарта Тамиръ-ходжинова).

Примѣчаніе. Легенда о щедрости Атаметоя широко распространилась изъ Аравіи по Средней Азіи и въ разныхъ мѣстахъ получила свою окраску. Киргизъ Нурджанъ (Джумайской волостиуѣзда) рассказывалъ, что въ царствованіе царя Ямаша жилъ одинъ щедрый человѣкъ, по имени Атымтай-Джомартъ (щедрый). Когда пріѣзжали къ нему гости, то всегда встрѣчали у него широкое гостепріимство, а если кто обращался къ нему съ просьбой, то онъ отдавалъ послѣднее, лишь бы помочь просителю. () такой щедрости и благотворительности Атымтая дошли слухи до царя Ямаша, и царь съ завистью сказалъ: „хотя я царь и тоже щедръ, но о моей щедрости никто ничего не говорить“... Послѣ того царь послалъ къ Атымтаю особыхъ пословъ просить у него для царя лучшаго иноходца, быстрого, какъ вѣтеръ. Послы пріѣхали къ Атымтаю зимой въ сильный бурянь, и Атымтай ничего не могъ достать для угощенія царскихъ пословъ. Тогда онъ вышелъ во дворъ и зарѣзалъ для нихъ угощенія лучшаго своего иноходца, накормилъ пословъ, а на утро, когда послы отдох-

нули, Атымтай спросилъ, зачѣмъ они прѣхали. Послы отвѣтили, что они прѣхали отъ царя Ямаша съ просьбой уступить царю вноходца. Тутъ Атымтай опечалился и опустилъ глаза въ землю. Послы сказали: зачѣмъ печалишься? Атымтай отвѣтилъ: — „миѣ не жалѣ отдать царю вноходца; но я не зналъ вчера просьбы царя и, не находя другого мяса, зарѣзалъ вноходца вечеромъ, чтобы угостить васъ“. — Послы возвратились домой и рассказали царю о случившемся. Царь еще больше огорчился, убѣдившись въ щедрости Атымтая. Зависть царя усиливалась и, наконецъ, онъ приказалъ найти такого человѣка, который могъ бы убить Атымтая и принести его голову царю.

Въ царствѣ Ямашевомъ нашлся одинъ человѣкъ, который, получивъ хорошее вознагражденіе отъ царя, поѣхалъ разыскивать Атымтая съ тѣмъ, чтобы убить его. Посланный долго искалъ мѣстожительство Атымтая и не могъ его найти. Однажды посланный сильно усталъ и зашелъ къ одному кыргызу отдохнуть. Хозяинъ-кыргызъ принялъ путешественника очень радушно, напоилъ и накормилъ его и уложилъ спать. На утро путешественникъ рассказалъ хозяину, что царь Ямашъ послалъ его убить Атымтая и принести его голову и потому просилъ хозяина научить его, какъ убить Атымтая. Тогда хозяинъ вышелъ, принесъ свою острую саблю и, передавая ее гостю, сказалъ, что онъ самъ — Атымтай и если гость хочетъ получить его голову, то можетъ это сдѣлать. Сказавъ это, Атымтай наклонилъ голову и ждалъ своей смерти. Гость былъ изумленъ и отказался убить своего хозяина, убѣдившись въ его щедрости, не имѣющей границъ. Затѣмъ посланный вернулся къ царю и рассказалъ ему о случившемся. Услыхавъ этотъ рассказъ, царь Ямашъ раскаялся въ своей зависти и сказалъ: „Я — царь и тѣмъ же щедръ: но свою голову я никогда бы не отдалъ другому. Потому признаю, что Атымтай щедрѣе всѣхъ въ мірѣ.“

(Сообщено кыргызомъ Джумайской волости Нурджаномъ 1-го марта 1905 года).

ХІІІ.

Слѣпой царь и цѣлебная земля.

Въ одномъ большомъ царствѣ жилъ-былъ царь-слѣпецъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей. Какъ-то разъ онъ узналъ, что гдѣ-то есть такая земля, которую если приложить къ глазамъ слѣпотаго человѣка, то зрѣніе возвратится. Узнавъ объ этомъ, царь призываетъ своихъ сыновей и говоритъ имъ: «Милыя дѣти мои! у меня много денегъ, много земли, и есть одна прекрасная лошадь. Выбирайте себѣ каждый, кому что понравится, и поѣзжайте отыскивать землю, которая могла бы возвратитъ мнѣ зрѣніе.» Старшій сынъ взялъ денегъ, средній

пашни, но оба отказались ѣхать за цѣлебной землей. А младшій сынъ сказалъ отцу: «Дай мнѣ, батюшка, твою лошадь, я достану тебѣ земли, которая возвращаетъ зрѣніе». Отецъ обнялъ сына, подарилъ ему свою лошадь, далъ денегъ на дорогу и отпустилъ сына. Царевичъ простился съ отцемъ и съ братьями и уѣхалъ.

Ѣздилъ онъ, Ѣздилъ, но никакъ не могъ найти цѣлебной земли. Наконецъ, черезъ два года послѣ отъѣзда изъ отцовскаго дома, онъ подъѣхалъ къ одной курганчѣ (хуторъ), гдѣ его встрѣтили старикъ и старуха. Царевичъ остановился у нихъ, поужиналъ и легъ спать. На другой день старуха спрашиваетъ царевича, кто онъ, куда и зачѣмъ ѣздилъ. Царевичъ разсказалъ ей про свое горе. «Я, говорить, сынъ одного царя. Мой отецъ ослѣпъ и послалъ меня искать такой земли, которая можетъ возвратитъ ему зрѣніе». — Царевичъ просилъ старуху научить его, какъ достать такой земли. Старуха отвѣтила ему, что нужной ему земли достать можно, но только это сдѣлать не легко. «Купи, говорить она, другую лошадь, зарѣжь ее, мясо разбросай по полю, а въ шкуру лошади залѣзь самъ и сиди смирно въ ея шкурѣ. Слетятся птицы на падаля, прилетитъ и орелъ. Орелъ будетъ теребить шкуру и, наконецъ, утащить ее вмѣстѣ съ тобой на одну высокую гору. Тамъ ты проживешь два года. Затѣмъ орелъ снесетъ тебя съ горы и положитъ на берегу широкой и глубокой рѣки. Здѣсь ты дождись, пока не прибѣгутъ красивыя длиннохвостыя лошади. Тогда ты схвати одну изъ нихъ за хвостъ, и она примчитъ тебя туда, гдѣ ты найдешь нужной тебѣ земли.

Царевичъ купилъ лошадь, зарѣзалъ ее и выпотрошилъ, потомъ залѣзь въ лошадиную шкуру и оставался въ полѣ. Все случилось, какъ сказала старуха. Скоро на падаля слетѣлись птицы и между ними орелъ. Онъ потерялъ шкуру, а потомъ отнесъ ее на высокую гору, въ свое гнѣздо вмѣстѣ съ царевичемъ. Царевичъ прожилъ два года у орла, кормилъ маленькихъ птенцовъ его и ухаживалъ за ними. Черезъ два года орелъ перенесъ царевича на берегъ большой рѣки и оставилъ тамъ. Вскорѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ царевичъ, примчались красивыя бѣлыя лошади. Царевичъ схватилъ одну изъ нихъ за хвостъ, и та быстро поплыла черезъ рѣку. На срединѣ рѣки проглотила царевича огромная рыба. Въ животѣ этой рыбы царевичъ нашелъ прекрасную дѣвицу и спросилъ, какъ она попала въ животъ рыбы. Дѣвица разсказала ему свою исторію. Она была дочь одного царя. Ее похитилъ страшный великанъ (дивъ) и бросилъ въ эту рѣку, гдѣ ее проглотила рыба. Въ отвѣтъ на это царевичъ повѣдалъ дѣвицѣ свое горе и просилъ ее

посовѣтовать, какъ ему достать цѣлебной земли. Царевна отвѣтила ему, что если онъ полюбитъ ее, то она дастъ ему нужной земли. Царевичу понравилась дѣвица, и онъ полюбилъ ее. У царевны была припрятана въ карманѣ цѣлебная земля, которую она тайно взяла въ жилище дива. Теперь она передала землю царевичу и вмѣстѣ съ царевичемъ освободилась изъ живота проглотившей ихъ рыбы.

Все это происходило быстро. Лошадь ихъ дожидалась. Царевичъ бережно держалъ одной рукой царевну, а другой ухватился за хвостъ лошади и вышелъ такъ на берегъ. Отправившись далѣе, царевичъ по дорогѣ зашелъ опять къ знакомой старухѣ, поблагодарилъ ее за совѣтъ и подарилъ ей 500 тиллей (2000 рублей). Потомъ онъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ красавицей-царевной благополучно достигъ своего дома.

Приѣхавъ домой, царевичъ подаль отцу цѣлебную землю. Отецъ взялъ землю въ поду халата, потеръ ею глаза и прозрѣлъ. Тогда онъ обнялъ своего сына, поцѣловалъ его и сказалъ, что у него есть одинъ только сынъ, а отъ остальныхъ двухъ онъ отказывается, такъ какъ они не захотѣли достать ему нужной земли. Царевичъ рассказалъ своему отцу все происшедшее съ нимъ и то, какъ выручила его красавица-дѣвица, и просилъ разрѣшенія жениться на ней. Отецъ согласился и сталъ приготовляться къ свадебному пиру. Къ свадебному пиру царь приказалъ зарѣзать барановъ, заготовить кумысу, сварить палау, шурпы, купить винограда, яблокъ, дынь, арбузовъ, урюку, персиковъ, орѣховъ; накупилъ царь также халатовъ, рубашекъ и платковъ для подарковъ гостямъ.

Послѣ свадьбы царевичъ началъ царствовать, а отецъ его удалился на покой. Молодой царь сталъ разыскивать старшихъ своихъ братьевъ и узналъ, что они живутъ въ страшной бѣдности, такъ какъ всѣ деньги и пашни, данныя имъ отцемъ, они прожили въ два года. Когда нашли братьевъ царя, царь велѣлъ слугамъ вымыть братьевъ въ банѣ, одѣть ихъ въ лучшіе халаты и поселить во дворцѣ.

Но братья смотрѣли съ завистью на высокое положеніе младшаго брата и рѣшились погубить его. Они подговорили его сдѣлать пиръ и затѣмъ, во время пира, позвали его купаться. На берегу рѣки они убили его, бросили трупъ его въ воду и возвратились къ отцу своему. Отецъ спросилъ ихъ, гдѣ молодой царь. Тѣ отвѣчали, что не знаютъ, но отецъ догадался о злодѣйствѣ и приказалъ отрубить имъ головы.

Вотъ идетъ старый царь къ женѣ младшаго своего сына и рассказываетъ ей, какъ злые братья убили ея мужа. Царица горько

заплакала, такъ что слезы ручьями потекли во всѣ стороны по землѣ. Потомъ она ударила въ обѣ-земь, обратилась въ голубя и полетѣла искать трупъ своего милаго мужа. Пролетая надъ рѣкой, она увидѣла, что трупъ ея мужа несется по волнамъ. Царица опускается на трупъ, обращается опять въ женщину и выноситъ трупъ на берегъ. Затѣмъ она обратилась къ Богу съ горячей молитвой и молилась такъ три дня. На четвертый день она спрыснула трупъ живой водой, дунула на него, и передъ нею всталъ ея мужъ живымъ и невредимымъ. Потомъ царица оживила и братьевъ мужа. Молодой царь простилъ ихъ, выпросилъ для нихъ прощеніе и у отца, и всѣ они зажили счастливо и мирно въ одномъ дворцѣ.

(Сказка записана въ Ташкентѣ, со словъ сарта-мастера Махмуда-ходжи Насыръ-ходжина, ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи А. Воробьевымъ).

XVI.

Царевичъ Шаадотъ.

Въ старину жилъ царь Санаваръ, управлявшій многочисленнымъ и богатымъ народомъ. Царь Санаваръ былъ человекъ добродѣтельный и мудро управлялъ своимъ царствомъ, за что пользовался уваженіемъ народа. Но у него было свое большое горе: онъ не имѣлъ сына и наследника. Это его сильно огорчало, и онъ постоянно молился Богу, прося Его даровать ему сына. Аллахъ услышалъ, наконецъ, молитвы благочестиваго царя, и у него, уже на старости, родился сынъ. Назвали его Шаадотомъ. По обычаю того времени, царь въ день обрѣзанія сына созвалъ астрологовъ (мунаджимъ), чтобы узнать судьбу своего маленькаго сына, и всѣ они единодушно заявили, что новорожденный будетъ счастливѣйшимъ изъ людей.

Мальчикъ подросъ, занимался усердно въ школѣ и былъ единственнымъ утѣшеніемъ своего отца-старика. Когда царевичу исполнилось 20 лѣтъ, онъ выбралъ удобное время и обратился къ отцу съ слѣдующей просьбой: «Батюшка! теперь я уже достаточно имѣю силы

и опытности, чтобы быть самостоятельнымъ человѣкомъ и достать себѣ царство. Дайте мнѣ войско и отпустите меня».

Не по-сердцу была такая рѣчь старику-отцу, и онъ отвѣтилъ сыну: «Не хотѣлось бы мнѣ разставаться съ тобой, сынъ; но я не желаю насильно удерживать тебя. Я полагаюсь на тебя; только помни одно завѣщаніе: во всякомъ дѣлѣ обращай къ Богу прежде всего. Не забудешь это,—будешь счастливъ». — Глубоко запали въ душу царевича слова отца-старика. Санаваръ далъ сыну въ распоряженіе нѣсколько тысячъ солдатъ, далъ много денегъ и отпустилъ его.

Царевичъ отправился въ путь. На дорогѣ имъ встрѣтился левъ. Царевичъ приказалъ поймать его живымъ. Но сколько солдаты ни старались, не могли исполнить приказаніе царевича. Тогда царевичъ приказалъ всѣмъ возвратиться на свои мѣста, а самъ одинъ погнался за львомъ и одной рукой схватилъ его за спину и остановилъ.—Поймавъ льва, царевичъ приказалъ отправить его къ отцу. Царь, увидѣвъ живого льва, пойманнаго сыномъ, подумалъ, что сынъ помнитъ его заповѣдь и что онъ будетъ счастливымъ человѣкомъ. И народъ также съ интересомъ ожидалъ, что выйдетъ изъ царевича.

Въ другой разъ, проходя по долинѣ, царевичъ съ войскомъ увидѣлъ оленя. И на этотъ разъ войско не могло изловить оленя: олень, когда его окружали, перепрыгивалъ черезъ людей и убѣгалъ. Опять царевичъ погнался самъ за оленемъ, а войску приказалъ дожидаться его возвращенія на мѣстѣ. Много долинь, горъ и рѣкъ пробѣжалъ царевичъ въ погонѣ за оленемъ и достигъ наконецъ до дремучаго лѣса. Въ лѣсу былъ огороженный садъ. Олень вбѣжалъ въ ворота сада и скрылся за воротами, а ворота тотчасъ затворились. Царевичъ началъ стучать въ ворота. Выходитъ старикъ, хозяинъ сада, и спрашиваетъ: «Кто ты и зачѣмъ такъ сильно бѣжалъ, что не можешь отдышаться?»

— «Я царевичъ Шаадотъ, сынъ царя Санавара. Я гнался за оленемъ, который вбѣжалъ сюда. Если онъ вашъ, то извините меня: я этого не зналъ».

Было уже поздно, и старикъ пригласилъ царевича отдохнуть и переночевать. Царевичъ согласился. Послѣ ужина старикъ оставилъ его ночевать въ одной изъ своихъ комнатъ. На утро, едва только солнце освѣтило комнату, царевичъ проснулся и началъ вставать; но, осмотрѣвши комнату, онъ отъ изумленія остоленѣлъ: предъ его глазами была картина, изображавшая такую красавицу, о какой царевичъ никогда не могъ даже и мечтать. Въ это время входитъ въ комнату

старикъ-хозяинъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и просилъ царевича не спрашивать его о красавицѣ, портретъ которой онъ видитъ, говоря: «Много лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первый разъ увидалъ эту красавицу. Съ тѣхъ поръ я почти не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, но думалъ только о ней. Дорогие подарки я ей дѣлалъ. И за все это я получилъ отъ нея только ея портретъ. Тогда я въ мученіи поселился здѣсь, отдѣльно отъ людей, и теперь мучаюсь и вѣроятно буду мучиться до самой смерти. Не спрашивай меня о ней. Не желаю я тебѣ зла».—Такъ сказалъ старикъ. Но царевичъ упалъ на колѣни и со слезами просилъ сказать имя красавицы и мѣсто жительства. Старикъ, наконецъ, рѣшился исполнить желаніе царевича и говоритъ: «Имя этой красавицы—Гуляндомъ. Она дочь царя Нахпуры-Чина. Это не человѣкъ, а ангелъ». Царевичъ выпросилъ у старика лошадь и сейчасъ же отправился въ путь, къ городу Чины-Мачину, столицѣ царя Нахпуры-Чина и его дочери, красавицы Гуляндомъ.

Долго ли ѣхалъ царевичъ—неизвѣстно, но добѣжалъ онъ до одного сада и рѣшился въѣхать въ него. Весь этотъ садъ былъ правильно разбитъ на клумбы и засаженъ деревьями и цвѣтами. Посреди сада была купальня съ чистой и свѣжей водой. Возлѣ купальни стояли серебряныя скамейки. Въ сорока шагахъ отъ купальни видѣлся огромный домъ чудной постройки. Сначала вся эта необыкновенная обстановка смутила царевича, но потомъ онъ оправился и сталъ ожидать, что будетъ дальше. Онъ улегся на траву и лошадь пустилъ къ корму. Вдругъ двери дома растворяются, и выходятъ нѣсколько пярй, въ видѣ красивѣйшихъ женщинъ, и каждая изъ нихъ выноситъ подносъ съ яствами. Не дошедши шаговъ двадцати до царевича, онѣ поставили подносы на скамейки, а сами тотчасъ же скрылись. Царевичъ былъ голоденъ и сталъ съ большимъ аппетитомъ ѣсть принесенныя кушанья. Когда онъ кончилъ ѣсть, то вышли опять тѣ же пярй, взяли подносы и при этомъ сказали царевичу: «Вотъ вы сюда пришли; мы васъ накормили; а теперь вамъ пора уходить отсюда: здѣсь живутъ три брата-дивы, у которыхъ теперь сильное несчастье и потому они сердиты. Они скоро пріѣдутъ домой и, какъ увидятъ васъ, пожалуй, убьютъ васъ, а намъ жаль васъ. Послушайте же нашего совѣта—уѣзжайте отсюда!»—Царевичъ отвѣчалъ имъ: «Благодарю васъ за обѣдъ и за совѣтъ. Но я никого не боюсь, кромѣ Бога: съ Его помощью я не буду бояться и вашихъ хозяевъ. А когда лошадь моя отдохнетъ и наѣстся, такъ я и самъ уѣду». Получивши такой отвѣтъ, пярй удалились.

Дубъ,

Захваченный въ пленъ Александромъ.

Изъ перс. сор. «Маджмау-ль-ушакъ»

Немного еще спустя, всѣ яри выбѣжали изъ дома встрѣчать своихъ хозяевъ. И дѣйствительно, царевичъ увидѣлъ трехъ духовъ, въ видѣ великановъ. Одинъ изъ нихъ на видъ былъ старше и больше другихъ. Звали его Хоср'омъ. Всѣ они пріѣхали съ понуренными, печальными лицами. Но, осмотрѣвшись кругомъ, старшій великанъ замѣтилъ лежавшаго на травѣ царевича и приказалъ своему младшему брату Сайпуру узнать, что царевичу здѣсь нужно, и прогнать его. Младшій братъ повиновался. Онъ подошелъ къ царевичу и просилъ удалиться изъ ихъ жилища. Царевичъ же не только не хотѣлъ повиноваться диву, но даже и не всталъ. Тогда Сайпуръ приготовился силой согнать его. Но царевичъ произнесъ имя Бога и, надѣясь на Его помощь, схватилъ великана одной рукой за ногу, стащилъ его съ лошади, связалъ и положилъ около себя. Увидя это, Хосръ послалъ средняго брата, Камоса. Царевичъ и его связалъ и положилъ около себя. Тогда вышелъ самъ Хосръ и спрашиваетъ: «Какъ будемъ мы драться—верхомъ или на ногахъ? Если верхомъ, то—со стременами, или безъ нихъ?» Царевичъ отвѣчалъ: «Мнѣ все равно: я надѣюсь на Бога».

Послѣ того начали они драться на лошадяхъ. Великанъ пустилъ въ царевича гирей въ сорокъ пудовъ, но царевичъ избѣгъ удара и схватилъ Хосра. Потомъ они начали бороться и боролись три дня и три ночи. Наконецъ Хосръ говорить: «Да, я вижу, что тебѣ помогаетъ Богъ. Въ борьбу со мной никто не осмѣливался вступать и никто изъ людей не входилъ къ намъ; поэтому лучше бросимъ бороться и будемъ друзьями и, какъ друзья, будемъ помогать другъ другу въ нашихъ нуждахъ». Царевичъ принялъ предложеніе великана и отпустилъ связанныхъ великановъ, а потомъ вмѣстѣ съ великанами пошелъ къ нимъ во дворецъ.

Во дворцѣ братья-великаны угощали царевича семь дней и за это время сдѣлались лучшими друзьями царевича. На седьмой день великанъ Хосръ, обращаясь къ царевичу, говорить ему: «У насъ есть подъ начальствомъ нѣсколько тысячъ духовъ, которые, по нашему приказанію, все могутъ сдѣлать; и такъ, въ память нашей дружбы, прими отъ насъ вотъ это снадобье. Когда ты захочешь, чтобы мы съ нашими помощниками явились къ тебѣ на помощь, то сожги часть этого снадобья и, какъ только появится дымъ, мы сейчасъ же услышимъ запахъ и явимся къ тебѣ на помощь». Царевичъ съ радостью принялъ дорогое для него снадобье и поблагодарилъ своихъ друзей. Послѣ этого они пировали еще 7 дней. Подъ конецъ 7-го дня Хосръ опять говорить царевичу: «Ты можешь помочь намъ въ одномъ дѣлѣ.

Въ этомъ дѣлѣ наше могущество безсильно; но человѣку, котораго любить Богъ, можно это сдѣлать». Царевичъ отвѣчалъ: «Я очень радъ, друзья, что могу услужить вамъ, какое бы то дѣло ни было; если мнѣ не придется поступать противъ совѣсти и Бога, то я помогу вамъ съ радостью. Говорите, въ чемъ дѣло».

— «Была у насъ сестра.—разсказывалъ царевичу старшій великанъ. Она была красавица и, кромѣ того, обладала прекраснѣйшимъ голосомъ. Голосъ ея былъ таковъ, что еслибы даже мертвый соловей услышалъ ее, то и онъ ожилъ бы. Она всегда насъ забавляла своимъ пѣніемъ и разгоняла нашу тоску. Но у насъ укралъ ее ночью одинъ сильный дивъ. Долго мы старались отбить ее у него, но ничего не могли сдѣлать».—Царевичъ обѣщалъ еще помочь великанамъ, и они дали клятву помогать ему всѣми силами.

Вскорѣ послѣ этого царевичъ сказалъ: «Прежде я вамъ долженъ помочь, и потому мы должны отправиться къ жилищу того дива». Братья-великаны согласились и всѣ вмѣстѣ отправились. Ыхали они три дня и, наконецъ, прѣхали. Дивъ жилъ подъ землей. Входъ въ его жилище сверху былъ всегда заваленъ огромными камнями и засыпанъ землей. Царевичъ, призвавъ Бога на помощь, принялся за дѣло. Онъ съ помощью своихъ друзей скоро разрылъ землю и отвалилъ камень, а затѣмъ одинъ спустился внизъ. Долго онъ шелъ по подземнымъ ходамъ и не зналъ, куда итти. Наконецъ сталъ доноситься до него сначала неясный и тихій, а потомъ все слышнѣе и слышнѣе какой-то шумъ. Царевичъ пошелъ на этотъ шумъ и такимъ образомъ дошелъ до помѣщенія дива. Это былъ огромнѣйшій великанъ. Онъ только что наѣлся человѣчьяго мяса, легъ спать и храпѣлъ. Отъ его хлана и разносился по подземелью шумъ, въ родѣ сильной бури. Возлѣ великана сидѣла красивая женщина и плакала. Когда она увидала царевича, то сказала ему: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Дивъ сейчасъ можетъ проснуться и тогда съѣстъ васъ». Царевичъ догадался, что эта красавица и есть сестра его друзей, трехъ братьевъ. Царевичъ объяснилъ красавицѣ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и сказалъ: «Я его сейчасъ убью. Только вы скажите мнѣ, гдѣ находится его сердце.»—Красавица испугалась, но всетаки указала мѣсто, гдѣ находилось сердце дива: оно было зарыто въ углу той же комнаты, въ 9-ти ящикахъ. Въ самомъ послѣднемъ, 9-мъ ящикѣ находилась голубка, а въ голубкѣ было сердце дива. Царевичъ перебралъ ящики и вынулъ изъ 9-го ящика голубку, а затѣмъ ударомъ шапки разрубилъ дива. Когда дивъ проснулся и хотѣлъ схватить царевича, царевичъ разрубилъ голубку и сердце дива, и дивъ съ страшнымъ крикомъ грохнулся

замертво на землю. Царевичъ взялъ тогда красавицу и привелъ ее къ ея братьямъ. Послѣ этого братья-великаны еще разъ поклялись помочь царевичу въ его дѣлѣ и разстались съ нимъ.

Царевичъ поѣхалъ къ городу Чинемочину, въ которомъ жила его возлюбленная красавица. Чинемочинъ въ это время былъ уже двѣ недѣли осажденъ Язидами (?). Война вышла изъ-за того, что Гуляндомъ не хотѣла выйти замужъ за предводителя Язидовъ. Царевичъ захотѣлъ чѣмъ-нибудь отличиться, прежде чѣмъ увидѣться съ Гуляндомъ. Съ этою цѣлью онъ зажегъ пучекъ снадобья, даннаго ему братьями-дивами и, какъ только появился дымъ, дивы явились со своими подданными и, оставаясь сами невидимыми, начали вмѣстѣ съ царевичемъ избивать враговъ-Язидовъ. Въ одинъ день были истреблены всѣ эти непріятели. Между тѣмъ жители Чинемочина видѣли одного только красиваго молодого человѣка, который саблей рубилъ враговъ. Ему одному они и приписали всю побѣду. Но царевичъ не пошелъ въ городъ днемъ, а надѣлъ изорванное платье и вошелъ туда ночью, подъ видомъ нищаго. Передъ тѣмъ, какъ войти въ городъ, царевичъ просилъ Хосра написать на черепѣ одного изъ убитыхъ Язидовъ его имя и происхожденіе и выставить этотъ черепъ на городскихъ воротахъ. Хосръ исполнилъ желаніе своего друга. Утромъ жители прочитали имя своего избавителя, но не видѣли его. Это ихъ сильно печалило. Царевичъ же тѣмъ временемъ пробрался во дворецъ царевны Гуляндомъ и искалъ случая увидать ее, прежде чѣмъ открыться ей. Но случай не представлялся, и царевичъ все жилъ съ прислугой царевны, подъ видомъ простаго нищаго.

Во все это время войско царевича продолжало дожидаться его на томъ мѣстѣ, откуда онъ погнался за оленемъ, и наконецъ рѣшило, что начальникъ ихъ погибъ, и возвратилось въ столицу. Отецъ царевича, узнавъ обо всемъ отъ войска, сильно запечалился о сынѣ и обѣщалъ большую награду тому, кто его отыщетъ. Онъ разослалъ по всѣмъ городамъ развѣдчиковъ, которые спрашивали о царевичѣ. Въ числѣ этихъ развѣдчиковъ отправился и Шабранъ, человѣкъ хитрый и дѣльный, на котораго больше всего надѣялся царь Сававаръ. Послѣ долгихъ поисковъ, Шабранъ попалъ наконецъ въ домъ старика, хозяина оленя, за которымъ гнался царевичъ. Вошедши къ старику, Шабранъ спросилъ его: «Не былъ ли у васъ когда-нибудь красивый молодой человѣкъ»? Старикъ разсказалъ Шабрану, что былъ у него молодой человѣкъ, который гнался за его оленемъ, и припомнилъ его примѣты. Шабранъ призналъ въ немъ царевича и спросилъ: «Куда и зачѣмъ онъ отправился отсюда»? Старикъ раз-

сказалъ, что зналъ. Тогда Шабранъ отправился за царевичемъ къ великанамъ, а отъ нихъ узналъ, что царевичъ ушелъ въ городъ Чинемочинъ. Когда Шабранъ пришелъ въ Чинемочинъ, то явился къ царю Пахпуры-чину и рассказалъ ему о цѣли своего прѣзда, а когда вышелъ изъ дворца, то увидѣлъ нишаго, въ которомъ замѣтилъ сходство съ царевичемъ. Приглядѣвшись къ нищему, Шабранъ окончательно призналъ въ немъ царевича. Поэтому онъ сейчасъ-же вернулся къ царю Пахпуры-чину, рассказалъ ему о своемъ подозрѣніи и взялъ царскія одежды. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и царь со своими придворными. Шабранъ объявилъ публично, что этотъ нищій и есть царевичъ Шаадотъ, спасшій городъ отъ гибели. Въ это время Язиды снова подступили къ городу и еще въ большемъ числѣ. Царевичъ обѣщалъ царю и народу, что онъ одинъ прогонитъ непріятелей, и открыто выѣхалъ на поле сраженія. Выѣхавъ за городскія ворота, онъ сжегъ кусочекъ даннаго ему великанами снадобы, и опять явились къ нему дивы и стали вмѣстѣ съ нимъ побивать непріятелей, а жители опять видѣли только одного царевича и прославляли его. Цѣлые сутки дрался царевичъ, и къ утру всѣ враги были избиты, или прогнаны. Между тѣмъ Шабранъ, по желанію царя и царицы, рассказалъ имъ исторію царевича. «Однажды, говорилъ онъ, царевичъ погнался за оленемъ, принадлежащимъ старику Шамосу, и вслѣдъ за оленемъ прискакалъ въ домъ этого старика. У старика въ домѣ былъ вашъ, царица, портретъ. Когда Шаадотъ увидалъ этотъ портретъ, то былъ пораженъ вашей красотой и сталъ просить старика сказать, кто изображенъ на этомъ портретѣ. Старикъ сказалъ, чей былъ портретъ, и вотъ царевичъ прибылъ сюда. Въ это время городъ вашъ былъ въ осадѣ: начальникъ Язидовъ былъ соперникомъ царевича. Царевичъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, а далѣе вамъ все извѣстно. Согласны ли вы выйти замужъ за царевича Шаадота, сына царя Санавара?»—Царица Гуляндомъ отвѣтила: «Я очень рада имѣть такого мужа».

Когда царевичъ возвращался въ городъ съ поля битвы, его встрѣчали весь народъ и царь съ дочерью. Скоро потомъ у царевича была свадьба съ Гуляндомъ. Свадьбу пировали нѣсколько недѣль.

Послѣ свадьбы царевичъ съ молодою женой возвратился къ своимъ родителямъ.

(Эта сказка записана ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи Н. Осиповымъ, со словъ Ташкентскаго сарта).

XV.

Три царевича. Волшебныя дѣйствія младшаго царевича.

Въ одномъ большомъ городѣ жилъ-былъ царь. У царя было три взрослыхъ сына.—Однажды отправились они на охоту и, выѣхавъ изъ города, добрались до мѣста, отъ котораго дорога расходилась на три разныя стороны. Здѣсь братья порѣшили не возвращаться къ отцу, а идти дальше и погулять по свѣту. Старшій братъ пошелъ по правой дорогѣ, средній братъ—по средней, а младшій братъ—по лѣвой.

Долго шелъ старшій братъ, много видѣлъ разныхъ городовъ, но ни одна изъ видѣнныхъ имъ странъ не понравилась ему: въ нѣкоторыхъ странахъ былъ царь жестокий, въ другихъ—подданные дурные. Наконецъ пришелъ онъ въ одинъ городъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и увидѣлъ, что городъ этотъ не похожъ на видѣнные имъ прежде города. Царь здѣсь былъ добрый, справедливый, и подданные были люди работающіе, а потому и жили всѣ богато и счастливо. Путешественникъ отправился къ царю и заявилъ ему, что желаетъ служить у такого справедливаго царя. При этомъ онъ сказалъ царю, кто онъ самъ и откуда пришелъ. Царь города былъ бездѣтный, взялъ къ себѣ на службу молодого пришельца и полюбилъ его. Черезъ годъ царь назначилъ иностранца-пришельца своимъ наслѣдникомъ, а еще черезъ годъ царь умеръ, и молодой царевичъ, пришедшій изъ другой страны, сдѣлался царемъ въ этомъ городѣ. Подданные его полюбили.

Средній братъ, отправившійся по средней дорогѣ, былъ также во многихъ царствахъ и городахъ, но ни одно изъ видѣнныхъ имъ мѣстъ не понравилось ему. Наконецъ онъ пришелъ въ тотъ городъ, гдѣ царствовалъ его старшій братъ и, узнавъ въ царѣ брата, попросился къ нему на службу. Царь-братъ назначилъ его своимъ главнымъ визиремъ. Вспомнили они о младшемъ братѣ и порѣшили найти его. Однако, не смотря на всѣ старанія, царь и визирь никакихъ извѣстій получить не могли о младшемъ своемъ братѣ.

Долго шелъ младшій братъ по лѣвой дорогѣ и наконецъ увидѣлъ впереди себя трехъ ссорившихся между собой чертей. «О чемъ вы ссоритесь?» спросилъ онъ ихъ. Черти отвѣчали: «Вотъ отъ пророка Судеймана (Соломонъ) остались намъ четыре

вещи: коверъ, палка, чашка и скатерть; теперь мы и не знаемъ, какъ намъ раздѣлить ихъ поровну: одинъ желаетъ взять коверъ, и другіе два тоже коверъ просятъ. Будь добръ—научи, какъ всѣ вещи подѣлить намъ поровну».—Что же въ этихъ вещахъ удивительнаго, что вы такъ ссоритесь изъ-за нихъ? опять спросилъ царевичъ. Черти отвѣчали: «Если взять эту палку, толкнуть ею человѣка, животное или какую-либо вещь и сказать: «По могуществу Божію, по велѣнію пророка Сулеймана¹⁾, превратись въ то-то!» тогда этотъ человѣкъ, животное или вещь тотчасъ превратятся въ желаемый образъ; если вылить на превращенный предметъ воды изъ чашки и повторить тѣ-же слова, то превращенный предметъ снова приметъ свой прежній видъ. Если взять коверъ, разстелить его по землѣ, сѣсть на него и сказать: «По могуществу Божію, по велѣнію пророка Сулеймана, неси насъ туда-то!», то коверъ тотчасъ поднимется и полетитъ, куда ему приказано. Если сказать скатерти: «По могуществу Божію и по велѣнію пророка Сулеймана, раскройся!» то скатерть развернется, и на ней найдешь различныя кушанья».

Выслушавъ объясненіе чертей, младшій царевичъ сказалъ: «Не ссорьтесь: я научу васъ, какъ подѣлить ваши вещи. Принесите мнѣ лукъ со стрѣлою. Вотъ, у меня кольцо: я привяжу его къ стрѣлѣ и пушу стрѣлу изъ лука, а вы побѣжите и найдите мнѣ кольцо. Кто первый найдетъ кольцо, тотъ возьметъ себѣ коверъ; кто добѣжитъ до стрѣлы вторымъ, тотъ возьметъ палку и чашку, а послѣдній возьметъ себѣ скатерть».—Черти согласились и принесли лукъ. Царевичъ привязалъ къ стрѣлѣ свое кольцо, пустилъ стрѣлу изъ всей силы, и черти бросились за стрѣлою. Отъ чертей остались три лошади. Царевичъ подрѣзалъ у ногъ лошадей жилы выше копыта, чтобы лошади не могли бѣжать, взялъ всѣ упомянутыя вещи, разостлалъ на землѣ коверъ, сѣлъ и сказалъ: «По могуществу Божію, по велѣнію пророка Сулеймана, лети отсюда быстрѣе». Коверъ тотчасъ поднялся и полетѣлъ, куда указалъ царевичъ. Скоро возвратились черти и, не видя ни человѣка, ни вещей, догадались, что они обмануты и бросились было къ своимъ лошадямъ, чтобы ѣхать въ догонку, но тутъ они увидѣли, что лошади ихъ не могутъ двигаться: у лошадей были подрѣзаны жилы.

¹⁾ Такъ называется въ Коранѣ сынъ царя Давида, премудрый Соломонъ, котораго основатель ислама признавалъ пророкомъ. Пророку Соломону, по ученію Корана, были подчинены всѣ духи: они строили и работали для Соломона все, что онъ приказывалъ имъ, доставали для него жемчугъ со дна морслага. Такимъ образомъ, призываніе имени Соломона могло оказывать вліяніе и на волшебство. Н. О.

Долго летѣлъ коверъ съ царевичемъ и остановился. по приказанію своего новаго хозяина, въ одномъ большомъ городѣ. на берегу рѣки. Царевичъ остался здѣсь и вскорѣ увидѣлъ сѣдую старуху, которая съ большимъ кувшиномъ шла за водой. Старуха опустила кувшинъ въ рѣку, зачерпнула воды, но не могла поднять кувшинъ и сказала: «Боже мой! Боже мой! Нѣтъ у меня ни мужа, ни дѣтей, ни родственниковъ и никого, кто бы помогъ мнѣ поситъ домой воду» — «Что ты говоришь, бабушка?» спросилъ ее царевичъ. «Вотъ, добрый человѣкъ: зачерпнула я въ кувшинъ воды, а поднять-то кувшинъ силы у меня не хватаетъ. И нѣтъ у меня никого, кто бы помогъ мнѣ!» — «Дай, я донесу кувшинъ до твоего дома», сказалъ царевичъ, поднявъ кувшинъ, донесъ его до дома старухи и поставилъ у дверей. Тогда старушка спросила его: «Скажи, добрый человѣкъ: откуда ты пріѣхалъ? Я вижу, что ты иностранецъ». — «Сынъ царя разсказалъ старухѣ о себѣ и добавилъ: «Теперь я буду жить съ тобой и буду помогать тебѣ, какъ сынъ твой». — И сталъ сынъ царя жить со старухой.

Однажды, выйдя на улицу изъ дома старухи, царевичъ увидѣлъ, что съ востока взошло солнце, а въ то же время на западѣ появилось другое солнце. Царевичъ удивился и спросилъ у своей названной матери: «Много я путешествовалъ, но нигдѣ не видѣлъ, чтобы солнце свѣтило съ двухъ сторонъ, а тутъ вижу. Что это значитъ?» — Старуха отвѣчала: «У насъ живетъ одна пярй, самая красивая изъ всѣхъ пярй міра. Съ восходомъ солнца она начинаетъ летать на западѣ и кажется намъ вторымъ солнцемъ. — «Можно ли ее видѣть?» спросилъ царевичъ. — «Можно, отвѣчала старуха; но за это нужно заплатить 1000 тьянга». ¹⁾ У царевича были деньги, и онъ порѣшилъ заплатить 200 р., чтобы увидѣть пярй. Старуха указала ему дворецъ пярй, и молодой человѣкъ отправился туда съ деньгами. На дорогѣ ко дворцу царевичъ спряталъ чашку и скатерть, доставшіеся ему отъ чертей, а палку и коверъ взялъ съ собою.

При входѣ во дворецъ пярй, царевичъ заплатилъ 1000 монетъ и вошелъ во внутреннія комнаты. Здѣсь онъ увидѣлъ красавицу-пярй и въ пѣсняхъ, пляскахъ и играхъ провелъ съ нею цѣлую ночь. Когда настало утро, царевичъ взялъ вещи свои и вернулся къ своей названной матери-старухѣ.

Такъ царевичъ еще нѣсколько ночей веселился съ пярй и платилъ ей каждый разъ по 1000 тьянга. Наконецъ, онъ сосчиталъ

¹⁾ Тьянга—серебряная монета въ 20 л. 1000 тьянга=200 р.

свои деньги и увидѣлъ, что у него осталось всего только 1000 тьянга, т. е. столько, сколько нужно заплатить за одну веселую ночь съ пяри. Не смотря на это, царевичъ рѣшилъ истратить послѣднія деньги и, придя на слѣдующій день во дворецъ пяри, отдалъ ей послѣднія деньги, а палку и коверъ поручилъ одной изъ ея прислужницъ. Провеселившись цѣлую ночь, царевичъ на утро потребовалъ отъ прислужницы свои вещи, но та отказалась, говоря, что никакихъ вещей онъ ей не давалъ. Царевичъ не сталъ съ нею ссориться и отправился къ своей названной матери и провелъ у нея день. Когда настала вечеръ, царевичъ опять пошелъ во дворецъ пяри, но здѣсь безъ денегъ его не пустили въ комнаты. Тогда онъ попросилъ вызвать къ нему пяри, и когда она вышла изъ дворца, царевичъ началъ просить ее, чтобы она приказала пустить его во дворецъ. «А деньги принесъ?» спросила его пяри. Царевичъ сконфузился и сказалъ, что денегъ у него больше нѣтъ. Тогда пяри толкнула его въ грудь и грубо сказала: «Безъ денегъ здѣсь нѣтъ тебѣ мѣста»!

Опечалился царевичъ и вышелъ изъ дворца. Позади дворца онъ увидѣлъ густую аллею изъ тополей и остался переночевать тамъ. Переночевалъ онъ и подумалъ: «Мѣсто тутъ хорошее и отъ красавицы-пяри недалеко», подумалъ такъ и рѣшилъ навсегда здѣсь поселиться. Тосковалъ царевичъ по красавицѣ-пяри и плакалъ и, наконецъ, лишившись разсудка, сдѣлался юродивымъ (дивана). началъ курить анашу¹⁾, жилъ грязно, ходилъ по улицѣ въ изорваномъ платьѣ, обросъ волосами и отпустилъ длинные ногти.

Такъ жилъ царевичъ цѣлыхъ 9 лѣтъ, потомъ сталъ понемногу приходить въ сознаніе.

Долго ждалъ старикъ-царь возвращенія своихъ сыновей. Наконецъ, онъ призвалъ своихъ визирей и сказалъ имъ: «Разыщите мнѣ трехъ моихъ сыновей. Уже 10 лѣтъ прошло, какъ они отправились на охоту и не возвратились».

Два визиря съ войскомъ въ 30 тысячъ отправились. Долго ѣхали визиря, много видѣли они разныхъ городовъ, но нигдѣ не встрѣтили сыновей царя своего. Наконецъ, пріѣхали они въ большой красивый городъ и на окраинѣ его увидѣли прекрасный дворецъ, окруженный высокими тополями. Здѣсь они остановились отдохнуть. Обходя и осматривая дворецъ снаружи, визиря встрѣтили тамъ молодого человѣка съ длинными волосами на головѣ, съ

¹⁾ Анаша или гашишъ—наркотическое вещество, приготовляемое изъ индійской конопли; прибавляется въ табакъ для одурѣнія куражикъ. Н. О.

большими ногтями на рукахъ, босаго, грязнаго, одѣтаго въ изорванное платье,—юродиваго. Юродивый подошелъ къ нимъ и спросилъ, кто они, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Узнавъ причину ихъ пріѣзда, юродивый рассказалъ имъ и свою жизнь за всѣ прошедшія 10 лѣтъ. Визири узнали въ этомъ юродивомъ сына своего царя, обрили ему голову, умыли, одѣли въ хорошее платье и хотѣли везти его къ отцу-царю; но молодой человекъ не забылъ обиды отъ пяри, не забылъ и свою палку и коверъ, присвоенные прислужницей пяри. «Дайте мнѣ 1000 тянга, а сами поѣзжайте къ моему отцу. У меня здѣсь есть еще одно дѣло. Покончивъ его, я возвращусь домой», сказалъ царевичъ.

Визири дали царевичу 200 р. и уѣхали съ войскомъ къ царю своему. А царевичъ досталъ свою чашку и скатерть, которыя онъ спряталъ, когда въ первый разъ шелъ къ пяри, вошелъ съ этими двумя волшебными вещами во дворецъ пяри и потребовалъ, чтобы его пустили къ ней. Отдавъ деньги, полученные отъ визирей, онъ вошелъ въ комнату и здѣсь по старому въ пѣсняхъ и пляскахъ провелъ съ красавицею-пяри всю ночь. На зарѣ царевичъ сообщилъ ей, что онъ выѣзжаетъ изъ этого города и хотѣлъ бы эту последнюю ночь сдѣлать памятною для себя. Пяри согласилась. Тогда царевичъ предложилъ ей выпить чашку вина и остатокъ вылить ему на голову. Пяри исполнила, какъ сказалъ царевичъ. Затѣмъ онъ налилъ вина въ свою волшебную чашку, отпилъ вина, а остатокъ вылилъ на голову пяри и проговорилъ: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Сулеймана, сдѣлайся обезьяною!» Тотчасъ красавица-пяри превратилась въ маленькую обезьяну, а царевичъ укоризненно сказалъ: «Сколько я потратилъ денегъ, проводя съ тобою вечера въ пляскахъ и пѣсняхъ, а какъ только деньги всѣ вышли у меня, ты не согласишься пустить меня къ себѣ даже и на одинъ часъ и еще грубо толкнула меня въ грудь! Вотъ тебѣ за все это наказаніе: будь обезьяною и всюду слѣдуй теперь за мною!»—Съ этими словами царевичъ вышелъ изъ комнаты пяри. Въ передней онъ увидѣлъ прислужницу, присвоившую себѣ волшебную палку и волшебную скатерть. Царевичъ зачерпнулъ изъ арыка въ свою чашку воды, вылилъ изъ чашки воду на голову прислужницы и сказалъ: «По могуществу Божию, по велѣнію пророка Сулеймана, будь ты, какъ и хозяйка твоя, обезьяною!» Прислужница обратившись въ обезьяну, бросилась царевичу въ ноги и съ горькимъ воплемъ стала просить его: «Пожалѣй меня, добрый человекъ! Сдѣлай меня опять человекомъ,—я тотчасъ возвращу тебѣ твои вещи»,—«Неси

ихъ сюда», сказалъ царевичъ. Прислужница-обезьяна принесла царевичу палку и скатерть. Царевичъ взялъ палку и, толкнувъ ею обезьяну, сказалъ: «По могуществу Божію, по велѣнію пророка Сулеймана, будь человѣкомъ!»! Послѣ этихъ словъ, обезьяна снова превратилась въ женщину. Царевичъ оставилъ ее во дворцѣ, а самъ вышелъ на дворъ, и пяр-обезьяна вышла съ нимъ.

Выйдя изъ дворца, царевичъ разстелилъ по землѣ волшебный коверъ, положилъ на него волшебныя палку, чашку и скатерть, посадилъ на коверъ пяр-обезьяну, сѣлъ самъ и сказалъ коври: «По могуществу Божію, по велѣнію пророка Сулеймана, неси меня въ тотъ городъ, гдѣ живетъ мой старшій братъ!»!—Коверъ тотчасъ поднялся и полетѣлъ.

Долго летѣлъ коверъ и наконецъ опустился у воротъ одного большого города. Царевичъ сошелъ съ ковра, завернулъ въ него свои вещи и вмѣстѣ съ обезьяной-пяр вошелъ въ городъ.

На каждой улицѣ этого города были поставлены столбы, а отъ нихъ шли проволоки во дворецъ царя. Удивленный этимъ путешественникъ спросилъ у горожанъ, куда ведутъ всѣ эти проволоки. Ему отвѣчали: «Ты, должно быть, иностранецъ, если не знаешь, зачѣмъ протянуты эти проволоки. Царь нашъ такъ справедливъ, что принимаетъ жалобы не только отъ людей, но и отъ животныхъ, если ихъ обидитъ человѣкъ: кто изъ животныхъ пожелаетъ жаловаться царю, то спиною своею толкаетъ проволоку, и тотчасъ во дворцѣ звонитъ колокольчикъ, привязанный къ концу каждой изъ проволокъ».

Услышавъ это, пяр-обезьяна подбѣжала къ проволокѣ и толкнула ее своей спиною. Тотчасъ появились воины, взяли царевича съ его вещами и обезьяной, привели ихъ во дворецъ и представили царю.

— «Зачѣмъ ты звонила»? спросилъ царь обезьяну.

-- «Была я красавица-пяр и жила въ такомъ-то городѣ, но вотъ этотъ жестокій человѣкъ превратилъ меня въ обезьяну и велѣлъ мнѣ вездѣ слѣдовать за собою».

Тогда царь сказалъ царевичу: «Покажи мнѣ, какъ ты превратилъ пяр въ обезьяну и потомъ расскажи, зачѣмъ ты это сдѣлалъ»? Царевичъ взялъ свою волшебную палку, толкнулъ ею обезьяну и прошепталъ извѣстное заклинаніе,—и обезьяна превратилась въ красавицу-пяр. Тотчасъ во дворцѣ, въ городѣ и въ окрестности сдѣлалось такъ свѣтло, какъ будто бы свѣтили два солнца.

Но царевичъ взялъ свою чашку, велѣлъ принести себѣ воды и вылилъ воду на голову пярѣ съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ,—и красавица снова превратилась въ обезьяну.

Послѣ того царевичъ разсказалъ царю всю свою жизнь, начиная съ того, какъ онъ съ братьями отправился на охоту, какъ встрѣтилъ на дорогѣ чертей и завладѣлъ ихъ волшебными вещами, какъ встрѣтился потомъ съ пярѣ, сколько потратилъ на нее денегъ и какъ она выгнала его и толкнула, когда онъ пришелъ къ ней безъ денегъ... Далѣе царевичъ разсказалъ, какъ онъ сдѣлался юродивымъ (диваной) и жилъ около дворца пярѣ, какъ нашли его визири, посланные отцомъ его и какъ онъ наказалъ коварную пярѣ... «А теперь, закончилъ царевичъ, я ищу своего старшаго брата, чтобы съ нимъ вмѣстѣ отыскать средняго брата и возвратиться потомъ къ старику-отцу».

Царь съ сердечнымъ трепетомъ дослушалъ до конца рѣчь царевича, прослезился, обнялъ его и сказалъ, что онъ—братъ его. При этомъ онъ разсказалъ царевичу о собственныхъ приключеніяхъ и приказалъ позвать своего брата-визиря. Долго всѣ три брата радовались неожиданной встрѣчѣ и порѣшили построить въ память своего свиданія большое зданіе для школы (мадраса) и обезпечить ея содержаніе вакуфомъ (капиталомъ и землями). Коварную же пярѣ за оскорбленіе младшаго брата они рѣшили обратить въ осла и сорокъ лѣтъ на немъ возить кирпичи на постройку мадрасы, а потомъ выгнать изъ города и оставить въ ослиномъ образѣ до конца міра, чтобы пярѣ не могла болѣе завлекать своими ласками другихъ молодыхъ людей.

Затѣмъ царь (т. е. старшій братъ) уступилъ свое мѣсто второму своему визирию, а самъ съ обоими братьями отлетѣлъ на волшебномъ коврѣ къ своему отцу-старiku.

Старикъ-царь отъ радости, по случаю возвращенія пропадавшихъ трехъ сыновей своихъ, сдѣлалъ пиръ на весь міръ.

Народъ веселился, пилъ и ѣлъ у царя цѣлыхъ 30 дней—одинъ мѣсяцъ.

(Эта сказка записана, со словъ кокандскаго сарта, В. Ѳ. Васильевымъ).

XVI.

Злая мачеха и коварныя жены царя.

Въ одномъ небольшомъ городѣ жилъ старикъ со старухою. У нихъ было пять дочерей и одинъ сынъ. Старшая дочь была красавица, какихъ на свѣтѣ бываетъ очень мало. Отецъ и мать любили своихъ дѣтей. Но вотъ однажды мать заболѣла и умерла. Долго старикъ оплакивалъ смерть жены и, наконецъ, порѣшилъ ради дѣтей жениться. Однако онъ ошибся въ своихъ разчетахъ: вторая его жена была очень дурная женщина, не любила своихъ падчерицъ и пасыпка, была ихъ, давала имъ только половину того количества пищи, что самъ старикъ назначалъ имъ, а значительную часть пищи оставляла для себя. Добродушный старикъ не зналъ этого и не догадывался, а дѣти боялись жаловаться на мачеху.

Однажды мачеха уложила дѣтей пораньше спать, а сама достала меду и стала угощать своего мужа. Она говорила при этомъ: «Дѣти уже наѣлись и больше не хотятъ». Старикъ повѣрилъ женѣ, наѣлся самъ досыта меду и легъ спать. Тогда мачеха накрыла остатокъ меда въ котлѣ и думала, что на зарѣ доѣсть его сама. Но въ этотъ разъ старшая падчерица долго не могла заснуть и видѣла, какъ мачеха кормила медомъ ихъ отца и какъ остатокъ накрывала въ котлѣ. Задумала дѣвушка покормить медомъ своихъ сестеръ и брата. Она встала и, убѣдившись, что отецъ и мачеха спятъ, разбудила остальныхъ дѣтей, и всѣ вмѣстѣ поѣли остатокъ меда, а котелъ опять накрыли. Утромъ мачеха встала и, открывъ котелъ, увидѣла, что онъ пустой. Догадалась старуха, что медъ съѣли падчерицы и пасынокъ, разсердилась на нихъ и съ этого времени начала пуще прежняго наговаривать на нихъ своему мужу.

Долго старикъ не вѣрилъ женѣ, но наконецъ согласился съ ней и порѣшилъ избавиться отъ дѣтей. Настало лѣто, стали поспѣвать тутовыя ягоды. И вотъ старикъ запрягъ лошадь въ арбу, взялъ колотушку, съ которой ночью караульщики ходятъ по улицамъ, и сказалъ дѣтямъ: «Поѣдьте, дѣтки, со мною въ поле собирать туковыя ягоды». Дѣти обрадовались и поѣхали съ отцомъ-старикомъ за туковыми ягодами.

Долго ѣхалъ старикъ и далеко завезъ дѣтей своихъ. Настала ночь, и онъ остановился въ полѣ на ночлегъ, гдѣ задумалъ бросить своихъ дѣтей. Переночевавъ, старикъ подвелъ дѣтей къ старому, вы-

сокому туту, стоявшему среди поля, и сказалъ дѣтямъ: «Слушайте дѣти: я залѣзу на дерево и буду ударять по сучьямъ колотушкой, а вы собирайте падающія ягоды, но только на дерево не смотрите, потому что кто взглянетъ на дерево, на того тотчасъ упадетъ толстая вѣтка и убьетъ смѣльчака». Дѣти сказали: «Слушаемъ, батюшка: не будемъ глядѣть на дерево; полѣзай скорѣе». Залѣзъ старикъ на дерево и ударилъ колотушкой по стволу. Дѣти наклонились и стали собирать упавшія ягоды: старикъ же тѣмъ временемъ привязалъ къ вѣткѣ колотушку и раскачалъ ее, а самъ слѣзъ съ дерева и, добѣжавъ до арбы, уѣхалъ отъ дѣтей своихъ домой.

Колотушка продолжала качаться и ударять по вѣтвямъ тута; ягоды падали на землю, а дѣти старика поднимали ихъ и лакомились. Наконецъ, самая младшая дѣвочка не утерпѣла,—подняла голову, взглянула на дерево и сказала: «Сестрица, сестрица! На деревѣ нѣтъ отца!» На это старшая сестра отвѣчала ей: «Молчи и не гляди, глупенькая, а не то,—убьетъ тебя вѣтка». Не терпится маленькой дѣвочкѣ: не долго собирала она ягоды, молча. Не утерпѣла она, взглянула на дерево и опять сказала старшей сестрѣ: «Сестра, а сестра! на деревѣ нѣтъ отца!»—«Молчи и не гляди на дерево, а не то,—убьетъ тебя вѣтка», уговаривала ее старшая сестра.

Но младшая сестренка опять не удержалась,—въ третій разъ взглянула на дерево и, не видя отца, поднялась и громко уже и съ безпокойствомъ сказала: «Сестра, а сестра! На деревѣ нѣтъ отца!» Тогда задумалась и старшая сестра. Подняла она голову и взглянула на дерево,—отца на деревѣ на самомъ дѣлѣ не было. Обезпокоились все дѣти, смотрѣли кругомъ и нигдѣ не видѣли ни отца, ни арбы съ лошадыю. Долго ждали они отца и, наконецъ, порѣшили отыскивать дорогу обратно домой. Но мѣсто, куда завезъ ихъ отецъ, было такое глухое, что выбраться имъ на дорогу было невозможно. Подумали, погорѣвали брошенные дѣти и пошли на-угадъ, на восходъ солнца.

Долго шли несчастныя дѣтки, устали и сильно захотѣли пить. Вдругъ младшая дѣвочка увидѣла въ ямкѣ подъ деревомъ немного воды и сказала: «Сестрица, а сестрица! Выпью я этой водицы?»

— «Не пей, сестра: какъ бы бѣды не было: вода нечистая», отвѣчала старшая сестра.

Сестренка не послушалась, выпила воды и тотчасъ превратилась въ обезьяну, вспрыгнула на дерево и осталась тамъ.

Поплакали остальные дѣти по несчастной сестрѣ и отправились дальше.

Опять долго шли дѣти, устали и захотѣли пить. Увидѣла младшая изъ оставшихся сестеръ въ ямкѣ немного воды и сказала: «Сестрица, сестрица! Выпью я этой водицы»?

— «Не пей, сестра; какъ бы бѣды не было: вода нечистая», отвѣчала старшая сестра.—Сестренка не послушалась, выпила воды и тотчасъ, превратившись въ волка, бросилась въ сторону отъ сестры и брата и убѣжала далеко въ поле.

Поплакали дѣти и надъ этой сестрой и отправились дальше.

Долго шли они, пока не встрѣтили ямку съ водой, изъ которой напилась третья сестра и превратилась въ лису. Затѣмъ напилась четвертая сестра и превратилась въ тигра.

Поплакавъ надъ несчастными сестрами, старшая сестра-красавица отправилась съ маленькимъ братомъ вдвоемъ дальше.

Долго шли они, устали, и мальчику захотѣлось пить. Увидѣвъ онъ въ ямкѣ немного воды и сказалъ:

«Сестрица, сестрица! Выпью я этой водицы»?

— «Не пей, не пей, братецъ; не то,—сдѣлаешься животнымъ, какъ твои сестры».

— «Милая сестрица! я усталъ и сильно хочу пить. Я выпью и, если сдѣлаюсь животнымъ, не брошу тебя, а пойду за тобою»!

Отъ грусти ничего не отвѣтила ему сестра. Мальчикъ выпилъ и тотчасъ превратился въ дикую козу и побѣжалъ за любимой сестрой.

Долго плакала красавица-сестра и, видя, что слезами дѣла не поправить, отправилась съ братомъ-козой дальше.

Много видѣла красавица на пути ямокъ съ водою, но какъ ни хотѣла пить, воды этой не пила. Но вотъ, однажды къ вечеру, увидѣла она впереди себя большую рѣку. Добѣжала она до рѣки, напилась и осталась на берегу переночевать вмѣстѣ съ дикою козою (братомъ своимъ) и заснула.

Недалеко отъ этой рѣки былъ большой городъ. Царь этого города любилъ охоту. Рано утромъ царь выѣхалъ со своею свитою на соколиную охоту и, увидя у рѣки стадо гусей, выпустилъ сокола. Какъ стрѣла, пустился соколъ на гусей; но вдругъ, покружившись въ воздухѣ, опустился на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ спала дѣвушка-красавица съ дикою козою. Дѣвушка проснулась отъ шума крыльевъ сокола и спугнула его. Поднялся соколъ, покружился надъ рѣкой и снова опустился передъ дѣвушкой.

Царь удивился, что такъ кружится его любимый соколъ, и тотчасъ приказалъ прислужникамъ узнать, что случилось. Прислуж-

ники увидѣли на берегу красавицу и поспѣшили донести царю. Царь пожелалъ самъ увидѣть красавицу и тотчасъ ударилъ коня и поскакалъ къ указанному мѣсту. Дѣвушка удивилась, когда всадникъ-царь остановился передъ нею. Онъ ласково спросилъ ее, кто она, откуда и зачѣмъ пришла на берегъ рѣки.

Дѣвушка рассказала о себѣ, о несчастныхъ сестрахъ и братѣ все намъ известное. Выслушавъ ея рассказъ, царь приказалъ привести и ея брата, дикую козу, въ свою столицу и оставить ихъ на жительство во дворцѣ...

Не прошло и одного мѣсяца, какъ царь рѣшилъ взять красавицу себѣ въ жены.—У царя было уже въ гаремѣ 39-ть женъ. Взявъ 40-ую жену, онъ сдѣлалъ ее главною женою и приказалъ ей выдавать остальнымъ женамъ своимъ пищу, одежду и разныя женскія украшенія.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того новая молодая жена царя почувствовала себя беременною, и царь обрадовался, ибо онъ былъ бездѣтенъ и желалъ имѣть сына-наслѣдника.

Между тѣмъ прежнія жены царя начали завидовать возвышенію своей соперницы и однажды, собравшись вмѣстѣ, стали совѣтоваться, какъ-бы имъ избавиться отъ царской жены-красавицы.

«Чѣмъ она лучше насъ? А царь сдѣлалъ ее главною надъ нами! Надо избавиться отъ нея»... говорила одна жена.

— «Выдавая намъ пищу, одежду и другія украшенія, она оставляетъ себѣ самое лучшее»... говорила другая.

А какъ родится у нея сынъ, то царь поставитъ ее еще выше надъ нами»... говорила третья жена царя.

Долго такъ раздумывали 39 женъ царя и, наконецъ, одна изъ нихъ—похитрѣе—сказала: «Вотъ что мнѣ пришло въ голову: надо найти другую женщину, лицомъ похожую на нашу красавицу, а эту толкнемъ въ воду и утопимъ. Новая жена царя будетъ насъ бояться, и мы будемъ дѣлать во дворцѣ, что пожелаемъ сами, никого не спрашивая».—Совѣтъ этотъ понравился всѣмъ женамъ царя, и онѣ, не торопясь, начали искать женщину, лицомъ похожую на красавицу, главную жену царя. Черезъ нѣсколько недѣль новая женщина была найдена, а вскорѣ затѣмъ царь задумалъ ѣхать на дальнюю соколиную охоту, на цѣлый мѣсяцъ пути отъ столицы. Этимъ временемъ коварныя жены царя и рѣшили воспользоваться, чтобы избавиться отъ своей соперницы.

Какъ только уѣхалъ царь на охоту, хитрѣйшая изъ его женъ вошла въ комнату главной жены царя и пригласила ее идти ку-

паться. Красавица согласилась и, взявъ съ собою нѣсколько подругъ, отправились къ пруду. Выбравъ самое глубокое мѣсто въ прудѣ, около крутого берега, хитрая подруга пригласила туда красавицу-соперницу мыть голову. Красавица пошла и тамъ сначала намазала голову кислымъ молокомъ, а потомъ наклонилась надъ водою, чтобы смывать молоко. Въ это время коварная подруга толкнула красавицу въ воду. Та упала и скрылась подъ водой. Но по могуществу Божію, на днѣ пруда тотчасъ появился серебряный домикъ, куда нѣсколько пари внесли утонувшую красавицу, привели ее въ чувство и стали ей прислуживать. Между тѣмъ коза (братъ красавицы) увидѣла, что сестра утонула, стала бѣгать вокругъ пруда и жалобно кричать...

Черезъ 2½ мѣсяца по выѣздѣ изъ столицы, царь возвратился съ охоты и встрѣченный разодѣтой красавицей, мнимой женою, не замѣтилъ обмана своихъ женъ. Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Царь жилъ съ женою-обманщицею и не замѣчалъ обмана, а прочія жены царя дѣлали у себя, что хотѣли.

Однажды царь случайно увидѣлъ, что дикая коза бѣгаетъ вокругъ пруда и, услышавъ жалобный крикъ козы, спросилъ у обманщицы-жены, не знаетъ ли она, что это значить. Обманщица, наученная своими коварными подругами, отвѣчала царю-мужу, что коза за жирѣла и бѣгаетъ вокругъ пруда, чтобы не умереть отъ жира. Черезъ нѣсколько дней наученная обманщица начала просить царя, чтобы онъ приказалъ зарѣзать дикую козу и приготовить изъ ея мяса жаркое. Царь помнилъ, что его жена-красавица беременна и потому подумалъ, что отъ беременности у нея явилось такое желаніе и приказалъ зарѣзать козу. Пришелъ мясникъ, принесъ съ собою веревку, чтобы связать козѣ ноги, и сѣлъ на берегу пруда точить свой длинный ножъ.—Увидѣла дикая коза, что пришла смерть ея, прибѣжала къ пруду, взглянула на дно его и жалобно заговорила человѣческимъ голосомъ: «Сестрица, сестрица милая! Велѣлъ царь зарѣзать меня; мясникъ пришелъ визать меня и точить ужъ свой острый ножъ, чтобы рѣзать меня. Научи, какъ мнѣ избавиться отъ смерти».

А въ это время жена царя, столкнутая въ прудъ, жила въ серебряномъ домикѣ, родила тамъ двухъ сыновей и назвала одного Хасаномъ, а другаго Хусаиномъ ¹⁾. Пари принесли двѣ золотыя люльки и въ нихъ положили новорожденныхъ дѣтей.—Услышала красавица вопль брата и отвѣтила: «Братецъ, братецъ мой милый! Сижу я въ

¹⁾ Эти два имени — самые популярныя въ Персін, потому что тамъ звали сыновей Аліа. Н. О.

ребрянномъ домикѣ, качаю я двѣ золотыя люльки: въ правой лежитъ Хасанъ, въ лѣвой—Хусайнъ: не могу я дѣтокъ бросить и выйти помочь тебѣ».

До царя долетѣли эти звуки. Онъ вышелъ изъ дворца и сталъ прислушиваться, а дикая коза опять заговорила: «Сестрица, сестрица милая! Велѣлъ царь зарѣзать меня; мясникъ пришелъ вязать меня и точить ужъ свой острый ножъ, чтобы рѣзать меня. Научи, какъ мнѣ избавиться отъ смерти». А сестра изъ пруда отвѣчала: «Братецъ, братецъ милый! Сижу я въ серебряномъ домикѣ, качаю я двѣ золотыя люльки: въ правой лежитъ Хасанъ, а въ лѣвой—Хусайнъ: не могу я дѣтокъ бросить и выйти помочь тебѣ».

Догадался царь, что въ прудѣ какая-то бѣда случилась, призвалъ тотчасъ 10,000 рабочихъ и приказалъ имъ вычерпать ведрами всю воду изъ пруда. Когда прудъ вычерпали, царь увидѣлъ на днѣ пруда серебряный домикъ, бросился къ дверямъ его, отворилъ дверь и увидѣли тамъ красавицу, качающую въ двухъ золотыхъ люлькахъ двухъ сыновей своихъ—Хасана и Хусайна. Царь узналъ красавицу и спросилъ, кто и какъ удалилъ ее изъ дворца. Красавица рассказала царю-мужу, что съ нею сдѣлали коварныя жены его. Разгнѣвался царь и приказалъ привести 40 необъѣзжанныхъ еще лошадей, привязать къ хвосту каждой лошади по одной коварной женѣ и выпустить лошадей въ степь, гдѣ растетъ твердая колючка. Лошади умчались въ степь и растрепали по колючкамъ коварныхъ царскихъ женъ...

А несчастную красавицу царь взялъ во дворецъ и счастливо жилъ съ нею и двумя сыновьями.

(Эта сказка записана, со словъ командскаго сарта, В. О. Васильевымъ).

ХVII.

Царевичъ Хасанъ-Паша, доставшій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня.

Жилъ-былъ султанъ Мурадъ. У него было три сына: старшій—Ибрагимъ-паша, средній—Абдраимъ-паша и младшій сынъ—Хасанъ-

паша. Однажды султану сдѣлалось очень скучно. Онъ самъ не зналъ, отчего напала на него такая сильная тоска, и сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ. Въ это время приходитъ къ султану его старшій сынъ, Ибрагимъ-паша, и хотѣлъ-было поговорить съ отцомъ, а онъ отвернулся. Сынъ зашелъ съ другой стороны, а отецъ опять отвернулся. Тогда Ибрагимъ-паша оставилъ султана одного, а самъ отправился къ главному министру и попросилъ его сходить къ султану и узнать причину его тоски. Министръ пришелъ къ султану и сказалъ ему:

— «Великій государь! Мы всѣ ужасно опечалены твоей тоской. Скажи намъ, отчего ты такъ печаленъ и почему ты не захотѣлъ выслушать твоего старшаго сына? Развѣ твой первенецъ плохой человекъ? Или, можетъ быть, онъ провинился чѣмъ-нибудь противъ тебя?»

— «Я самъ не знаю, сказалъ султанъ, что со мною случилось; но только мнѣ ужасно скучно, и я раздраженъ противъ всѣхъ».

— «Великій государь! снова сказалъ министръ. Ты имѣешь 40 прекраснѣйшихъ въ мірѣ садовъ; прикажи приготовить лошадей, поѣдемъ въ эти сады; можетъ быть, тамъ ты разсѣешь свою тоску».

Султанъ согласился на это предложеніе и приказалъ приготовить лошадей. Когда лошади были готовы, султанъ, трое сыновей его и министръ поѣхали кататься.

Они проѣхали уже 39 садовъ. Сады, дѣйствительно, были прекрасные: въ нихъ росли высокія деревья, въ порядкѣ разсаженные; журчаніе фонтановъ и пѣніе райскихъ птицъ наполняли воздухъ... Все это было прекрасно, но не могло развлечь султана; онъ по прежнему былъ грустенъ, и уже хотѣлъ ѣхать домой... Тогда министръ сказалъ султану:

«Государь! Остается еще одинъ садъ; можетъ быть, тамъ ты разсѣешь свою тоску».

Султанъ послушался министра и поѣхалъ въ 40-й садъ. Садъ этотъ былъ еще красивѣе, чѣмъ прочіе, уже осмотрѣнные султаномъ. Проходя по главной аллеѣ этого послѣдняго сада, султанъ и его спутники замѣтили на срединѣ небольшой поляны большое дерево безъ вѣтвей и безъ листьевъ. Султанъ спросилъ у садовника: «Что это за дерево?»

Садовникъ отвѣтилъ такъ: «Великій государь! Дерево это очень рѣдкое и удивительное: въ 6 часовъ вечера на самой вершинѣ его появляется почка, въ 7 часовъ распускаются листья, въ 9 часовъ уже появляется цвѣтокъ, а къ 12 часамъ ночи созрѣваетъ плодъ. Въ это самое время прилетаетъ неизвѣстная мнѣ птица, садится на

дерево: къ 3 часамъ утра выклевываетъ весь плодъ и улетаетъ до другого дня. Дерево высокое, и поэтому у меня нѣтъ возможности ни разсмотрѣть хорошенько птицу, ни узнать, какой плодъ растеть на деревѣ».

Садовникъ кончилъ, а султанъ обратился къ присутствовавшимъ съ такой просьбой: «Не найдется ли такого добраго человѣка, который бы сорвалъ и доставилъ мнѣ этотъ плодъ?»

Младшій сынъ султана, Хасанъ-паша заявилъ тогда отцу, что онъ останется въ саду и сорветъ плодъ, когда онъ созрѣетъ. Султанъ обрадовался, похвалилъ сына и уѣхалъ изъ сада вмѣстѣ со своими спутниками; только Хасанъ-Паша остался въ саду, чтобы дожидаться появленія на деревѣ чудеснаго плода и сорвать его для своего тоскующаго отца. Долго не спалъ царевичъ; наконецъ, сонъ окончательно овладѣлъ имъ, и Хасанъ-паша такимъ образомъ проспалъ плодъ. Утромъ пріѣзжаетъ изъ дворца джигитъ и спрашиваетъ, досталъ ли царевичъ плодъ. Царевичъ сознался, что проспалъ тотъ часъ, когда плодъ поспѣлъ, и отецъ остался недоволенъ своимъ сыномъ.—Потомъ средній и старшій царевичи также прокараулили плодъ. Тогда султанъ сдѣлался еще печальнѣе и спросилъ: «Нѣтъ ли добраго человѣка, который бы досталъ мнѣ живою или мертвою эту невѣдомую птицу, которая склевываетъ чудесный плодъ на томъ деревѣ?»

Младшій царевичъ хотѣлъ оправиться предъ отцомъ и заявилъ о своемъ желаніи итти въ садъ и караулить птицу. Султанъ былъ обрадованъ готовностью сына, приказалъ отвезти въ садъ для сына разныхъ кушаній, а ему самому далъ хорошее ружье. Хасанъ-паша отправился въ садъ и на этотъ разъ дождался птицы. Когда птица прилетѣла, Хасанъ поскорѣе зарядилъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. И хотя ему не удалось убить эту птицу, за то онъ вышибъ изъ ея крыла одно большое перо. Царевичъ былъ радъ и этому и не даромъ: поднявши перо, онъ замѣтилъ на немъ письмена, а когда сталъ разбирать ихъ, то оказалось, что на перѣ были написаны священные слова. Съ этимъ перомъ царевичъ на утро явился къ своему отцу. Султанъ очень обрадовался, но не удовлетворился однимъ перомъ, а пожелалъ непременно достать самую птицу: нужно было искать, гдѣ она живетъ и откуда прилетаетъ въ садъ. Младшій царевичъ въ третій разъ выразилъ свою готовность исполнить желаніе отца. Султанъ поблагодарилъ сына и приказалъ снарядить его въ дальній путь: онъ далъ сыну 40 ишаковъ, навьюченныхъ золотомъ, далъ двѣ лошади съ провизіей и много разнаго оружія. Хасанъ-паша простился съ отцомъ и братьями и отправился въ путь.

По отъѣздѣ младшаго царевича, старшіе его братья также захотѣли ѣхать отыскивать необыкновенную птицу. Отецъ не сталъ и ихъ задерживать, а далъ имъ тоже самое, что и младшему сыну.

Между тѣмъ Хасанъ-паша подвигался все дальше и дальше по избранному имъ пути. Разъ поднялась страшная буря; большой столбъ пыли, поднятой вѣтромъ, несся ему на встрѣчу... И вдругъ изъ самой середины этого столба пыли выскакиваетъ волкъ, подбѣгаетъ къ Хасану-пашѣ и человѣчьимъ голосомъ проситъ у него чего-нибудь съѣстнаго. Хасанъ вынулъ изъ куржума (переметная сума) хорошую большую лепешку и бросилъ ее волку. Волкъ схватилъ лепешку и тотчасъ скрылся.

Скоро Хасана нагнали старшіе братья,—и тогда всѣ три брата поѣхали вмѣстѣ. Долго они ѣхали и, наконецъ, пріѣхали на распутье трехъ дорогъ. По срединѣ перекрестка лежалъ большой камень, на которомъ было написано такъ: «Кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ вернется благополучно; кто поѣдетъ прямо, тотъ, можетъ быть, вернется, а можетъ и не вернуться; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ не вернется». Старшіе братья стали спорить, кому по какой дорогѣ ѣхать. Тогда Хасанъ-паша сказалъ имъ: «Дорогіе братья! выбирайте себѣ, какія хотите, дороги; я же, какъ младшій, поѣду по той, которая останется послѣ вашего выбора».

Тогда старшій братъ поѣхалъ влѣво, средній прямо, а младшему осталась правая дорога. И поѣхалъ Хасанъ-паша по правой дорогѣ. Дорогой нагоняетъ царевича волкъ и говоритъ ему: «Царевичъ! Развѣ ты не видѣлъ, что написано на камнѣ? Зачѣмъ-же ты поѣхалъ въ эту сторону?»

— «Отойди отъ меня прочь! Не мѣшай мнѣ, пожалуйста!» Отвѣтилъ волку Хасанъ-паша.

— «Нѣтъ, царевичъ! Ты спасъ меня отъ голодной смерти, и я считаю своимъ долгомъ сослужить тебѣ, какую могу, службу».

— «Не нуждаюсь я въ твоей помощи!»

— «Не пренебрегай мною, царевичъ! Безъ моей помощи ты ничего не найдешь, да еще и самъ можешь погибнуть. А я за твою добрую службу сослужу тебѣ три службы».

Царевичъ послушалъ волка и спросилъ: «Какая же будетъ первая услуга твоя».

— «Подожди, сказалъ волкъ, не торопись! Оставь ты своихъ ишаковъ и лошадей въ лѣсу, а самъ садись на меня задомъ напередъ и держись за мой хвостъ: будемъ мы черезъ 12 часовъ около царства, гдѣ находится та птица, которую ты ищешь».

Только что Хасанъ сѣлъ на волка и ухватился за хвостъ его, какъ волкъ съ быстротою вѣтра помчалъ царевича черезъ лѣса и горы, прямо къ тому царству, гдѣ жила та птица. Черезъ 12 часовъ, дѣйствительно, Хасанъ-паша прибылъ къ тому царству и остановился на разстояніи одной версты отъ города, въ большомъ лѣсу, гдѣ было множество различныхъ звѣрей и птицъ. Когда стало вечерѣть, волкъ и говорить царевичу: «Теперь ты ступай въ городъ. Въ городъ ведутъ 40 воротъ, и у каждаго воротъ спать по два дива. Но ты не бойся ихъ; они не проснутся, а ты проходи черезъ всѣ ворота. Когда ты пройдеши послѣднія ворота, то увидишь 40 царскихъ кладовыхъ, въ которыхъ хранятся сокровища государя этой страны. Кладовыя стоятъ въ два ряда. Ты иди по линіи кладовыхъ, отсчитай съ лѣвой стороны двадцатую кладовую и войди въ нее. Тамъ сидятъ тѣ самыя три птицы, изъ которыхъ одну ты ищешь. Эти птицы—*анка-кушъ*, въ родѣ большихъ орловъ,—райскія птицы ¹⁾. Ты возьми птицъ и скорѣе уходи, не оглядываясь назадъ; если же оглянешься, то будетъ тебѣ плохо».

Царевичъ въ точности исполнилъ наставленіе волка. Онъ прошелъ благополучно всѣ 40 воротъ, отсчиталъ 20-ую кладовую, вошелъ въ нее и увидѣлъ, что тамъ сидятъ три необыкновенныя птицы, очень похожія на ту, которая клевала чудесныя яблоки въ 40-мъ саду его отца. Хасанъ взялъ птицъ и подошелъ уже къ двери, но не утерпѣлъ—оглянулся и замѣтилъ, что подставка, на которой сидѣли птицы, была необыкновенно хороша. Царевичу захотѣлось взять и подставку. Тогда онъ вернулся; но лишь только коснулся подставки, какъ раздались крики.—Оказалось, что отъ этой подставки были проведены ко всѣмъ караулившимъ у воротъ дивамъ невидимыя нити, на концахъ которыхъ были привязаны колокольчики. Когда Хасанъ дотронулся до подставки, колокольчики зазвенѣли, и всѣ дивы, караулившіе ворота, проснулись. Они схватили Хасана и тотчасъ представили его къ царю своему.

Царь хотѣлъ было казнить Хасана-пашу; но когда выслушалъ его и узналъ цѣль его путешествія, то отмѣнилъ свое рѣшеніе и радостно сказалъ Хасану: «Хорошо, царевичъ! Я отдамъ тебѣ всѣхъ трехъ птицъ; только ты сослужи мнѣ одну службу. У одного царя есть 40 дочерей. Такъ вотъ, привези ты мнѣ самую красивую изъ нихъ».

Хасанъ согласился и опечаленный пошелъ въ лѣсъ къ волку.

¹⁾ Анка-кушъ, по объясненію нѣкоторыхъ авторовъ, тождественна съ птицей Самургомъ, древ. Финиксомъ (см. рисунокъ). Н. О.

Волкъ, увидя опечаленнаго Хасана, спросилъ его, что тому за причина. Хасанъ-паша откровенно разсказалъ волку все, что съ нимъ произошло въ городѣ и какъ царь, обладатель тѣхъ чудныхъ птицъ, поручилъ ему привезти изъ дальняго царства самую красивую царевну. Хасанъ прибавилъ:

— «Я тебя не послушался и обернулся; меня поймали и привели къ царю. Царь сперва хотѣлъ-было казнить меня, но потомъ сказалъ, что у одного царя есть сорокъ дочерей и, если я ему достану самую красивую изъ нихъ, то онъ отдастъ мнѣ всѣхъ трехъ птицъ вмѣстѣ съ золотою подставкою».

Волкъ сильно озлился на царевича за то, что онъ не исполнилъ его приказанія, и ушелъ отъ царевича. Царевичъ цѣлый день сидѣлъ подъ деревомъ и горько плакалъ, не зная, какъ исправить ошибку свою. А волкъ все не показывался, но на другой день разсуждалъ самъ съ собою: «За что-же царевичъ погибнетъ здѣсь, въ неизвѣстномъ царствѣ? Онъ, вѣдь, не пожалѣлъ дать мнѣ лепешку, когда я голодный просилъ у него поѣсть... Пойду я и еще разъ помогу ему. Если же онъ и теперь не слушаетъ меня, тогда я брошу его, и пусть онъ достаетъ птицъ и царевну, какъ знаетъ самъ».—Рѣшилъ такъ волкъ, пришелъ къ царевичу и сказалъ ему: «Не плачь? Я еще разъ помогу тебѣ. Если же ты и на этотъ разъ не слушаешься меня, то я тебя совсѣмъ брошу... Такъ слушай: до того царства, гдѣ живетъ красавица-царевна, надо ѣхать три мѣсяца, а я тебя доставлю туда въ одинъ день. Садись на меня и держись за мой хвостъ»!

Царевичъ поблагодарилъ волка и сѣлъ ему на спину, лицомъ къ хвосту. Волкъ помчался и скоро привезъ царевича въ то царство, гдѣ жила царевна. Волкъ остановился за версту отъ города, около одной избушки, и царевичъ просидѣлъ въ ней до вечера вмѣстѣ съ волкомъ.

Когда стало смеркаться, волкъ говорить Хасану: «Иди теперь въ городъ. У воротъ городскихъ лежитъ чудовище съ нѣсколькими головами; но ты его не бойся и иди прямо. Ты увидишь большой дворецъ, въ которомъ живутъ царевны. Ты заходи туда. Царевны будутъ уже спать. Тогда ты отсчитай слѣва девятую и уноси ее; но когда будешь выходить изъ дворца, то не оборачивайся, а то плохо тебѣ будетъ».

Царевичъ отправился, вошелъ въ городъ черезъ ворота, около которыхъ лежало страшное чудовище. Вошелъ онъ во дворецъ, въ которомъ жили царевны. Онъ уже спали. Царевичъ осмотрѣлся,

отсчиталъ девятую царевну, взялъ и понесъ ее. Но когда онъ шелъ обратно, то опять нечаянно обернулся и увидалъ прекрасную шаль, которая принадлежала царевнѣ. Эта шаль вся была расшита золотомъ и серебромъ и усыпана драгоцѣнными каменьями. Царевичъ вернулся и хотѣлъ ее взять; но лишь только онъ дотронулся до шали, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики, и множество слугъ набѣжали, связали его и отвели къ царю. Царь сильно разсердился на царевича и хотѣлъ его казнить; но тогда царевичъ рассказалъ царю, что онъ хотѣлъ достать отцу своему—султану птицъ и также попался, какъ и здѣсь, и что тотъ царь обѣщалъ отдать ему птицъ, если онъ достанетъ ему прекрасную царевну. Вотъ онъ и поѣхалъ доставать царевну и уже почти досталъ ее, но обернулся, увидѣлъ прекрасную шаль и хотѣлъ-было взять ее, да и попался...

Выслушавъ этотъ рассказъ, царь пересталъ сердиться и сказалъ царевичу: «Я отдамъ тебѣ и дочь-красавицу, и шаль драгоцѣнную, если ты достанешь мнѣ въ горахъ, у одного дива, желтаго коня и приведешь его ко мнѣ». Царевичъ согласился, и тогда царь велѣлъ отпустить его.

Царевичъ горько заплакалъ и пошелъ къ волку. Волкъ спросилъ его: «О чемъ ты плачешь?» Царевичъ отвѣчалъ: «Я опять не послушался тебя и обернулся; меня поймали и привели къ царю, а царь велѣлъ достать мнѣ гдѣ-то въ горахъ желтаго коня, принадлежащаго диву... Только тогда царь обѣщался отдать мнѣ царевну-красавицу».

Волкъ разсвирѣпѣлъ, ударилъ царевича и хотѣлъ уйти отъ него, но Хасанъ съ плачемъ сталъ просить волка, чтобы онъ въ послѣдній разъ помогъ ему. Царевичъ сказалъ волку: «Если я и послѣ того не послушаю тебя, тогда ты бросишь меня».—Волкъ смиловался и сказалъ: «Хасанъ! много хлопотъ ты надѣлалъ мнѣ; ну, ужъ такъ и быть—я помогу тебѣ въ послѣдній разъ. Дорога къ тому диву очень длинная; туда надо ѣхать цѣлый годъ, а я тебя доставлю въ три дня... Садись на меня и держись за хвостъ!»

Царевичъ сѣлъ на волка, и они помчались по лѣсамъ и горамъ... На третій день волкъ привезъ его къ большой горѣ, остановился и сказалъ царевичу:

—«Теперь смотри, исполняй всѣ мои приказанія; не то—погибнешь. Когда ты поднимаешься на гору, то увидишь большой домъ. Ты войди въ домъ; тамъ въ одной комнатѣ спитъ большой дивъ. У него на шеѣ привязаны ключи. Ты не бойся, отвяжи ихъ и иди дальше. Ты увидишь много кладовыхъ: въ первой лежатъ

гвозди, во второй шелковая веревка, а въ третьей стоитъ желтый конь. Ты сперва войди въ первую кладовую и возьми девятнадцать гвоздей; затѣмъ войди во вторую и отрѣжь тридцать восемь аршинъ шелковой веревки. Послѣ того ты иди въ третью кладовую, гдѣ стоитъ желтый конь. Тамъ въ углу вырыта глубокая яма. При твоёмъ приходѣ конь заржетъ; ты не зѣвай тогда и скорѣе, привязавъ веревку за столбъ, спускайся въ яму. Дивъ въ это время проснется, войдетъ къ коню, сядетъ на него и поѣдетъ осматривать, нѣтъ ли кого-нибудь въ окрестности; затѣмъ онъ пріѣдетъ назадъ, поставитъ коня на прежнее мѣсто, а самъ пойдетъ спать. Ты высунь голову изъ ямы, — конь снова заржетъ, дивъ опять проснется и поѣдетъ на конѣ осматривать окрестности, но никого не увидитъ и опять поставитъ коня въ кладовую и пойдетъ спать. Ты въ третій разъ высунь голову, — конь въ третій разъ заржетъ, дивъ опять проснется и поѣдетъ осматривать окрестности, но и въ третій разъ никого не увидитъ, обругаетъ коня, поставитъ его въ кладовую, отберетъ у него кишмишъ, который онъ ѣстъ, а вмѣсто кишмиша подложитъ ему костей и скажетъ: «Сколько ты ни ржи теперь, я уже больше не приду къ тебѣ, потому что ты все обманываешь меня». Послѣ того дивъ уйдетъ спать. Тогда ты смѣло вылезай изъ ямы, возьми у коня кости и положи ему кишмиша. Конь тебя полюбитъ и перестанетъ ржать. Ты иди въ ту комнату, гдѣ спитъ дивъ и прибей его гвоздями къ полу; онъ будетъ рваться и подыматься, но переломить себѣ спину и издохнетъ. Тогда бери коня и пріѣзжай ко мнѣ».

Царевичъ простился съ волкомъ и отправился далѣе, въ свой путь. Онъ поднялся на гору, вошелъ въ упомянутый домъ и прошелъ двѣ комнаты. Въ третьей комнатѣ спалъ страшный дивъ съ оскаленными зубами: у него изъ рта вырывался огонь, когда онъ храпѣлъ. Царевичъ сначала очень испугался, но овладѣлъ собой, подошелъ къ диву, отвязалъ и снялъ съ его шеи ключи. Затѣмъ Хасанъ пошелъ далѣе, увидалъ кладовыя и вошелъ въ первую кладовую. Тамъ лежали огромные гвозди. Царевичъ взялъ девятнадцать гвоздей и вошелъ во вторую кладовую, отрѣзалъ тамъ въ тридцать восемь аршинъ веревку и, наконецъ, пришелъ въ третью кладовую, гдѣ стоялъ желтый конь. Конь, увидя царевича, заржалъ, а царевичъ, не теряя времени, привязалъ веревку къ столбу и спустился въ яму. Дивъ проснулся, сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать окрестности, но не найдя никого, поставилъ коня на мѣсто и пошелъ спать. Хасанъ тогда высунулъ голову, и конь снова заржалъ. Дивъ прибѣжалъ и опять поѣхалъ осматривать окрестности, но

никого не увидалъ поставивъ коня въ кладовую, а самъ пошелъ спать. Хасанъ во второй разъ высунулъ голову, — конь заржалъ, и дивъ въ третій разъ прибѣжалъ и поѣхалъ осматривать окрестности, но и въ третій разъ никого не увидалъ. Разсердившись на своего коня, дивъ обругалъ его за тревогу, отобралъ у него кишмишъ и наложилъ ему въ ясли костей, на мѣсто кишмиша, а самъ пошелъ спать. Тогда царевичъ вылѣзъ изъ ямы. Конь заржалъ-было, но царевичъ положилъ ему въ ясли кишмишу, и конь пересталъ ржать.

Затѣмъ царевичъ пошелъ въ комнату, гдѣ спалъ дивъ, и прибилъ его гвоздями къ полу. Дивъ почувствовалъ боль и проснулся. Увидавъ Хасана, дивъ хотѣлъ его разорвать, но только что сталъ подниматься, какъ переломилъ себѣ спину и издохъ. — Послѣ этого Хасанъ взялъ коня и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ остался волкъ. Когда царевичъ пріѣхалъ къ волку, волкъ сказалъ ему: «Теперь поѣдемъ къ царю, у котораго ты долженъ получить дочь-красавицу».

Когда они уже подъѣзжали къ тому царству, гдѣ царевичъ долженъ былъ отдать желтаго коня, волкъ сказалъ царевичу: «Зачѣмъ намъ отдавать желтаго коня царю? Пусть онъ лучше остается у тебя, Хасанъ. Ну-ка, другъ, закрой глаза!» — Царевичъ зажмурился, а волкъ тотчасъ произнесъ волшебное заклинаніе и перевернулся въ прекраснаго желтаго коня, точь въ точь такого же, какого досталъ царевичъ». Теперь открой глаза и веди меня къ царю, сказалъ конь-оборотень: у царя получишь ты дочь-красавицу и шаль драгоцѣнную; потомъ возвращайся сюда, сядишь на желтаго коня и убѣжай въ то царство, гдѣ находятся птицы, а я на половинѣ дороги догоню тебя!»

Царевичъ удивился, когда увидѣлъ, что волкъ сдѣлался такимъ же конемъ, какого онъ, Хасанъ, досталъ у дива. И вотъ онъ беретъ волка-коня подъ уздцы и ведетъ его во дворецъ, а настоящаго желтаго коня привязалъ въ лѣсу. Царь очень обрадовался царевичу и приказалъ тотчасъ же привести красавицу-дочь и передалъ ее со множествомъ драгоцѣнностей царевичу, а коня поручилъ конюхамъ и приказалъ за нимъ хорошенько ухаживать.

Царевичъ, получивъ красавицу-царевну, отправился съ нею въ лѣсъ, гдѣ стоялъ его желтый конь, сѣлъ на него вмѣстѣ съ царевной и помчался за таинственными птицами (*анка-куш*).

А конь-оборотень, когда его привели въ конюшню, чудесно перевернулся и сталъ опять волкомъ, потомъ бросился на конюховъ, искусалъ ихъ и убѣжалъ. Черезъ часъ онъ нагналъ царевича съ царской дочерью, а еще черезъ часъ они подъѣзжали уже къ тому

царству, въ которомъ нужно было достать таинственныхъ птицъ. Остановившись въ лѣсу, волкъ сказалъ царевичу: «Хасанъ! Зачѣмъ отдавать такую красавицу этому царю? Пусть лучше она остается съ нами и будетъ твоей женой, когда ты вернешься къ отцу. Ну-ка, закрой глаза!» Царевичъ зажмурился. Волкъ чудесно перевернулся и сдѣлался такою-же красавицей, какую они везли съ собою.— «Теперь открой глаза,—сказалъ волкъ царевичу,—и веди меня къ царю, возьми у него птицъ и уѣзжай вмѣстѣ съ ними и царевной туда, гдѣ остались ишаки и лошади, а я живо догоню тебя».— Когда царевич привелъ мнимую красавицу во дворецъ, царь приказалъ отдать Хасану таинственныхъ птицъ и золотую подставку. Царевичъ получилъ птицъ, поспѣшно вышелъ съ ними изъ дворца, пришелъ къ красавицѣ-царевнѣ и желтому коню, сѣлъ на коня, взялъ царевну и птицъ и помчался къ тому лѣсу, гдѣ оставались его ишаки и кони...

Царь, тотчасъ устроилъ свадьбу съ мнимой царевной и на свадебномъ пиру сидѣлъ вмѣстѣ съ царевной-волкомъ и гостями. По обычаю той страны, молодушка сидѣла на пиру подъ покрываломъ. Когда гости подгуляли, волкъ-оборотень чудодѣйственно перевернулся и сдѣлался опять волкомъ, потомъ вдругъ бросился на царя и сталъ его кусать. Всѣ придворные и гости сильно перепугались и разбѣжались. Тогда и волкъ выбѣжалъ изъ-за стола, свободно пробѣжалъ по дворцу и черезъ часъ уже догналъ царевича. Догнавъ царевича, волкъ сказалъ ему: «Милый Хасанъ! Теперь наши скитанія по бѣлу свѣту благополучно и успѣшно окончились. Поѣдемъ ко мнѣ въ домъ; тамъ ты отдохнешь и оттуда уже прямо поѣдешь къ своему отцу!»—Царевичъ согласился, и они пустились въ путь. Черезъ нѣсколько часовъ они были уже въ великолѣпномъ дворцѣ, принадлежавшемъ волку. Тутъ у нихъ начались пиры и гулянья.

Наконецъ, Хасанъ сталъ собираться домой и вспомнилъ о своихъ братьяхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ выѣхали на поиски за таинственными птицами. Онъ сталъ просить волка: «Любезный волкъ! Мнѣ еще рано ѣхать домой къ отцу; нужно сперва найти братьевъ!»

—«Напрасно, отвѣчалъ волкъ: они сдѣлаютъ тебѣ зло, если будутъ съ тобою».

Хасанъ не послушался волка и отправился искать своихъ братьевъ. Много и долго онъ странствовалъ. И вотъ, въ одномъ городѣ ему сказали жители, что къ нимъ давно пріѣхалъ какой-то сумасшедшій богачъ, который называетъ себя царскимъ сыномъ и желаетъ достать какихъ-то необыкновенныхъ птицъ. Здѣсь онъ

растратилъ всѣ свои богатства, впалъ въ нищету и теперь служить работникомъ у сапожника на базарѣ, чтобы доставать себѣ пропитаніе. Царевичъ тотчасъ отправился на базаръ и, дѣйствительно, увидалъ своего брата, который шилъ сапоги. И тотъ узналъ Хасана. Братья поздоровались. Хасанъ купилъ ему новую рубашку, халатъ, сапоги и тюбетейку и отвезъ его во дворецъ къ волку, а самъ поѣхалъ искать другого брата. Въ одномъ городѣ онъ нечаянно увидалъ водовоза, который былъ очень похожъ на его старшаго брата. Хасанъ подошелъ къ нему и спросилъ, кто онъ такой. Водовозъ отвѣчалъ: «Я старшій сынъ султана Мурада. Поѣхалъ я вмѣстѣ со своими братьями искать таинственную птицу: у меня было съ собой сорокъ ишаковъ съ золотомъ и два коня съ провизіей. Въ этомъ городѣ я остановился; деньги у меня шли да шли, и въ одинъ несчастный день я сдѣлался почти нищимъ. Чтобы достать себѣ пропитаніе, я продалъ своихъ лошадей и ишаковъ, кромѣ этихъ двухъ, на которыхъ и сталъ развозить воду по городу».

Хасанъ сказалъ ему, что онъ—его братъ. Тогда и водовозъ узналъ Хасана. Хасанъ купилъ своему несчастному брату все необходимое, что приличествовало сыну султана Мурада, и увезъ его во дворецъ къ волку.

У волка всѣ три брата весело прожили нѣсколько времени и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ стали собираться домой къ отцу. Когда они прощались съ волкомъ, то волкъ шепнулъ на ухо Хасану-царевичу: «Будь остороженъ съ своими братьями: какъ бы они не сдѣлали тебѣ дорогой зла!» Но добродушный Хасанъ почти не слушалъ, что нашептывалъ ему волкъ и не обратилъ вниманія на его предупрежденіе.

Вотъ выѣхали три сына султана Мурада отъ волка. Путь имъ предстоялъ не близкій, и много ночей должны они были провести подъ открытымъ небомъ. Хасанъ-царевичъ возвращался домой очень веселымъ, потому что ему удалось достать для отца таинственныхъ птицъ, а себѣ невѣсту-красавицу и коня. Старшіе его братья сначала сочувствовали его радости, но чѣмъ ближе подъѣзжали къ дому отца, тѣмъ сильнѣе досадовали на то, что они, старшіе братья, ничего не могли достать для отца, между тѣмъ какъ Хасанъ, младшій братъ, везъ не только птицъ отцу, но и себѣ прекрасную невѣсту и коня. Однажды, во время остановки, они высказали другъ другу свои мысли и порѣшили завладѣть птицами, царевной и конемъ, чтобы сказать отцу, что все это достали они, а не младшій ихъ братъ Хасанъ и что онъ, кромѣ того, еще мѣшалъ имъ.

Послѣ совѣщанія старшій братъ сказалъ: «На слѣдующую ночь, когда мы остановимся отдыхать, то дождемся, пока Хасанъ заснетъ, и тогда выколимъ ему глаза и оставимъ его въ пустынь, а сами возьмемъ птицъ, царевну и коня, поѣдемъ къ отцу нашему, султану, и скажемъ, что все это мы сами достали, а что братъ нашъ умеръ, или пропалъ безъ вѣсти»... Средній братъ одобрилъ этотъ планъ... А младшій братъ Хасанъ, выручившій своихъ братьевъ изъ нищеты, и не подозрѣвалъ, что его братья замышляютъ противъ него такое зло.

Дѣйствительно, на слѣдующую ночь, когда они остановились на отдыхъ, старшіе братья дождались, пока Хасанъ заснулъ, и тогда ослабили его беззащитнаго. Потомъ они захватили птицъ, царевну и коня и поѣхали дальше, а несчастнаго, слѣпотаго Хасана оставили погибать въ пустынь.

Долго стоналъ несчастный царевичъ Хасанъ отъ ужасной боли. Онъ понималъ, что среди пустыни, гдѣ, кромѣ голодныхъ хищныхъ звѣрей, никого нѣтъ, онъ не найдетъ себѣ чьей-либо помощи и погибнетъ. И сталъ онъ горячо молиться Аллаху. Долго, очень долго онъ молился. Жаркій день уже смѣнился прохладнымъ вечеромъ. И вотъ онъ слышитъ чей-то кроткій голосъ. Это пророкъ (Мухаммадъ) говорилъ ему: «Сорокъ дней ты долженъ искренно молиться Аллаху, чтобы онъ даровалъ тебѣ исцѣленіе. Въ сороковой день ты поползешь направо, и тамъ попадешься тебѣ родникъ, изъ котораго ты умоешься и прозрѣешь и тогда снова возблаговаришь Аллаха за свое спасеніе. Во все это время птица будетъ тебѣ приносить пищу». — Тайнственный голосъ смолкъ, и наступила тишина. Хасанъ началъ молиться Богу и такъ усердно молился, что потъ градомъ катится по его лицу.

Дни проходили. Несчастный слѣпонецъ получалъ пищу отъ таинственной птицы. Наступилъ и сороковой день. Когда этотъ день окончился, Хасанъ поползъ потихоньку вправо и долго ползъ, пока, наконецъ, стало повѣвать прохладой, а до его слуха долетѣло журчаніе ручейка. Напрягая послѣднія свои силы, онъ подвигался впередъ и черезъ нѣсколько времени достигъ родника, изъ котораго, съ журчаніемъ вытекалъ ручеекъ. Умылся Хасанъ водой изъ этого родника и тотчасъ-же прозрѣлъ. Послѣ долгой сорокадневной молитвы, онъ впервые увидалъ свѣтъ Божій и въ умиленіи, проливая радостныя слезы, въ горячей молитвѣ благодарилъ Аллаха за свое исцѣленіе. — Потомъ онъ напился изъ родника и пошелъ, куда глаза глядѣли. Вдругъ вдали, въ пустынь, онъ увидѣлъ громадный столбъ пыли,

который несся прямо на него. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ его вѣрный слуга и товарищъ-волкъ стоялъ возлѣ него. «Вотъ видишь, сказалъ волкъ: говорилъ я тебѣ, чтобы ты остерегался своихъ братьевъ, а то случится съ тобой несчастье... Такъ и сбылось: братья ослѣпили тебя, взяли у тебя птицъ, царевну и коня, а отцу твоему, султану, скажутъ, что все это достали они, а что ты пропалъ безъ вѣсти!»

Горько заплакалъ царевичъ при этихъ словахъ волка. Ему сдѣлалось ужасно грустно, что братья такъ коварно отплатили ему за то, что онъ спасъ ихъ отъ нищеты. Но волкъ сказалъ ему: «Не плачь! Мы все это поправимъ, а теперь садись на меня, поѣдемъ опять ко мнѣ во дворецъ». — И помчалъ волкъ царевича Хасана къ себѣ во дворецъ.

У волка Хасанъ совершенно оправился и прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Тогда волкъ сказалъ Хасану: «Братья твои недавно только пріѣхали домой, къ султану: и мы съ тобой отправимся туда-же. Я тебѣ обѣщалъ, что царевна будетъ твоей женой,—такъ и будетъ». Послѣ того волкъ и царевичъ Хасанъ переодѣлись нищими цыганами, чтобы ихъ нельзя было сразу узнать, и отправились въ царство султана Мурада. Когда они прибыли, во дворецъ уже было назначено бракосочетаніе красавицы-царевны со старшимъ сыномъ султана Мурада. Передъ самымъ днемъ свадьбы Хасанъ, наряженный нищимъ цыганомъ, пошелъ просить милостыни у нарѣченной невѣсты своего брата. Стоявшая у воротъ дворца стража не хотѣла пропустить его во дворецъ изъ боязни, что онъ украдетъ что-нибудь. Хасанъ долго умолялъ стражу пропустить его. Наконецъ, сама царевна, раздавая милостыню на крыльцѣ, замѣтила нищаго цыгана и приказала пропустить его. Хасанъ подошелъ къ ней и сказалъ, протягивая руку: «Царевна! Подай что-нибудь своему первому жениху, чтобы онъ могъ весело погулять въ день твоей свадьбы!»

Царевна очень удивилась словамъ нищаго цыгана, называвшаго себя первымъ ея женихомъ, и приказала, провести его къ себѣ въ покои. Тамъ Хасанъ рассказалъ царевнѣ, какъ его Аллахъ спасъ отъ голодной смерти и исцѣлилъ отъ слѣпоты, и какъ онъ съ волкомъ, переодѣвшись цыганами, во-время прибыли сюда. Царевна поспѣшила сообщить о всемъ происшедшемъ султану Мураду. Старикъ султанъ очень обрадовался, увидя пропавшаго сына, а царевна взяла за руку царевича Хасана и объявила султану: «Вотъ этотъ царевичъ—мой женихъ, а не кто другой!»

Затѣмъ Хасанъ разсказалъ отцу, какъ онъ, при помощи волка, досталъ таинственныхъ птицъ, а себѣ невѣсту и желтаго коня, какъ выручилъ братьевъ изъ нищеты и какъ они коварно ослѣпили его и бросили погибать въ пустынь, а сами увезли птицъ, царевну и коня, какъ Аллахъ спасъ его отъ гибели и какъ, наконецъ, онъ вмѣстѣ съ волкомъ прибылъ домой. Султанъ, узнавъ о такомъ коварствѣ старшихъ своихъ сыновей, приказалъ позвать ихъ. Старшіе царевичи, увидя воротившагося Хасана здоровымъ и невредимымъ, во всемъ повинились предъ отцомъ, но султанъ-отецъ очень разгнѣвался на нихъ и осудилъ ихъ за такое злодѣяніе на смерть. Привели двухъ кобылицъ, привязали къ ихъ хвостамъ обоимъ старшимъ царевичей и погнали кобылицъ въ кустарникъ-колючку. Такъ братья-злодѣи погибли ужасною смертью: они были истерзаны въ куски.

Послѣ казни старшихъ братьевъ своихъ, царевичъ Хасанъ весело отпраздновалъ свою свадьбу съ царевной-красавицей. На его свадьбѣ пировалъ и волкъ, оказавшій ему столько услугъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Хасана, султанъ Мурадъ, за старостію лѣтъ, передалъ сыну управленіе своимъ царствомъ. Хасанъ принялъ правленіе изъ рукъ своего отца и, прочитавъ написанное на перьяхъ таинственныхъ птицъ *анка-кушъ*, узналъ всѣ человѣческія добродѣтели и мудро сталъ управлять царствомъ.

(Эта сказка записана ученикомъ VIII класса Ташкентской гимназіи П. Шерма-номъ, со словъ Наманганскаго сарта Дада-ходжи Басымбаева).

Царская дочь и Дивъ.

Жилъ-былъ царь, а у него была дочь-красавица. Когда дочь сдѣлалась невѣстой, царь задумалъ хитрую загадку: онъ раскормилъ блоху до того, что она разрослась и разтолстѣла, какъ верблюдъ. Царь зарѣзалъ блоху, снялъ съ нея кожу и объявилъ по всему своему царству: кто узнаетъ, чья это кожа, за того онъ выдастъ замужъ свою дочь. Всѣ жители его царства собрались во дворецъ по-смотреть, какая такая эта шкура, и женихамъ хотѣлось отгадать загадку, чтобы взять за себя замужъ красавицу царевну. Царь показавъ собравшемуся народу удивительную кожу; женихи старались отгадать, чья это кожа, но никто не могъ дать царю разгадки... И царь отпустилъ народъ по домамъ.

Послѣ того одинъ царскій рабъ отправился за водой и, когда черпалъ воду, сказалъ самъ себѣ: «Глупые! Не догадываются, что шкура снята съ блохи?» Подъ водой жилъ Дивъ. Онъ слышалъ, что сказалъ рабъ и на другой же день, подъ видомъ бѣднаго паршиваго нищаго, пришелъ во дворецъ къ царю. Подойдя къ воротамъ дворца, нищій сказалъ караульнымъ, стоявшимъ около воротъ: «Не выдастъ ли за меня царь дочь свою, если я узнаю, чья та шкура, которую онъ показывалъ народу?» Караульные отвѣчали нищему: «Какъ ты паршивый можешь разгадать, чья эта шкура, когда весь народъ не могъ этого узнать?» Сказавъ такъ, караульные прогнали нищаго прочь отъ дворца царскаго. Но Дивъ такимъ образомъ приходилъ еще три раза. Наконецъ, онъ надѣлъ слугамъ, и они доложили царю, что какой-то паршивый оборванецъ каждый день приходитъ ко дворцу и говорить, что можетъ узнать, чья эта шкура. Тогда царь приказалъ привести нищаго во дворецъ. Слуги ввели во дворецъ паршиваго человѣка; царь показалъ ему шкуру и спросилъ: чья эта шкура?» Паршивый отвѣчалъ: «Таксырь! это шкура блохи». Царь удивился и рассердился, что такой паршивый оборванецъ могъ отгадать царскую загадку, приказалъ выгнать его прочь и не выдалъ за него свою дочь. Оборотень-Дивъ ушелъ изъ дворца, но приходилъ къ царю еще нѣсколько разъ съ требованіемъ, чтобы царь выдалъ за него свою дочь, а за отказъ угрожалъ царю большимъ бѣдствіемъ. Но царь ни за что не соглашался выдать свою дочь за нищаго и паршиваго оборванца. Наконецъ, Дивъ рассердился и бросилъ шапку свою вверхъ. Тотчасъ небо потемнѣло, и все царство было 7 сутокъ покрыто тьмой, какъ ночью. Царь и весь народъ его очень уstraшились. Отъ страха царь, наконецъ, согласился выдать свою дочь за нищаго, если только онъ слѣдуетъ все попрежнему. Тогда Дивъ бросилъ шапку на землю, — и сразу во всемъ царствѣ сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Царь понялъ тогда, кто женихъ его дочери и сказалъ своей женѣ, что долженъ выдать замужъ дочь свою за Дива, а иначе все царство погибнетъ... Онъ приказалъ передать дочери, чтобы она выбрала себѣ въ приданое, что ей самой захочется, а самъ обѣщалъ выдать ей 40 рабовъ 40 рабынь и 40 ословъ золота. Мать опечалилась, но дѣлать было нечего: она передала слова царя дочери.

Наконецъ, прибылъ женихъ за своей невѣстой. Царевна стала горько плакать и даже не хотѣла ничего взять для себя изъ отцова имущества. Но царь и царица уговорили дочь не отказываться отъ добра, и она наконецъ согласилась и стала выбирать себѣ лошадей.

Въ конюшнѣ въ это время была одна небольшая лошадь-замухрышка. Она и говорить царевнѣ: «Бери меня и захвати съ собою зеркало, гребенку, соли и калямпурь-мунчакъ^{*)}). Все это тебѣ пригодится». Послушалась царевна и взяла эту лошадь, взяла и то, что лошадь указала. Царь приказалъ привести 40 рабовъ, 40 рабынь, 40 ословъ золота, простился съ дочерью и проводилъ ее съ женихомъ. Они ѣхали на разныхъ лошадяхъ.

Далеко царевна и Дивъ отъѣхали отъ царскаго дворца. Тогда Дивъ началъ ѣсть рабовъ, рабынь и ословъ царевны. Царевна испугалась, но лошадь тихо сказала царевнѣ: «Скажи своему мужу, чтобы онъ теперь ѣхалъ впереди и показывалъ бы тебѣ дорогу къ себѣ домой». Царевна сказала Диву, чтобы онъ ѣхалъ впереди. Дивъ послушался. Наконецъ, доѣхали они до одной пещеры. Дивъ зашелъ въ нее и началъ выбрасывать оттуда разные кости. Тогда лошадь сказала царевнѣ: «Видишь... Это—кости разныхъ людей, которыхъ Дивъ въ разное время поѣлъ. И тебя онъ тоже съѣстъ... Теперь ударь меня нагайкой посильнѣе, и я поскачу. Царевна ударила свою лошадь, и она поскакала съ большою быстротой черезъ горы и черезъ доли.

Когда Дивъ вышелъ изъ пещеры и увидѣлъ что царевны нѣтъ, то сталъ смотрѣть по сторонамъ и замѣтилъ, что она уже усакала далеко. Дивъ разсердился на царевну и сталъ дуть на небо...

Вслѣдствіе этого, тотчасъ же пошелъ снѣгъ и поднялся сильный буранъ. Буранъ затруднялъ путь царевнѣ, а Дивъ гнался за нею. Когда осталось немного разстоянія между царевной и имъ, то лошадь сказала царевнѣ, чтобы она бросила калямпурь-мунчакъ. Царевна бросила калямпурь-мунчакъ, и вдругъ между Дивомъ и царевною сдѣлалось разстояніе въ нѣсколько сотъ верстъ, и вся эта мѣстность покрылась густыми колючками. Дивъ остановился, такъ какъ не могъ пройти чрезъ колючки и сталъ кричать царевнѣ, какъ она здѣсь проѣхала. Царевна крикнула ему въ отвѣтъ, что она снимала съ себя всю одежду и тогда только прокатилась по этимъ колючкамъ. Дивъ послушалъ царевну, снялъ съ себя всю одежду и нагой покатился по колючкамъ. Колючки впились въ тѣло Дива и исцарапали его до крови. Дивъ остановился отъ боли, а въ это время царевна усакала очень далеко.

Дивъ отдохнулъ и снова началъ-было догонять царевну. Тогда лошадь велѣла царевнѣ выбросить на землю соль. Какъ только царевна выбросила соль, между Дивомъ и царевной

^{*)} Такъ называется гвоздика, издающая хорошій запахъ.

сдѣлалось разстояніе больше прежняго и все покрылось пескомъ и солью. Дивъ опять остановился и закричалъ царевнѣ: какъ ты проѣхала черезъ эти пески и солончаки? Царевна отвѣчала, что она по нимъ прокатилась безъ одежды. Дивъ снова снялъ съ себя одежду и покатился, какъ сказала царевна, по этимъ пескамъ и солончакамъ. Песокъ набивался въ расцарапанныя мѣста на тѣлѣ Дива, а соль разѣдала раны, и Дивъ испытывалъ нестерпимую боль, а потому и не могъ быстро катиться. Такимъ образомъ, пока Дивъ прокатился черезъ обширное пространство песковъ и солончаковъ, царевна ускакала еще дальше прежняго. Измученный Дивъ одѣлся, отдохнулъ и опять погнался за царевной и уже началъ было догонять ее, какъ лошадь велѣла царевнѣ выбросить на землю гребенку. Царевна выбросила гребенку, и между царевной и Дивомъ поднялась вдругъ громадная гора. Тогда Дивъ началъ кричать царевнѣ: какъ ты проѣхала черезъ эту гору?—Царевна отвѣчала, что она выдернула у себя два зуба и Одинъ зубъ употребила вмѣсто топора, а другой зубъ вмѣсто тиши *) и такимъ образомъ сдѣлала отверстіе и прошла черезъ это отверстіе. Тогда Дивъ выдернулъ у себя два зуба и вмѣсто топора и тиши началъ дѣлать отверстіе сквозь гору. Работа Дива продолжалась очень долго, но пока онъ прокопалъ въ горѣ отверстіе и прошелъ черезъ него, царевна ускакала далеко. Дивъ пустился въ погоню за царевной и когда сталъ догонять ее, лошадь велѣла царевнѣ бросить на землю зеркало... Царевна бросила зеркало, и тогда между ними образовалась широкая и быстрая рѣка. Дивъ остановился и закричалъ царевнѣ: какъ ты переѣхала черезъ рѣку?—Царевна отвѣчала Диву, что она привязала себѣ на шею большой камень и съ камнемъ переплыла черезъ рѣку. И Дивъ привязалъ себѣ камень и спустился въ рѣку, но тотчасъ тяжелый камень потянулъ Дива на дно рѣки.

Царевна продолжала ѣхать къ дому своего отца и наконецъ доѣхала до одной курганчи **). Тамъ она слѣзла съ лошади и отдохнула. Ворота курганчи были заперты, и царевна не посмѣла войти

*) Тиши — плоскій инструментъ сартовъ, состоящій изъ продолговатаго (3 вершка) и широкаго (1верш.) лезвія. Въ тупой конецъ желѣзи, перпендикулярно къ плоскости лезвія, вставляется тонкая рукоятка, длинной въ $\frac{1}{2}$ арш. Въ работѣ тиша замѣняетъ маленькій русскій топоръ. Н. О.

**) *Курганчи* булгавально означаютъ *крѣпостицу*. Такъ называется у сартовъ огороженное высокими глинобитными стѣнами четырехугольное пространство въ стѣни, внутри котораго есть жилье и мѣста для скота и вьючныхъ животныхъ. Чаше всего курганчи строятся на караванномъ пути и соотвѣтствуютъ русскимъ постояннымъ дворамъ въ селеніи. Н. О.

внутрь. Но скоро изъ степи возвратился старикъ-дровосѣкъ, хозяинъ курганчи. Онъ жилъ въ курганчѣ со своей старухой и ежедневно собиралъ по снопѣ сучьевъ и продавалъ ихъ за одну копейку. Царевна спросила у старика, нельзя ли ей съ лошадыю помѣстится въ курганчѣ. Старикъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ никого пустить къ себѣ безъ позволенія жены и хотѣлъ было идти къ женѣ на дворъ, но старуха, услыхавъ разговоръ за воротами, сама вышла, и царевна обратилась съ старухѣ: «нельзя ли мнѣ сегодня ночевать у васъ? Отъ меня вамъ польза будетъ, а вреда никакого вы не получите». Старуха согласилась, отворила ворота и указала царевнѣ сарай для лошади. Царевна привязала лошадь и сама всю ночь сидѣла около нея и караулила ее. Утромъ на другой день царевна сидѣла утомленная на солнцѣ, а затѣмъ прилегла и заснула.

Въ этотъ день въ сосѣднемъ лѣсу, гдѣ собиралъ старикъ сучья, царь охотился съ соколомъ за птицей. И случилось, что когда царь пустилъ своего сокола, то соколъ не погнался за птицей, а полетѣлъ на курганчу, гдѣ спала царевна. Царь разсердился на сокола и приказалъ своему слугѣ скакать въ ту сторону, куда улетѣлъ соколъ и поймать его. Слуга прискакалъ къ курганчѣ и увидѣлъ, что соколъ сидитъ на головѣ спящей красавицы.

Удивился царскій слуга, поскакалъ обратно къ царю и доложилъ ему, что при видѣ ея красоты чуть не впалъ въ обморокъ. «Не знаю», сказалъ слуга, «кто она такая—человѣкъ или пяр, но я не посмѣлъ подступить къ ней и снять съ ея головы сокола». Тогда самъ царь, разсерженный, поѣхалъ за соколомъ, но когда увидѣлъ красавицу, то упалъ безъ чувствъ... Въ это время царевна—красавица проснулась и убѣжала въ жилие къ старухѣ и научила ее такъ: «если этотъ всадникъ спроситъ, кто я такая, то отвѣчайте, что я ваша дочь». Старуха согласилась. Черезъ нѣсколько минутъ царь очнулся и видитъ, что красавицы нѣтъ. Онъ подумалъ, что во снѣ увидѣлъ такую красавицу, и затѣмъ отправился къ своей палаткѣ, гдѣ его дожидались визири и слуги. Царь подозвалъ къ себѣ одного визири и сказалъ ему: «Поѣзжай ты въ эту курганчу и спроси у хозяина-старика, нѣтъ ли у нихъ красавицы и не дочь ли она ихъ». Визирь пріѣхалъ въ курганчу и спросилъ у старика и старухи обо всемъ, какъ приказалъ царь. Старикъ и старуха отвѣчали: «эта красавица—наша дочь». Тогда визирь пріѣхалъ къ царю и доложилъ, что эта красавица—дочь хозяина курганчи. Царь очень обрадовался и опять послалъ визири къ старику спросить, не выдастъ ли онъ замужъ за царя свою дочь. Старикъ и старуха сказали: «мы обрадованы

словами царя, но дочь наша бѣдная». Визирь вернулся и доложилъ царю, что сказали старикъ и старуха. Тогда самъ царь отправился въ курганчу, взявъ съ собою красавицу-царевну, старика и старуху къ себѣ во дворецъ и сдѣлалъ пиръ на весь міръ. Пиръ продолжался сорокъ дней. По окончаніи пира царь женился на красавицѣ, а старика и старуху наградила очень щедро—далъ имъ 40 оловъ золота и драгоценныхъ вещей. Старики поблагодарили царя и возвратились въ свою курганчу.

Царь жилъ со своей царицей очень дружелюбно, такъ что и не разставался съ ней. Черезъ нѣсколько времени царица забеременѣла, и царь былъ радъ. Царь любилъ охоту и каждый годъ проводилъ на охотѣ восемь или девять мѣсяцевъ. И теперь царь собрался на охоту и сказалъ царицѣ: «я поѣду на охоту, а вы останетесь дома и потому прошу васъ, дайте мнѣ вашу лошадь. Царица отвѣчала согласіемъ, но сама пошла къ своей лошади и сказала: «тебя просить у меня царь, чтобы ѣхать на охоту. Что мнѣ дѣлать? я не хотѣла бы съ тобой разставаться». Тогда лошадь отвѣчала: «Не безпокойся, отдай меня царю; только выдерни у меня изъ гривы нѣсколько волосъ и спрячь: «если случится съ тобой какое несчастье, ты тогда зажги эти волосы, и я явлюсь къ тебѣ». Царица такъ и сдѣлала и со слезами на глазахъ простилась съ лошадыю.

Въ то время, когда царь уѣхалъ на охоту, Дивъ вышелъ изъ рѣки, гдѣ онъ потонулъ-было, и задумалъ отомстить царевнѣ. Долго онъ ходилъ по свѣту, отыскивая царевну и наконецъ пришелъ въ то царство, гдѣ жила царица, и поступилъ къ царю на мельницу. Когда царица родила двухъ сыновей-близнецовъ, народъ обрадовался. Радостную вѣсть о рожденіи двухъ сыновей послали съ гонцомъ къ царю. Но когда гонецъ проѣзжалъ мимо мельницы, Дивъ догадался объ этомъ и подулъ на небо...

Тотчасъ на небѣ появились тучи и пошелъ сильный дождь. Дивъ остановилъ гонца и попросилъ его зайти отъ дождя на мельницу и попить чаю, пока пройдетъ гроза. Гонецъ согласился. Когда стали пить чай, Дивъ всыпалъ въ стаканъ гонца сонный порошокъ. Гонецъ выпилъ свою чашку и тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, а Дивъ вынулъ у гонца изъ кармана письмо, прочиталъ его, разорвалъ, а вмѣсто того написалъ другое письмо, въ которомъ извѣщалъ царя, что царица родила кошку и собаку, запечаталъ это письмо и положилъ его въ карманъ гонцу. Затѣмъ Дивъ снова подулъ на небо,—и дождь пересталъ, небо прочистилось и засіяло солнце. Тогда Дивъ разбудилъ гонца и проводилъ его къ царю.

Пріѣхалъ гонецъ къ царю и передалъ ему письмо. Царь прочиталъ письмо, опечалился и пожалѣлъ жену. Въ отвѣтъ онъ написалъ въ свой дворецъ, что если она родила кошку и собаку, то не нужно тревожить царицу до его пріѣзда. Это письмо тотъ же гонецъ повезъ во дворецъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо мельницы, Дивъ подулъ на небо и пошелъ сильный снѣгъ. Дивъ вышелъ изъ мельницы и попросилъ гонца къ себѣ переждать непогоду. Тотъ остановился и опять Дивъ всыпалъ гонцу въ чашку сонный порошокъ. Гонецъ выпилъ свою чашку и крѣпко заснулъ. Тогда Дивъ взялъ письмо царя, прочиталъ его, порвалъ, а самъ написалъ письмо такого содержанія: «Возьмите мою жену и дѣтей, посадите задомъ на передъ на чернаго осла, намажьте имъ лицо сажей и такъ отправьте ихъ изъ дворца, куда пойдетъ осель; а если вы не исполните этого, тогда я весь городъ разстрѣляю». Народъ согласился исполнить приказаніе своего царя. Въ это время Дивъ обратился въ чернаго осла и проходилъ мимо дворца. Народъ, увидя чернаго осла, остановилъ его, посадилъ на него царицу съ дѣтьми, какъ было приказано царемъ, и такимъ образомъ Дивъ увезъ царицу за нѣсколько сотъ верстъ и на берегу рѣки остановился. Здѣсь онъ преобразился въ человѣка и сказалъ царицѣ: «ну, что ты теперь будешь дѣлать, паршивая? *) Сколько горя я потерпѣлъ черезъ тебя! Теперь я съѣмъ твоихъ дѣтей».

Тогда царица отвѣчала: «Если ты хочешь съѣсть моихъ дѣтей, то ихъ нужно съѣсть, какъ слѣдуетъ, то есть: сначала ты найди дровъ, приготовь изъ мяса дѣтей шашлыкъ, а потомъ уже съѣшь». Тогда Дивъ пошелъ собирать топливо въ полѣ, а царица въ это время зажгла волосы, выдернутые изъ гривы своей лошади. Тотчасъ лошадь явилась передъ ней и сказала: «Теперь я начну бороться съ Дивомъ, мы бросимся съ нимъ въ рѣку, а ты смотри: если появится на поверхности воды кровяная пѣна, тогда тебѣ плохо будетъ, а если появится бѣлая пѣна, ты будешь спасена навсегда». Возвратился Дивъ съ дровами, увидѣлъ около царицы лошадь и схватился съ нею.

Долго дралась лошадь съ Дивомъ и наконецъ упали они въ рѣку. Царица стала смотрѣть на воду и черезъ нѣсколько времени замѣтила на поверхности рѣки кровь. Царица испугалась и упала въ обморокъ, но скоро на водѣ показалась бѣлая пѣна. Царица обрадовалась этому и ждала, что будетъ дальше. Черезъ нѣсколько времени лошадь выплыла изъ воды и говорить: «Теперь ты спасена навсегда. Я задушила Дива. Теперь зарѣжь меня, потомъ брось голову мою въ

*) Выраженіе „паршивый“ (каль) считается у сартовъ очень обиднымъ. Н. О.

сторону, ноги разставь на четыре стороны, мои внутренности разбросай по сторонамъ, а подъ ребра сядь со своими ребятами»: Царица отвѣчала: «не могу и не желаю сдѣлать это; я никогда не разстанусь съ тобой».

Но лошадь сказала: «нельзя; такъ надо сдѣлать, какъ я говорю». Тогда царица исполнила все, что говорила лошадь: она бросила голову лошади въ сторону, ноги поставила по сторонамъ, потроха разбросала, а подъ ребра сѣла сама съ дѣтьми. Тогда изъ ногъ выросли золотые тополя съ изумрудными листьями, изъ потроховъ—селенія, поля, луга, изъ ребръ—золотой дворецъ, а изъ головы заструился быстрый ручей. Однимъ словомъ, вся эта мѣстность сдѣлалась настоящимъ раемъ. Здѣсь царица и поселилась. Дѣти ея выросли уже очень большими и стали ходить въ школу.

Но мы вернемся назадъ. Когда царь прибылъ домой и не нашелъ царицу съ дѣтьми, то разсердился на народъ, перестрѣлялъ всѣхъ жителей, а самъ сдѣлался почти сумасшедшимъ. Съ тоски отъ одиночества онъ, подъ видомъ дервиша, отправился разыскивать свою жену. Ходилъ онъ много лѣтъ и наконецъ пришелъ въ ту мѣстность, гдѣ жила царица съ дѣтьми, и залюбовался красотой того мѣста... Въ то же время служанка царицы вышла за водой къ ключу. Царь подошелъ къ ней и спросилъ: «Кто здѣсь живетъ?» Служанка отвѣчала, что здѣсь живетъ вдова-царица съ двумя сыновьями. Царь подумалъ про себя: не моя ли это жена? Онъ снялъ съ руки перстень, подаренный ему царицей, незамѣтно пустилъ его въ кувшинъ съ водой и сказалъ служанкѣ: «когда ты будешь подавать царицѣ воду умываться, то сначала лей по немногу, а когда она скажетъ тебѣ, чтобы ты лила какъ слѣдуетъ, тогда ты вылей остальную воду вдругъ». Въ это время дѣти пришли къ царицѣ и сказали, что около ручья сидитъ какой-то дервишъ и что ему надо что-нибудь подать. Служанка пришла и стала подавать царицѣ умываться. Она сдѣлала такъ, какъ ей сказалъ дервишъ. Тогда царица спросила: кто тамъ сидитъ? и послала служанку позвать къ себѣ этого дервиша. Когда служанка пошла за дервишемъ, царица отворила дверь и узнала, что это ея мужъ. И дервишъ узналъ царицу. Тогда они бросились другъ другу въ объятія и стали продолжать въ этомъ новомъ мѣстѣ свою жизнь счастливо и радостно.

(Сказка записана Ибнъ-Яминъ-Беконъ, сыномъ послѣдняго Командскаго Хана Худайра, со словъ своей матери).

Красавица Дуня-кызъ, Баба-Яга и царевичъ.

Въ древности у одного царя было три сына. Однажды царь опасно заболѣлъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ: «Дѣти мои! жизнь моя уже кончается; я долженъ переселиться изъ этого непостояннаго, преходящаго, міра въ міръ вѣчный, постоянный... Послѣ моей смерти вы, какъ наследники моего престола, должны будете управлять государствомъ; будьте же осмотрительны, справедливы, не обижайте народъ, покровительствуйте войнамъ и оказывайте помощь и содѣйствіе торговцамъ. Если вамъ захочется поохотиться, то поѣзжайте по западной сторонѣ царства, но берегитесь ѣздить въ восточную сторону его, такъ какъ дороги той стороны очень опасны: еще не было случая, чтобы кто возвратился изъ отправившихся туда. Будьте внимательны къ словамъ моимъ и строго держитесь моего завѣщанія». Вскорѣ потомъ царь умеръ и былъ похороненъ. По смерти царя высшіе сановники и визири, по общему желанію, избрали на царскій престолъ старшаго сына царя и, принявъ его подданство, отдались въ полную его власть.

Спустя нѣкоторое время молодой царь, утомившись отъ дѣлъ государственныхъ, захотѣлъ освѣжиться и отдохнуть. Съ этой цѣлью онъ вмѣстѣ со своими приближенными отправился на охоту. Два дня уже царь наслаждался прелестями охоты среди раздольныхъ лѣсовъ и полей; много дичи и звѣрей было убито царемъ и его приближенными: охотники уже направлялись къ дому. Вдругъ около царя пробѣжалъ сайгакъ, царь бросился за нимъ и сталъ его преслѣдовать. Сайгакъ все время бѣжалъ по направленію къ опасной восточной сторонѣ царства. Увлечшись охотой, царь забылъ предостереженіе отца и вслѣдъ за сайгакомъ заскакалъ въ самую глубину запрещенной стороны. Царь уже настигалъ сайгака и уже приготовился нанести ударъ ему, какъ сайгакъ перепрыгнулъ черезъ загородку убѣжалъ въ садъ, мимо котораго въ это время они пробѣгали. Не желая упустить изъ рукъ добычу, царь въѣхалъ въ садъ и продолжалъ преслѣдованіе, но здѣсь среди зелени и деревьевъ сайгакъ вдругъ скрылся изъ глазъ царя. Въ недоумѣніи, царь началъ искать животное по всѣмъ угламъ сада и вдругъ увидѣлъ предъ собою 40 котловъ, наполненныхъ шурпой и мясомъ. Около котловъ стояла страшная старуха, Баба-Яга, которая, въ присутствіи царя, быстро съѣла все, что было приготовлено въ 40 котлахъ.

Тутъ Баба-Яга увидала молодого царя. Царь низко поклонился ей. Старуха осмотрѣла его и сказала: «Эй ты, потомокъ Адама! если-бы ты не поклонился мнѣ, я однимъ глоткомъ проглотила бы тебя: кто ты? почему ты явился сюда безъ моего разрѣшенія? Какъ ты осмѣлился притти сюда, когда чрезъ мой садъ птицы не могутъ пролетать и человекъ не прохаживалъ: у птицы крылья, а у человека и звѣря ноти загораются! «Выслушавъ угрозы Бабы-Яги, царь сказалъ: «Бабушка! я—царь такого-то царства. Я былъ на охотѣ и увлекся преслѣдованіемъ сайгака, который бѣжалъ вотъ по этой дорогѣ и привелъ меня въ этотъ садъ; здѣсь онъ скрылся у меня изъ виду». Сайгакъ этотъ принадлежалъ Бабѣ-Ягѣ, а потому разсказъ о погонѣ царя за ея любимымъ сайгакомъ сильно разсердилъ Бабу-Ягу. Она велѣла царю подождать ея прихода, а сама пошла приготовить ему отравленную ядомъ похлебку (шурпа). Вскорѣ она возвратилась съ чашкою въ рукахъ и пригласила царя присѣсть и отвѣдать ея кушанья. Царь сильно проголодался и, не догадываясь о коварствѣ Бабы-Яги, взялъ ложку и началъ ѣсть похлебку, но послѣ первой-же ложки упалъ на землю и скоро испустилъ духъ.

Оставшаяся въ полѣ царская свита тщетно нѣсколько дней разыскивала пропавшаго безслѣдно царя своего и, не находя его нигдѣ, возвратилась въ городъ.

Сановники (визири) порѣшили, что царь погибъ на охотѣ, а потому согласились избрать на царство второго царевича. Они принесли бѣлую кошму, посадили на нее царевича и подняли его на кошмѣ, провозгласивъ царемъ.

Новый царь черезъ нѣкоторое время, по обычаю, подобно старшему брату, отправился на охоту. На охотѣ попался ему тотъ-же сайгакъ, который увлекъ его въ тотъ самый садъ, гдѣ погибъ его старшій братъ. Тамъ царь встрѣтилъ ту-же Бабу-Ягу, сидящую у 40 котловъ и быстро поѣдающую въ нихъ все приготовленное. И этого царя постигла та-же участь, что и старшаго брата.

Послѣ долгихъ поисковъ, сановники (визири) выбрали на царскій престолъ младшаго царевича. Черезъ нѣкоторое время и новый царь устроилъ охоту. На охотѣ съ нимъ повторилось то-же приключеніе, что и съ его старшими братьями: сайгакъ проводилъ его въ садъ, а тамъ онъ встрѣтилъ за ѣдой Бабу-Ягу. Баба-Яга, увидѣвъ его, спросила, зачѣмъ онъ явился, и царь объяснилъ причину. Баба-Яга лицемѣрно предложила ему отравленной похлебки. Но царевичъ былъ смѣтливѣе, нежели его погибшіе братья: онъ догадался, что Баба-Яга хочетъ отравить его, какъ отравила его братьевъ, и потому

на предложеніе злой старухи, царевичъ вѣжливо отвѣчалъ: «Бабушка! и никогда не видалъ, чтобы гость приступилъ къ кушанью прежде хозяйки; если ты хочешь угостить меня, то, какъ хозяйка дома, попробуй сначала сама, а затѣмъ пригласи и гостя». Волей-неволей Баба-Яга отвѣдала кушанья, чтобы показать примѣръ гостю, но тутъ ей и смерть пришла...

Царевичъ пошелъ смотрѣть садъ. Вдругъ поднялся сильный вихрь. Въ отдаленіи онъ увидѣлъ красавицу-дѣвушку, дочь Краснаго Дива. Она только что показалась и исчезла. Царевичъ съ одного взгляда влюбился въ нее и началъ разыскивать ее по саду. Въ поискахъ за красавицей онъ набрелъ на жилище Дива, который съ крикомъ и шумомъ злобно бросился на царевича, но царевичъ ухватилъ Дива за поясъ и началъ бороться съ нимъ. Они боролись цѣлыя сутки; наконецъ царевичъ поборолъ и покорилъ Краснаго Дива. Тогда Дивъ принялъ мусульманскую вѣру и сдѣлался покорнымъ царевичу.

Царевичъ вошелъ въ жилище Дива и сталъ совѣтываться съ нимъ о томъ, какъ увидѣть исчезнувшую изъ его глазъ красавицу. Дивъ сказалъ: «царевичъ! дѣвушку эту зовутъ «Дюнью-Кызъ»; она дочь Дива, но какъ достать ее, я не знаю. У меня есть старшій братъ Бѣлый Дивъ; онъ больше моего знаетъ и можетъ посовѣтовать тебѣ, какъ найти эту дѣвушку. Но смотри, царевичъ, добавилъ Дивъ; будь остороженъ: Бѣлый Дивъ сильнѣе меня и можетъ погубить тебя». — Царевичъ, уповая на Бога, отправился къ Бѣлому Диву.

Увидѣвъ царевича; Бѣлый Дивъ бросился на него, и между ними началась борьба, они боролись цѣлыхъ девять дней. Наконецъ царевичъ одолѣлъ Дива и спросилъ его, какъ достать красавицу. Бѣлый Дивъ сказалъ: «Царевичъ! какъ достать Дюнью-Кызъ, я не знаю; но у меня есть старшій братъ, Черный Дивъ; онъ больше меня знаетъ и можетъ тебѣ дать полезный совѣтъ»... Царевичъ отправился къ Черному Диву. Черезъ нѣсколько дней царевичъ прибылъ къ Черному Диву и не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидѣлъ самого Дива. Черный Дивъ былъ такъ великъ, что описать невозможно: ноги его, какъ тополя, ротъ какъ пещера, носъ какъ труба. Но не смотря на ростъ и силу Чернаго Дива, царевичу нужно было покорить этого Ифрита*), и царевичъ бросился на Дива, и они начали бороться. Боролись они 14 дней. На 15-й день царевичъ, собравъ всю силу и ловкость, поднялъ Ифрита обѣими руками на воздухъ и бро-

*) Имя главнаго демона, прислушавшаго Соломону (Корень 27, 39). Н. О.

1

силъ его отъ себя. Дивъ отлѣтъ на цѣлыя 20 саженой и замертво бухнулся на землю. Въ тотъ же моментъ царевичъ наскочилъ на Дива и вонзилъ ему въ шею кинжалъ. Дивъ принужденъ былъ сдаться и покорился царевичу, принявъ мусульманскую вѣру. Царевичъ разсказалъ ему о своемъ желаніи овладѣть Дюнѣй-Кызъ и просилъ Дива помочь ему. Ифритъ выслушалъ рѣчь царевича и сказалъ: «царевичъ! къ сожалѣнію, я не могу помочь твоему горю; но не далеко отсюда живетъ моя родная мать; она можетъ помочь тебѣ. Только ты не вступай съ ней въ борьбу. Тебѣ не одолѣть: она очень сильна; кромѣ того, она умѣетъ хорошо колдовать и можетъ превратить тебя во чтобы ни пожелала, а потому тебѣ не одолѣть ея. Если хочешь получить отъ нея помощь, будь съ ней вѣжливъ, скромнѣе; ты долженъ будешь служить ей, готовить ей обѣдъ въ 40 котлахъ и мести дворъ. Для этого возьми чинаровое дерево на кочергу и изъ цѣлаго вѣтви хвороста свяжи метлу. Кочергой ты будешь мѣшать огонь подъ котлами, а метлой мести дворъ. Такимъ образомъ ты покажешь ей свою *преданность*. Она оцѣнитъ твою усердную службу и спроситъ тебя, чего ты желаешь и съ какими цѣлями живешь у нея и служишь ей. Лишь только этимъ путемъ ты можешь достигъ своей цѣли». — Царевичъ внимательно выслушалъ совѣтъ Чернаго Дива и, не медля ни минуты, отправился къ Бабѣ-Ягѣ, матери дивовъ, и исполнилъ въ точности совѣтъ Чернаго Дива: царевичъ долго служилъ у Бабы-Яги, все время ожидая вниманія ея. Наконецъ вѣдьма, въ хорошемъ расположеніи духа, обратила свое вниманіе на царевича, подошла къ нему поближе, посмотрѣла на него и любовалась, какъ онъ усердно служилъ. «Зачѣмъ ты, потомокъ Адама, пришелъ сюда?» сказала она: — «что тебя побудило далеко такъ уйти и чего ты желаешь отъ меня?» Царевичъ разсказалъ. Вѣдьма выслушала разсказъ царевича со вниманіемъ и сказала: «о человѣкъ! достать Дюнью-Кызъ очень трудно; хотя городъ, въ которомъ она живетъ и недалеко отсюда, но видѣть ее нельзя; однако я могу въ свою очередь услужить тебѣ, человѣкъ, хорошимъ совѣтомъ; я поѣду туда вмѣстѣ съ тобой, а затѣмъ скажу, какъ поступать въ этомъ трудномъ дѣлѣ»...

Они проѣхали нѣсколько царствъ и наконецъ подъѣхали подъ стѣны того города, въ которомъ жила Дюнѣй-Кызъ. Старая вѣдьма научила царевича, какъ попасть въ спальню Дюнѣй-Кызъ. «Вотъ у нея тутъ конюшня», указала вѣдьма, «а въ конюшнѣ конь, Юзъ-Атъ. Ты вотъ здѣсь надъ фундаментомъ конюшни прокопай отверстіе и просунь свою голову; Юзъ-Атъ увидитъ тебя и заржетъ. Дюнѣй-Кызъ

навѣрно спать теперь: у ней сонъ длится 40 дней и 40 ночей и никто не можетъ разбудить ее, кромѣ Юзь-Ата. Когда же лошадь заржетъ, Дюнья-Кызъ проснется, встанетъ и будетъ смотрѣть. Въ то время ты долженъ спрятаться. Убѣдившись, что никого нѣтъ, она опять ляжетъ спать. Тогда ты снова выгляни, конь снова заржетъ, Дюнья-Кызъ опять встанетъ и выйдетъ. Такъ сдѣлай до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ она разсердится на Юзь-Ата и, не обращая никакого вниманія на ржаніе своего коня, крѣпко заснетъ. Тогда ты пролѣзешь въ конюшню, а оттуда можешь проникнуть въ ея спальню. Лишь только войдешь туда, схватись за ея 40 косъ. Она проснется и дастъ обѣщаніе быть твоею женою и поклянется тебѣ Аллахомъ; но ты не вѣрь ей и не выпускай изъ своихъ рукъ ея 40 косъ до тѣхъ поръ, пока она не поклянется своими 40 косами. Тогда ты можешь выпустить ея косы и повѣрить словамъ ея».

Царевичъ исполнилъ все въ точности, и Дюнья-Кызъ сдалась ему. На другой день она призвала двухъ мастеровъ-каменщиковъ и муллу. Каменщикамъ она велѣла выстроить домъ, а казій-мудла обвинялъ ихъ. Для новобрачныхъ настала счастливая жизнь. Черезъ нѣкоторое время царевичъ захотѣлъ поохотиться, отдохнуть, пролѣтриться и подышать свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ. Онъ отправился на охоту. Въ его отсутствіе Дюнья-Кызъ пошла къ рѣкѣ Дарьѣ вымыть свою голову. Къ тому-же мѣсту съ другой стороны Дарьи подошелъ и царевичъ. Во это время съ головы ея упалъ одинъ волосъ; Дюнья-Кызъ хотѣла схватить волосъ, но быстрое теченіе унесло его внизъ по Дарьѣ. Не могла она поймать волосъ и закричала царевичу, чтобы онъ помогъ ей. Но царевичъ, какъ ни старался, не могъ поймать ея волоса. Дюнья-Кызъ была сильно встревожена этимъ. Царевичъ старался успокоить ее. «Зачѣмъ ты такъ тревожишься изъ-за одного какого-то волоса?» говорилъ онъ ей. Дюнья-Кызъ отвѣчала: «это дурной знакъ; я боюсь, какъ бы насъ, или наше государство не постигло бѣдствіе; сердце мое ноетъ и предчувствуетъ бѣду». Оба они возвратились во дворецъ сильно встревоженными.

Тутъ сказка о Дюньѣ-Кызъ пока прерывается и начинается рассказъ о царѣ Чинъ-Мачинскаго (Китайскаго) царства. Этотъ государь уже давно былъ влюбленъ въ Дюньѣ-Кызъ по слухамъ, и разослалъ по своему государству указъ о томъ, что если кто-нибудь дастъ извѣстіе о мѣстѣ проживанія Дюньѣ-Кызъ, или кто достанетъ ему хотя одинъ волосъ съ ея головы, то царь обѣщалъ тому много награды. Предсказатели—знахари говорили царю, что, по выходѣ замужъ, Дюньѣ-Кызъ будетъ мыть свою голову на Дарьѣ и потеряетъ

одинъ волосъ съ головы; если волосъ ея попадетъ въ чьи-либо руки то она и сама должна попасть въ руки того человѣка...

Волосъ Дюньи-Кызъ теченіемъ Дарьи принесенъ былъ во владѣнія Китайскаго царя и былъ пойманъ старухой колдуньей. Хитрая старуха сразу догадалась, что этотъ волосъ съ головы Дюньи-Кызъ. Она отправилась во дворецъ и доложила о найденномъ волосѣ царю. Китайскій царь обрадовался и щедро вознаградила старуху. Потомъ онъ собралъ все свое войско и отправился по дорогѣ, ведущей къ городу Дюньи-Кызъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ съ войскомъ подъ стѣнами этого города. Дюньи-Кызъ, увидѣвъ несмѣтныя силы непріатели, осѣдлала своего коня Юзъ-Атъ, и одна выѣхала противъ многочисленныхъ враговъ. Много она победила ихъ мечемъ и потоптала конемъ, наконецъ устала и возвратилась домой. Нѣсколько разъ она такъ выѣзжала за стѣну города и по-богатырски билась съ непріателемъ, но окончательно одолѣть его не могла. Вотъ она осѣдлала другого коня Дю-Атъ и снова поскакала противъ враговъ. Нападеніе ея было такъ стремительно, что непріатель не могъ устоять противъ нея. Тогда царь Чинъ-Мачина сталъ совѣтоваться съ войскомъ, что дѣлать. Войско дало совѣтъ, чтобы царь немедленно разослалъ по царству Дюньи-Кизъ объявленіе о томъ, что если кто поможетъ ему, Китайскому царю, покорить Дюнью-Кызъ, то получить въ награду много золота и городовъ.

Въ царствѣ Дюньи-Кызъ жила старуха—вѣдьма. Узнавъ о объявленіи Чинмачинскаго царя, она тайкомъ прокралась къ нему въ станъ и сказала: «Царь! ты всѣмъ царямъ царь. Хотя ты и силенъ, но силой овладѣть Дюньей-Кызъ нельзя. Теперь ты долженъ отступить и переправить свои войска обратно черезъ Дарью. На той сторонѣ ты выберешь себѣ временно мѣсто и будешь ожидать, а я одна устрою это дѣло и приведу къ тебѣ красавицу». Китайскій царь сдѣлалъ все, что совѣтовала вѣдьма, а вѣдьма пошла къ Дюньи-Кизъ и напросилась къ ней прислужой въ домъ. Однажды въ разговоръ съ мужемъ Дюньи-Кызъ вспомнила о старухѣ и сказала ему: «я ненавижу эту старуху и боюсь, какъ-бы она не сдѣлала намъ зла; лучше было-бы ей отказать»... Но царевичъ не согласился и, стараясь успокоить жену, сказалъ ей: «зачѣмъ прогонять старуху? Она служить хорошо, а дурное что она можетъ съ нами сдѣлать»?... Однажды хитрая вѣдьма подошла къ Дюньи-Кизъ и, низко поклонившись, стояла передъ ней. Царица предложила ей сѣсть. Старуха сѣла возлѣ Дюньи-Кизи и начала разговоръ о житьи—бытьи. Въ разговоръ старуха обратилась къ Дюньи-Кизъ со слѣдующей рѣчью: «дочь

Дива! ты вышла замужъ за человѣка, но знаешь-ли ты кто онъ такой и изъ какого рода-племени! «Дюнья-Кызъ на это сказала: «до сихъ поръ между нами объ этомъ не было разговора». Тогда вѣдьма сказала царицѣ: «Если ты желаешь узнать всю правду, я могу научить тебя какъ поступить, чтобы вывѣдать отъ мужа все. Когда царь вернется съ охоты, ты должна притвориться грустной, беспокоящейся о чемъ-то. Тогда онъ, замѣтивъ твою грусть и беспокойство, спросить тебя о причинѣ грусти. На это ты самымъ печальнымъ голосомъ скажи: о, мой милый мужъ! мы поженились съ тобой уже давно, но до сихъ поръ я не смѣла спросить о томъ, кто ты такой, какого рода-племени; оставаясь часто одна въ домѣ, я сильно беспокоюсь и скучаю»... Если ты такъ отвѣтишь на вопросъ мужа, онъ откроется тебѣ», добавила старуха.

На другой день царевичъ пріѣхалъ съ охоты очень веселымъ и довольнымъ, но, увидѣвъ жену печальной, встревожился и спросилъ ее о причинѣ грусти. Дюнья-Кызъ сказала такъ, какъ научила ее старуха. На ея вопросъ онъ сказалъ: «я царевичъ изъ дальняго царства. Я оставилъ свое царство, богатство, почести, войско и изъ своего царства выѣхалъ лишь съ одной лошадью, одной нагайкой и съ однимъ вотъ этимъ кинжаломъ, въ которомъ и находится моя душа; пока кинжалъ въ моихъ рукахъ, никто не можетъ убить меня и забрать въ руки; но если этотъ кинжалъ будетъ вырванъ у меня изъ рукъ кѣмъ-либо, то я тотчасъ-же умру»...

Вѣдьма въ это время спряталась за дверью и выслушала рассказъ царевича. Она съ нетерпѣніемъ дожидалась ночи и, когда царевичъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, старуха осторожно прокралась къ нимъ въ спальню, похитила кинжалъ и бросила его въ колодезь. Царевичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, а Дюнья-Кызъ не догадывалась объ его смерти. На другой день вѣдьма въ заколдованномъ костюмѣ явилась къ царицѣ и сказала: «я вижу тебя, царица, скучной! Не угодило тебѣ будетъ сходить прогуляться по берегу Дарьи и насладиться вольнымъ воздухомъ, пока спитъ мужъ». Царица согласилась, и скоро онѣ обѣ вышли изъ города и подошли къ берегу Дарьи. Здѣсь вѣдьма сказала царицѣ: «хочешь, царица, я пройду по Дарьѣ, какъ по сухой дорогѣ?» Дюнья-Кызъ заинтересовалась и просила показать ей чудо. Старуха пошла по поверхности воды, какъ по землѣ; она прошла до противоположнаго берега и снова возвратилась къ царицѣ. Царица не мало дивилась хитростямъ старухи. Тогда старуха сказала ей: «если и ты хочешь походить по водѣ, то попробуй!» Удивленная Дюнья-Кызъ пожелала испытать. Тогда вѣдьма надѣла на нее закол-

дованное платье, и царица свободно пошла по водѣ, какъ по суху. Старуха повела ее къ той сторонѣ, гдѣ стояло войско Китайскаго царя. Воины, стоявшіе на стражѣ, взяли Дюнью-Кызъ и представили своему царю. Царь сильно обрадовался и щедро награди́лъ старуху, а самъ съ Дюнью-Кызъ и войсками отправился въ свое царство.

Дюнью-Кызъ сильно скучала и печалилась о царевичѣ, а царь Чини-Мачина сдѣлалъ ей предложеніе быть его женою. Но Дюнью-Кызъ просила отсрочки на шесть мѣсяцевъ. Она предчувствовала, что увидится еще со своимъ мужемъ-царевичемъ; она надѣялась освободиться отъ Китайскаго царя. Китайскій царь согласился на просьбу Дюнью-Кызъ и держалъ ее въ одной дворцовой комнатѣ.

Возвратимся теперь къ умершему царевичу и покореннымъ имъ тремъ Дидамъ: Красному, Бѣлому и Черному. Каждый изъ нихъ далъ царевичу по волосу и говорилъ: «если тебѣ будетъ нужна моя помощь, сожги этотъ волосъ, и я моментально явлюсь къ тебѣ». Царевичъ въ свою очередь указывалъ имъ на одну звѣзду, говоря: «если эта звѣзда исчезнетъ, то меня не будетъ на этомъ свѣтѣ». Теперь Дивы, не получая отъ него никакого извѣстія, вспомнили объ его сказаніи и вечеромъ искали ту звѣзду, на которую онъ указывалъ имъ, но не могли ее найти. Тогда они рѣшились всѣ вмѣстѣ отправиться въ царство Дюнью-Кызъ, чтобъ узнать о случившемся съ царевичемъ. Когда они прилетѣли ко дворцу Дюнью-Кызъ, то увидѣли, что царевичъ мертвъ и лежитъ въ спальнѣ. Они замѣтили, что его кинжала нѣтъ при немъ и посредствомъ волшебной силы достали кинжалъ изъ колодца и положили возлѣ умершаго царевича. Царевичъ всталъ, какъ-бы послѣ глубокаго сна, а Дивы рассказали ему о случившемся. И царевичъ рѣшился ѣхать въ Чини-Мачинское царство разыскивать свою любимую супругу. Проѣхавъ нѣсколько царствъ и государствъ, онъ достигъ столицы царя Чини-Мачина. Здѣсь онъ сѣлъ на одной улицѣ отдохнуть. Мимо него проходилъ юродивый (дивана). Царевичъ спросилъ его о новостяхъ. Дивана отвѣтилъ: «царь нашъ откуда-то привезъ красавицу, дочь духа, по имени Дюнью-Кызъ, на которой хочетъ жениться. Онъ уже сдѣлалъ ей предложеніе, но красавица не желала выходить за нашего царя и просила отсрочки на шесть мѣсяцевъ. Просьбу ея царь принялъ». Царевичъ, выслушавъ рассказъ диваны, обратился къ нему съ просьбой: «каляндаръ *), ты одѣнь мой царскій костюмъ, а свой каляндарскій дай мнѣ». Каляндаръ согласился, снялъ

*) Названіе дервишей въ Бухарѣ и Туркестанѣ. II. О.

свой костюмъ и отдалъ его царю, а самъ одѣлся въ одежды царя и пошелъ своей дорогой. Царевичъ въ видѣ каляндаря отправился во дворецъ и тамъ, за стѣною сада, въ которомъ жила Дюнья-Кызъ, уѣлся. Изъ сада вышла дѣвушка съ мѣднымъ (кунганъ) рукомоинникомъ въ рукахъ. Она зачерпнула воды изъ арыка и хотѣла итти обратно, какъ услышала, что кто-то зоветъ ее. Она оглянулась въ ту сторону, откуда ее звали, и увидѣла человѣка въ оборванной одеждѣ каляндаря. Взглядъ этого человѣка былъ настолько повелителенъ, что она не могла не послушаться, и подошла. Каляндарь спросилъ ее, куда она несетъ воду. Узнавъ, что эта дѣвушка несетъ воду для Дюньи-Кызъ, онъ разспросилъ ее о царицѣ. Потомъ онъ подошелъ къ служанкѣ и незамѣтно спустилъ въ рукомоинникъ свой перстень. Возвращая кунганъ, онъ сказалъ: «вотъ тебѣ кунганъ; когда ты будешь лить воду на руки госпожи, то сначала лей понемногу; она разсердится на тебя и прикажетъ лить больше. Тогда ты не бойся, лей всю воду сразу. Если ты сдѣлаешь такъ, то въ послѣдствіи будешь самой приближенной къ Дюньи-Кызъ дѣвушкой». Дѣвушка исполнила такъ, какъ научилъ ее нищій. Когда она вылила всю воду сразу, то изъ сосуда со звономъ выпало кольцо. Дюнья-Кызъ увидѣла, узнала кольцо своего мужа и спросила дѣвушку, откуда она достала это кольцо. Дѣвушка, не ожидая этого сама, смутилась, но потомъ рассказала царицѣ все, что съ ней случилось у арыка. Дюнья-Кызъ велѣла ей принести мѣшокъ золота, а сама пошла къ юродивому. Это, какъ она и предполагала, былъ ея мужъ, царевичъ умершій. Они обрадовались встрѣчѣ и возблагодарили Бога, возвратившаго имъ счастье. Потомъ они совѣтывались, какъ освободиться отъ Чини-Мачинскаго царя. Дюнья-Кызъ сказала: «ты приходи сюда ночью и будь вотъ здѣсь, а я запасусь одеждой и золотомъ и спущусь по канату черезъ стѣну». Затѣмъ она вернулась въ свою комнату и приготовилась къ побѣгу. Когда настала ночь, она захватила все необходимое и спустилась со стѣны; но увы! подъ стѣнами стояло 40 человѣкъ воровъ, а утомленный мужъ въ ту ночь спалъ, какъ убитый, на условномъ мѣстѣ. Воры схватили Дюньи-Кызъ и отобрали у нея все золото, а изъ-за нея самой у нихъ произошла ссора и драка. Дюнья-Кызъ видѣла это и знала, что дѣло окончится для нея несчастіемъ. Она обратилась къ разбойникамъ съ хитрымъ совѣтомъ: «Господа! я спущу стрѣлу изъ этого лука, и тотъ, кто изъ васъ принесетъ ее, тотъ и будетъ обладать мною». Разбойники согласились—побѣжали за пущенной Дюньей-Кызъ стрѣлой. Оставшись одна, Дюньи-Кызъ подрѣзала жилы у всѣхъ 40 коней,

взяла все цѣнное у воровъ, скрылась. Воры бѣжали за стрѣлкой цѣлую ночь и не могли найти. Вернувшись назадъ, они увидѣли, что вещи унесены, ноги у всѣхъ лошадей порѣзаны, а Дюнь-Кызъ и слѣдъ простылъ. Убѣжавъ отъ 40 разбойниковъ, Дюнь-Кызъ наткнулась на 7 воровъ; она вступила съ ними въ борьбу: одного изъ нихъ убила, а другіе, видя силу и храбрость ея, сами убѣжали.

Послѣ разныхъ приключеній и трудовъ, она дошла до одного великаго города. Въ этомъ городѣ былъ обычай послѣ смерти царя выпускать птицу «Хумаюнъ» (царскую птицу), и на кого изъ людей садилась эта птица, того и выбирали царемъ. Дюнь-Кызъ подошла къ городу во время избранія царя. Птица Хумаюнъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, сѣла на голову Дюнь-Кызъ. Народъ избралъ ее на царство. Царица очень мудро управляла своимъ царствомъ, и народъ благодѣйствовалъ и наслаждался спокойствіемъ подъ ея управленіемъ. Однажды Дюнь-Кызъ сняла съ себя портретъ и приказала вывѣсить его надъ городскими воротами. Около портрета она приставила стражу и велѣла ей хватать всякаго, кто съ удивленіемъ будетъ смотрѣть на этотъ портретъ. Въ одинъ день къ воротамъ подошли 40 человѣкъ разбойниковъ. Они удивились, увидя на портретѣ красавицу, бывшую у нихъ въ рукахъ. Стража схватила ихъ и посадила въ тюрьму. Послѣ къ воротамъ подошли 6 человѣкъ воровъ. Они то же удивились, увидя портретъ, и тоже были арестованы. Наконецъ послѣ долгихъ и напрасныхъ скитаній въ поискахъ за женой, къ городскимъ воротамъ подошелъ бывший царь и, увидя надъ воротами портретъ своей жены, упалъ въ обморокъ и былъ тоже взятъ караульщиками и арестованъ.

Въ одинъ день Дюнь-Кызъ призвала караульщиковъ и спросила ихъ: «былъ-ли кто удивленъ моимъ портретомъ»? Караульщики доложили ей объ арестованныхъ ими. Царица приказала ихъ привести къ себѣ. Арестованные были приведены. Дюнь-Кызъ изъ-подъ покрывала спросила сначала 40 разбойниковъ: «почему вы удивились, увидя портретъ надъ воротами»? Воры сказали: «насъ было сорокъ человѣкъ, и красавица эта была въ нашихъ рукахъ, но она обманула насъ и убѣжала. Мы вездѣ искали ее, но не могли найти и вдругъ увидали ея ликъ здѣсь на воротахъ и удивились». Затѣмъ были приведены 6 воровъ. Она также спросила ихъ, и тѣ отвѣтили на ея вопросъ: «Насъ было 7 человѣкъ; владѣтельница этого лика встрѣтилась съ нами, мы хотѣли взять ее въ руки, но она храбро дралась и одного изъ насъ убила, а мы, боясь ея, убѣжали отъ нея, но потомъ стали искать ее и вотъ здѣсь увидѣли ея портретъ».

Дюнья-Кызъ спросила: «не сдѣлали-ли вы ей какого-либо насилія»? «Нѣтъ! сказали воры въ одинъ годъ, даже рукой не дотрогивались». Дюнья-Кызъ освободила ихъ и подарила имъ по одному хорошему халату. Затѣмъ она велѣла принести царскую одежду, сняла съ мужа баляндарскую (дервишскую) одежду, надѣла на него одежду царскую и сказала: «вотъ ты выслушалъ рассказъ этихъ воровъ; они рассказали о знакомой тебѣ Дюньи-Кызъ. Ты думаешь, что навѣки потерялъ ее; но она еще не умерла, она жива». Сказавъ это, Дюнья-Кызъ сняла съ лица покрывало и, показывая себя, сказала: «вотъ она сама, Дюнья-Кызъ». Въмѣсто себя на царскій тронъ она посадила мужа и всенародно объявила себя женой вновь поставленнаго царя. Съ тѣхъ поръ они стали счастливо жить да поживать.

(Записана въ кышлавѣ Кябрай, близъ Ташкента, со словъ базарнаго торговца, въ 1892 г. въ августѣ, въ базарный день).

Джукъ-Батыръ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына. Самаго младшаго изъ нихъ звали Джукъ-батыромъ. У старика была кобыла, которая жеребилась каждый годъ, но только жеребенокъ ея каждый годъ пропадалъ. Пришелъ старшій сынъ и сказалъ: «Отецъ! я сегодня ночью постерегу и посмотрю, нельзя ли мнѣ получить жеребенка». Да, ступай, сынъ мой, сказалъ отецъ. Сынъ взялъ стрѣлы и лукъ и вошелъ въ конюшню. Насталъ вечеръ, наступила полночь. Онъ ждалъ, а все ничего нѣтъ: и кобыла не рожасть, и въ дверь никто не входитъ. Наконецъ сонъ одолѣлъ его, а со стороны кто-то вошелъ и унесъ жеребенка. Утромъ разсвѣло. Мулла прокричалъ азанъ. Царевичъ вышелъ изъ конюшни, волоча свой тулупъ. Отецъ сказалъ: «Ха, сынъ мой, что новаго»?—О отецъ! кобыла ожеребилась, но кто-то унесъ жеребенка, когда я спалъ, отвѣтилъ онъ.

Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ. Кобыла забеременѣла опять. Въ тотъ вечеръ, когда можно было сказать: завтра ожеребится кобыла,—средній сынъ сказалъ: «Отецъ! этотъ разъ позволь мнѣ пойти». Тотъ отвѣчалъ: твой старшій братъ что могъ сдѣлать? Что же ты сдѣлаешь?—«Да, отецъ я тоже хочу пойти

разъ и посмотрѣть. Если можно, я увижу». — Хорошо, ступай, дитя мое. — И сынъ пошелъ съ лукомъ и стрѣлами и вошелъ въ конюшню...

Пришла полночь, а за полуночью настало время зари. Онъ видѣлъ, что ничего нѣтъ: кобыла не родила... А когда онъ на одной сторонѣ конюшни заснулъ, на другой сторонѣ кобыла родила, но *ничто* вошло и унесло жеребенка. Разсвѣло и мулла прокричалъ азанъ. Волоча за собою тулупъ, царевичъ вышелъ. — Ха, сынъ мой! какво? — Да, отецъ мой! я не доглядѣлъ: кобыла родила, а *ничто* опять унесло жеребенка. Развѣ я не сказалъ: твой старшій братъ что сдѣлалъ? ты что сдѣлаешь?...

Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ. Кобыла опять забеременѣла. Этотъ разъ случилось Джулекъ-Батыру притти. «Отецъ, сказалъ онъ, позволь мнѣ: теперь я самъ пойду и посмотрю». «Ха, сынъ мой: твой старшій братъ что сдѣлалъ? Твой средній братъ что сдѣлалъ? Ты что можешь сдѣлать?» Онъ отвѣтилъ: позволишь ты или нѣтъ, но я пойду сегодня ночью и постерегу. — Да, сынъ мой, ступай, попробуй; тебѣ же придется лишиться сна; ты самъ знаешь, что тебѣ дѣлать.

Джулекъ пошелъ съ лукомъ и стрѣлами и вошелъ въ конюшню. Пришелъ вечеръ, пришла полночь, за полуночью пришло время зари. Его также клонило ко сну. Онъ досталъ изъ кармана ножикъ и сталъ рѣзать себѣ мизинецъ, да посыпалъ солью немного. Отъ жгучей боли его сонъ прошелъ. Онъ все высматривалъ, какъ вдругъ кобыла родила и одновременно съ этимъ въ дверь вошло *ничто* и подняло жеребенка. Джулекъ прицѣлился на обоихъ вмѣстѣ и выстрѣлилъ. Хвостъ жеребенка и мизинецъ Дива упали внизъ... Утро разсвѣло. Мулла прокричалъ азанъ. Джулекъ также выскочилъ на дворъ. Его отецъ сказалъ: «Ха, дитя мое, что новаго?» — Отецъ, сказалъ онъ, кобыла родила, а жеребенка *ничто*, вошедшее въ дверь, унесло. Я пустилъ стрѣлу черезъ обоихъ и отдѣлилъ хвостъ отъ жеребенка и мизинецъ отъ Дива. Ну — ка ступай и посмотри. — Отецъ сказалъ: я пойду посмотрѣть, какво мизинецъ Дива. Отецъ вошелъ въ дверь и увидѣлъ *ничто*, лежащее на землѣ, подобно трупъ верблюда. Если мизинецъ таковъ, сказалъ онъ, то сколь же страшень долженъ быть самъ Дивъ! Молодецъ, сынъ мой! молодецъ, сынъ мой! молодецъ, сынъ мой! И отецъ похлопалъ сына по плечу. «Отецъ, отвѣтилъ онъ: этимъ горемъ ты меня не остановишь. Если ты позволишь, я пойду за своимъ жеребенкомъ». Ха, сынъ мой! ты бѣлизна и зрачокъ моего глаза, ясность моего зрѣнія, сила моей души, единственный мой сынъ! На твоихъ двухъ братьевъ я не полагаюсь. — Ха, отецъ мой! разрѣшишь ты или нѣтъ, я уйду». Такъ прощай! сказалъ отецъ.

Безсильнымъ и безнадежнымъ онъ пошелъ. Онъ поджарилъ себѣ толокна, положилъ его въ сумку, принялъ благословеніе отъ отца и матери и пустился въ путь. Вдругъ онъ, къ величайшему удивленію своему, увидѣлъ своихъ двухъ братьевъ, бѣжавшихъ вслѣдъ за нимъ. Куда тебѣ дорога, Джулекъ? спросили они. Я иду за своимъ конемъ и я найду и приведу своего коня, сказалъ онъ. Два брата его рассуждали такъ: когда нашъ младшій братъ ушелъ, для чего же мы, старшіе братья, будемъ оставаться здѣсь?—И такъ они втроемъ пошли въ путь. Долго они шли. Много они отошли. Сорокъ дней и сорокъ ночей они прошли. Они дошли до развѣтвленія дороги, гдѣ посреди трехъ расходившихся дорогъ былъ камень съ надписью: «Кто пойдетъ направо,—придетъ; кто пойдетъ прямо—или придетъ или не придетъ; кто пойдетъ налѣво, не придетъ никогда». Старшій братъ пошелъ на дорогу, по которой приходилось притти назадъ; средній братъ пошелъ на дорогу, по которой приходилось или притти или нѣтъ, а Джулекъ-батыръ пошелъ на дорогу, по которой приходилось никогда не притти...

Оставимъ двоихъ братьевъ; пусть они себѣ идутъ. Послушайте о Джулекъ-батырѣ.

Онъ шелъ безостановочно сорокъ дней и сорокъ ночей и вышелъ на холмъ. Оттуда онъ оглянулся и увидалъ на разстояніи трехъ-дневнаго пути ограду сада. Онъ пошелъ туда и вошелъ въ садъ.

Этотъ садъ былъ такой, что ой, ой: вода стояла на клеверѣ^{*)}, а клеверъ колыхался надъ водою; плоды поспѣвали и падали кучами на землю; попуган говорили и соловьи пѣли; одѣяла постланы вездѣ, а на нихъ подушки съ пухомъ лебеда; шелковые ковры разостланы; въ котлѣ съ семью ручками пловъ сваренъ... Онъ совершилъ омовеніе, прочиталъ двѣ благодарственные молитвы и задумалъ прилечь поспать тамъ. Онъ уже положилъ голову на подушку, какъ одна прислужница, пошедшая за водою и наполнившая золотой кувшинъ, прошла мимо его. Когда она увидѣла юношу, лежащаго у берега пруда, то пустилась бѣжать и сказала своей госпожѣ изъ рода пяри: «У берега пруда лежитъ юноша. Не знаю, откуда онъ». Тогда, надѣвъ золотые башмаки, подперши свою тонкую талию и прикусивъ свою тонкую губу, пяри пошла потихоньку, словно говоря землѣ: если ты поблагодаришь, я ступлю, а если нѣтъ, я не ступлю. Пяри подошла къ берегу пруда и сказала юношѣ: «Ты цвѣтокъ какого сада? ты соловей какой лужайки? Что ты улетѣлъ изъ гнѣзда и прибылъ въ эти края? Здѣсь, когда муха пролетитъ, она обожжетъ себѣ крылья, а когда человѣкъ пройдетъ, онъ обожжетъ

^{*)} Себарга — „трилистникъ“.

себѣ ноги. Какъ ты, не побоявшись за свою голову, пришелъ сюда?» Онъ отвѣтилъ: Не говори во-первыхъ съ голоднымъ, а во-вторыхъ съ голымъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Я самъ и голодный; и голый, и усталый. Оставь всякій разговоръ и скажи, что мнѣ поѣсть. Она отвѣтила: «Передъ вами стоитъ сваренный въ котлѣ съ семью ручками пловъ; затѣмъ зайдите въ домъ, тамъ мясо семи барановъ изжарено, а затѣмъ войдите въ ту комнату, тамъ въ семи печахъ свѣже-испеченный хлѣбъ. Поѣшьте, чего хотите, досыта и выйдите, а затѣмъ поговорите». — Хорошо: онъ пловъ изъ котла съ семью ручками съѣлъ въ семь глотковъ, хлѣбы изъ семи печей съѣлъ въ семь глотковъ и даже соскребъ крошки, а потомъ вышелъ и сказалъ: о яри! есть ли еще у васъ запрятанный какой-нибудь кусокъ хлѣба? уголокъ моего живота остался голоднымъ. — О глупецъ, сказала она: развѣ ты съѣлъ всю пищу? — Женщина бываетъ глупа, отвѣчалъ онъ: развѣ ты не можешь войти и посмотреть? — Она пошла и увидѣла, что нѣтъ ни хлѣба, ни мяса, ни плова. Онъ спросилъ: Скажи мнѣ, чье это мѣсто? Она отвѣтила: Это мѣсто Чернаго Дива. Откуда онъ придетъ? спросилъ онъ. Вотъ отсюда, сказала она, изъ степи, съ острова онъ придетъ. Джулекъ пошелъ на дорогу Дива и спрятался подъ мостомъ. Вдругъ издали показался Дивъ. Онъ шелъ бурю, поднимая пыль столбомъ. Его конь отказался перейти черезъ мостъ. Развѣ ты чуешь Джулека, что не хочешь здѣсь перейти? сказалъ Дивъ. — Джулекъ-батыръ выскочилъ и сказалъ: Развѣ Джулекъ *) рабъ твоего отца? Что хочешь: стрѣльбы или борьбы въ-обхватъ! — Стрѣльбы хочешь твой отецъ; я хочу борьбы въ-обхватъ, отвѣтилъ Дивъ. Тотчасъ они спѣшились съ коней и обхватились. Джулекъ-батыръ поднялъ Дива, ударилъ о землю и отрубилъ ему голову. Онъ отрѣзалъ со лба коня Дива одинъ пучекъ волосъ и сказалъ: ступай, ты — конь моего старшаго брата. Затѣмъ онъ пошелъ дальше и опять прошелъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Онъ, волей Бога, пошелъ подошвой бѣлаго холма, заткнувъ подолъ за поясъ, запыхавъ свой пахъ и опять дошелъ до берега родника. Совершивъ омовеніе и прочитавъ двѣ благодарственные молитвы, Джулекъ оглянулся и увидѣлъ опять ограду сада. Онъ пошелъ туда, вошелъ и увидѣлъ, что передъ нимъ такой садъ, что Господи прости **): плоды созрѣвали и валились съ деревьевъ;

*) Джулекъ-батыръ обидѣлся, что его имя произнесли безъ слова батыръ.

**) „Тауба“, покаяніе! Восклицають при видѣ чего-либо необыкновеннаго. Это восклицаніе произошло отъ чувства страха при видѣ чего-нибудь дурнаго, но нынѣ употребляется, какъ выраженіе удивленія, при видѣ всякаго неожиданнаго или новаго предмета.

соловьи пѣли; попугаи говорили; вода стояла надъ клеверомъ, и клеверъ качался подъ водою; прудъ такой, какого нигдѣ нѣтъ; богатѣйшія сидѣнія представляли удобства.—Онъ подошелъ и легъ, чтобы уснуть. Онъ уже засыпалъ, какъ прислужница, пошедшая за водою и наполнившая золотой кувшинъ, увидѣла юношу. Она пошла и сказала пяри: «что вы думаете, госпожа моя; здѣсь у пруда лежитъ юноша». Та встала, надѣла золотые башмаки, подперла тонкую талію, прикусила сахаристыя губы и медленно подошла къ юношѣ. «Ахъ, юноша! сказала она: ты цвѣтокъ какого сада! ты соловей какой лужайки! Что ты, пролетая въ свое гнѣздо, опустился на это мѣсто? Здѣсь, когда летитъ муха, то обжигаетъ себѣ крылья, а когда проходятъ люди, то обжигаютъ себѣ ногти. Какъ ты, не убоявшись за свою голову, пришелъ сюда?—Онъ отвѣтилъ: Не разговаривай впервыхъ съ голоднымъ, а вовторыхъ съ нагимъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Голодный я самъ, нагой я самъ и усталый я самъ. Оставь разговоръ и скажи, что поѣсть.—Она отвѣтила: войди въ этотъ домъ,—тамъ въ котлѣ съ 14 ручками сваренъ пловъ; войди въ другой домъ, тамъ мясо 14 барановъ свѣжеизжарено, а въ третьемъ мѣстѣ, въ 14 печахъ, хлѣбъ испеченъ. Самъ знаешь мѣру своего желудка, поѣшь понемногу всего и выйди.—Джулекъ-батыръ вошелъ, поднялъ котелъ съ 14 ручками выше головы и выскребъ все до-чиста. Онъ вошелъ въ другой домъ и съѣлъ тамъ мясо 14 барановъ. Потомъ вошелъ въ третій домъ и съѣлъ хлѣбъ изъ 14 печей. Затѣмъ онъ вышелъ со словами: «Есть ли у тебя гдѣ-нибудь запрятанный кусочекъ хлѣба»? Она сказала: Глупецъ! развѣ ты съѣлъ всю уже пищу, что спрашиваешь еще? Онъ отвѣтилъ: женщины бываютъ глупы; развѣ ты не можешь пойти и посмотреть? Пяри вошла и увидѣла, что нѣтъ ни хлѣба, ни мяса, ни плова. Онъ спросилъ: чье это мѣсто? такъ какъ спрашивать не предосудительно! Она отвѣтила: Это мѣсто Бѣлаго Дива. Онъ спросилъ: откуда онъ придетъ? Вотъ, съ этой степи, съ острова придетъ. Какъ онъ придетъ? Она отвѣтила: Онъ придетъ въ снѣжномъ буранѣ.—Джулекъ-батыръ пошелъ Диву на встрѣчу и притаился подъ мостомъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ, пошелъ снѣгъ, сдѣлался буранъ,—и стало холодно. Псы Дива не хотѣли пробѣжать черезъ мостъ и остановились: «Э... изругался Дивъ и сказалъ: Отчего вы не хотите пойти черезъ мостъ? Развѣ вы почували Джулека? Тогда выскочилъ Джулекъ-батыръ, изругался и закричалъ: что нужно: стрѣльба или борьба? Дивъ отвѣтилъ: стрѣльба нужна твоему отцу, а мнѣ борьба. Они обхватились и держали другъ-друга три ночи и три дня. Наконецъ, Джулекъ

поднять Дива, ударилъ его о землю, отрѣзалъ ему голову, захватилъ его коня, поцѣловалъ коня въ обѣ щеки и сказалъ: «Ступай! ты будешь принадлежать моему второму брату».

Отсюда Джулекъ пошелъ. Сорокъ дней и сорокъ ночей онъ прошелъ и дошелъ опять до родника. Когда Джулекъ съ возвышенія кругомъ посмотрѣлъ, то замѣтилъ вдали ограду, всю золотую. Онъ туда пошелъ. Стѣны были изъ золота, ворота были Багдадскія, а петли были Соломоновы. Онъ отворилъ ворота, вошелъ и увидѣлъ, что Господи прости: деревья были золотыя; вода надъ клеверомъ, а клеверъ колыхался подъ водою; попугаи говорили, соловьи заунывно пѣли, плоды созрѣвали и падали кучами на землю... Онъ посмотрѣлъ въ сторону и увидѣлъ золотую бесѣдку, въ бесѣдкѣ тронъ, а на тронѣ неземную красавицу... Хорошо, сказалъ онъ, я здѣсь усну. Онъ прилегъ на одѣяло и подушку изъ лебяжьего пуха, и дремота уже овладѣла имъ, какъ онъ увидѣлъ прислужницу. Она держала въ рукѣ золотой кумганъ и наклонилась зачерпнуть воды изъ пруда, какъ вдругъ увидѣла юношу. Оставивъ кумганъ, она побѣжала въ бесѣдку и сказала пяри: «Госпожа моя! какой-то юноша лежитъ на землянкѣ. Я не знаю, откуда онъ пришелъ». Пяри вскочила съ мѣста, надѣла золотыя башмаки, подперла тонкую талію, прикусила сахаристую губу, прищурила темные глаза, потупила взоръ и пошла къ нему. Увидѣвъ его, она тотчасъ же влюбилась въ него. Она сказала: «Ха, юноша! ты цвѣтокъ какого сада? ты соловей какой лужайки? что на перелетѣ въ свое гнѣздо ты остановился въ этихъ мѣстахъ? Здѣсь, когда пролетитъ муха, то жжетъ крылья себѣ, а когда люди проходятъ, то жгутъ себѣ ногти. Какъ ты пришелъ, не убоявшись за свою голову?»—Онъ отвѣтилъ: не говори во-первыхъ съ голоднымъ, во-вторыхъ съ нагимъ и въ-третьихъ съ усталымъ. Голодный, нагой и усталый я самъ. Не говори о томъ и о семъ. Пусть весь разговоръ будетъ вращаться вокругъ одного предмета, именно около пищи. Она отвѣтила: «Войди въ эту комнату: въ котлѣ съ 40 ушками сваренъ пловъ; войди въ другую: тамъ мясо сорока барановъ изжарено; войди въ третью: тамъ въ 40 печахъ испеченъ хлѣбъ. Поѣшь, чего хочешь, досыта». Онъ сюда вошелъ и съѣлъ пловъ изъ котла съ 40 ушами; онъ туда вошелъ и съѣлъ мясо 40 барановъ; въ третье мѣсто вошелъ и съѣлъ хлѣбъ изъ 40 печей. Выходя, онъ опять сказалъ: Нѣтъ ли припрятаннаго кусочка хлѣба: уголокъ моего живота остался пустымъ. Она сказала: «О глупецъ! развѣ ты съѣлъ столько пищи! Онъ отвѣтилъ: Женщины бываютъ глупы. Коли не вѣришь, развѣ не можешь войти и посмотреть? Она вошла и увидѣла, что онъ съѣлъ все дочиста.

Это чье мѣсто? спросилъ Джулекъ.—Это мѣсто Краснаго Дива. Онъ спросилъ: откуда Дивъ придетъ! Вотъ отсюда, со степи и острова *). Есть озеро, на которомъ находится мостъ изъ пуль**). Черезъ этотъ мостъ онъ придетъ.—Въ какомъ видѣ онъ придетъ?—Онъ придетъ, зажигая ***) весь свѣтъ, накаливая землю, какъ горячее желѣзо, и сожжетъ оживленную тварь съ трескомъ ****). Хорошо.

Джулекъ пошелъ и притаился подъ мостомъ... Вдругъ воздухъ нагрѣлся, земля накалилась, какъ желѣзо, свѣтъ загорѣлся и живыя твари изжарились съ трескомъ. Это шелъ Дивъ. Конь его остановился передъ мостомъ. Э... грубо изругался Дивъ и сказалъ коню: развѣ ты зачуялъ запахъ Джулека, что не хочешь пройти черезъ мостъ! Дивъ ударилъ кеня нагайкою. Тогда выскочилъ Джулекъ-батыръ со словами: «Развѣ Джулекъ рабъ твоего отца, что ты не хочешь договорить его имя? Нужна ли тебѣ стрѣльба или борьба!» Дивъ спѣшился, и они охватили другъ друга. Семь дней и семь ночей они держали другъ друга. Они боролись, какъ львы, вцѣпились другъ въ друга, какъ тигры и вспахали землю, какъ нашію. Ни тотъ, ни другой не повалилъ противника. Наконецъ оба они захотѣли пить и выпустили другъ друга. Джулекъ-батыръ добѣжалъ первый до озера и выпилъ озеро, когда Дивъ только началъ пить. Дивъ не утолил своей жажды. Джулекъ-батыръ, вдоволь подкрѣпившись водою, возвратился, какъ левъ, раскрылъ руки и обхватилъ Дива. Онъ поднялъ Дива, бросилъ на землю, потомъ вскочилъ на его грудь и срубилъ его голову однимъ взмахомъ. «Вотъ, слава Богу! Я достигъ своей цѣли» сказалъ Джулекъ, тотчасъ же поцѣловалъ коня дважды въ лобъ и сѣлъ на него. Онъ приѣхалъ назадъ въ садъ и прожилъ нѣсколько дней съ яри. Потомъ Джулекъ-батыръ затосковалъ по родинѣ*****) и вздохнулъ. Она ска-

*) Хотя Джавира и значить островъ; но такъ какъ среднеазиатцы мало знакомы съ понятіемъ объ островѣ, то „Чуль и Джавира“, можетъ быть, представляются имъ уму какъ степь съ оазисомъ.

**) Пуль.—мѣдныя деньги, для ренны съ пуль (озеро). Кромѣ того, въ этой реннѣ побудила ассоціація вѣдъ между мостомъ и словомъ „пуль“, которое потаджикски значить мостъ. Впрочемъ, последнее значеніе для тюркскаго слушателя сказки стало уже непонятнымъ.

***). Свойства этихъ трехъ дивовъ представляютъ, безъ сомнѣнія, интересъ для знатока индійской мифологіи.

****). Трескъ мяса, жарящагося въ салѣ—гипербола.

*****). Эта мысль выражена въ подлинникѣ такъ: отцовская страна причинила ему хумаръ, то есть головную боль похмѣлья, отъ которой можно избавиться только новымъ принятіемъ напитка.

зада: О ты, съ котораго я хочу снять болѣзнь!*) Развѣ у тебя есть друзья лучше меня? Нѣтъ, отвѣтилъ онъ; но насъ было трое братьевъ, которые пустились въ путь вмѣстѣ. Изъ моихъ двухъ братьевъ одинъ пошелъ по дорогѣ, по которой возвращаются назадъ, другой по той, съ которой или возвращаются или нѣтъ, а я—по той, съ которой никогда не возвращаются. У меня есть матушка и батюшка. Я подумалъ о томъ, въ какомъ они теперь положеніи, а потому и вздохнулъ. Она спросила: Такъ ты хочешь уйти? Я уйду, сказалъ онъ. Онъ взялъ пяри, собралъ имущество, деньги и вещи и отправился въ путь. На пути онъ захватилъ пяри Бѣлаго Дива со всѣмъ ея имуществомъ, а дальше захватилъ и пяри Чернаго Дива съ ея имуществомъ.

Доѣхалъ Джулекъ до соединенія трехъ дорогъ и разбилъ тамъ свои три шатра. Около недѣли ждалъ онъ тамъ извѣстія о своихъ братьяхъ, но никакого извѣстія не пришло. Тогда онъ сѣлъ на своего темно-мускуснаго коня, взялъ съ собою одинъ хуржунъ**) золота и сказалъ тремъ пяримъ: «я уйду, а вы пока поживите здѣсь и остерегайтесь». Затѣмъ онъ поѣхалъ по дорогѣ, откуда возвращаются назадъ. Въѣхалъ онъ въ городъ и искалъ по всѣмъ базарамъ, по всѣмъ улицамъ, но нигдѣ не нашелъ слѣда братьевъ. Онъ наконецъ вошелъ въ лавку, гдѣ продавали варенныя бараньи головы. Войдя туда, онъ увидѣлъ своего старшаго брата, подкладывающаго дрова въ очагъ. Джулекъ-батыръ далъ хозяину бараньей головы одну теньгу и сказалъ: Братъ калляназъ!***) положи на одну теньгу бараньей головы и пришли съ человѣкомъ ко мнѣ туда-то. «Куда я пошлю этого нечистоплотнаго, поганнаго паршивца? Я самъ отнесу къ вамъ, душа моя, бекъ», сказалъ калляназъ. «Нѣтъ, пошлите съ вашимъ парнемъ». Хорошо, хорошо, душа моя, бекъ, сказалъ калляназъ, и послалъ на одну теньгу бараньей головы, убранной какъ можно лучше. Джулекъ-батыръ сказалъ брату: Садись и ѣшь самъ.—Э, душа моя, бекъ, сами кушайте въ удовольствіе свое.—«Недогадливый! мы пришли въ этотъ городъ поѣсть бараньей головы. Садись ѣшь. Вѣдь ты свою родину оставилъ для того, чтобы гдѣ-нибудь поѣсть бараньей головы». Тотъ сѣлъ и поѣлъ. «Сколько ты зарабатываешь каждый день у калляназа? спросилъ Джулекъ-батыръ. Братъ отвѣчалъ: Душа-бекъ мой! Иногда мы ѣдимъ двѣ лепешки, а иногда мы откладываемъ 6—8 пулей****).

*) Бываютъ случаи, когда люди, усердно ухаживающіе за больными, заражаются и умираютъ, между тѣмъ какъ больной выздоравливаетъ.

**) Дорожная переметная сума.

***) Продавецъ варенныхъ бараньихъ головъ.

****) Пуль $\frac{1}{8}$ копѣйки.

Джулекъ-батыръ сказалъ: Я тебѣ дамъ за каждый день 6 денегъ, если хочешь поступить ко мнѣ.—Очень хорошо, отвѣтилъ его братъ. Отнеси блюдо калляназу и приходи, сказалъ Джулекъ батыръ. Тотъ взялъ блюдо и разбилъ его о полъ со словами: пойдѣмъ! и выругался по адресу хозяина... Джулекъ-батыръ взялъ брата съ собою, повелъ его на базаръ, купилъ ему хорошую одежду, рубаху и штаны, а затѣмъ отсюда они направились на дорогу, съ которой или возвращаются или нѣтъ и пришли въ городъ. Джулекъ искалъ по улицамъ, по базару, по ригистану *), но нигдѣ не нашелъ второго брата и уже хотѣлъ было отказаться отъ поисковъ, какъ вздумалъ пойти на базаръ лепешекъ, чтобы поискать тамъ. Его братъ, оказалось, держалъ на головѣ корзину съ лепешками и кричалъ: одинъ кусокъ лепешекъ!**) Передъ Джулекъ-батыромъ собралось 28 продавцовъ лепешекъ, да еще мелюзга***). Братъ его тоже подбѣжалъ съ крикомъ: горячія лепешки, ой! горячія лепешки, ой! Онъ хлопнулъ двѣ лепешки одну о другую и сказалъ: эту возьмите, она испечена у отверстія печи, а то возьмите эту, она испечена въ задѣ печи. Байбача!****) на сколько денегъ вамъ надо лепешекъ? Джулекъ-батыръ отвѣтилъ ему: всѣ твои лепешки сколько стоятъ? «Господинъ, 5 денегъ». Джулекъ купилъ все за 2 теньги и спросилъ: Сколько зарабатываешь каждый день отъ продажи лепешекъ?—«Байбача! Иногда 12 пулей, а иногда 15 пулей». Джулекъ-батыръ сказалъ: я тебѣ дамъ каждый день 15 денегъ, если ты хочешь поступить ко мнѣ.—Очень хорошо, душа-бекъ мой, отвѣтилъ братъ. Отдай корзину хозяину, сказалъ Джулекъ-батыръ. Но братъ его, обругавшись по адресу сестры хозяина, бросилъ корзину черезъ крышу его дома и остался.

Джулекъ купилъ брату хорошую одежду,—и три брата пошли къ соединенію трехъ дорогъ. Братья увидѣли великолѣпные шатры, несмѣтное богатство, лошадей, равныхъ по числу бараньему помету. Къ шести обособленнымъ колыямъ были привязаны шесть богатырскихъ коней бедау*****), которые нетерпѣливо бѣгали вокругъ кольевъ и топтали землю. Насталъ вечеръ, затѣмъ ночь. Три пярй принесли три блюда плова и поставили передъ братьями. Во время ѣды Джулекъ-батыръ спросилъ: Добрые парни! вы откуда родомъ? Первымъ

*) Имя части Самаркандскаго базара.

**) Т. е. купить.

***) Бываетъ, что бѣдныя женщины и дѣти выносятъ на базаръ домашнія лепешки

****) Т. е. сынъ богача.

*****) Бедау—лобыла, которая никогда не жеребилась и потому отличается быстрымъ бѣгомъ, вообще хорошій конь (Будаговъ).

отвѣтилъ старшій братъ: я изъ такого-то города. Второй братъ сказалъ: я тоже изъ того города. Джулекъ-батыръ спросилъ: зачѣмъ вы пришли въ эту страну? Они сказали: Когда мы шли сюда, насъ было три брата, и мы пришли втроемъ къ разьединенію трехъ дорогъ. Одинъ изъ насъ пошелъ по дорогѣ, откуда возвращаются обратно, другой пошелъ по дорогѣ, откуда или возвращаются или нѣтъ, а самый младшій изъ насъ пошелъ туда, откуда не возвращаются вовсе. Теперь мы двое опять у мѣста соединенія дорогъ, но не знаемъ, живъ ли нашъ младшій братъ или нѣтъ. Джулекъ-батыръ спросилъ: Если вы увидите своего брата, узнаете ли вы его? Старшій братъ отвѣтилъ: пусть ослѣпнуть глаза того, который не узнаетъ своего младшаго брата. Джулекъ-батыръ спросилъ: Какая примѣта есть у вашего брата? Они отвѣтили: у него на лбу есть родинка, а на спинѣ—знакъ отъ пяти пальцевъ святого Алія. Джулекъ-батыръ тотчасъ снялъ шапку съ головы, и они увидѣли родинку на лбу. Онъ снялъ одежду и показалъ имъ также пять пальцевъ святого Алія. Они узнали брата, обняли его и спросили о его приключеніяхъ. Благодаря Бога и радуясь, они пошли спать.

Джулекъ-батыръ пошелъ спать въ шатеръ съ пярѣ, а два старшіе брата стали совѣщаться, говоря: Какъ мы покажемся теперь въ городъ отца. Нашъ младшій братъ совершилъ такіе подвиги, да еще и насъ разыскалъ. Что мы скажемъ своему отцу? Старшій братъ сказалъ: Братъ, за чѣмъ стало дѣло? Второй братъ отвѣтилъ: Братъ, это отъ тебя зависить. Старшій братъ сказалъ: если отъ меня зависить, то я возьму стальной мечъ нашего брата и привяжу его поперекъ входа лезвіемъ, внутрь шатра; ты сядь на лошадь и отъѣзжай въ одну сторону, а я отъѣду въ другую, потомъ мы вдругъ съ двухъ сторонъ съ крикомъ прискачемъ. Джулекъ выбѣжитъ изъ палатки, ногами наткнется на мечъ и разрѣжетъ себя на двѣ равныя половины. Тотъ сказалъ: хорошо. И они взяли двухъ лошадей и прискакали на нихъ съ крикомъ: Э, Джулекъ, вставай! ты прогорѣлъ, воры угнали весь твой скотъ! Джулекъ-батыръ вскочилъ отъ сладкаго сна, захотѣлъ разомъ выбѣжать въ дверь, какъ обѣ ноги его у колѣнъ были перерѣзаны мечемъ со свистомъ*). Онъ кувыркомъ упалъ безъ ногъ на землю. Аба!**) Братья! вы сдѣлали свое дѣло, и я остался здѣсь. Заколите мнѣ двухъ лошадей, положите мясо ихъ въ шкуру одной изъ нихъ, а изъ другой шкуры сдѣлайте турсукъ и налейте его водою. Братья

*) Въ подлинникѣ стоитъ звукоподражательное: чуртъ.

**) Это восклицаніе выражаетъ удивленіе и ужасъ.

согласились на это, зарѣзали двухъ лошадей, на которыхъ прискакали, положили мясо ихъ въ шкуру одной лошади, а изъ другой шкуры они сшили водоемный мѣхъ и наполнили его водою. Они положили это передъ Джулекомъ и ушли.

Оставимъ-те ихъ и послушаемъ-ка о Джулекъ-батырѣ.

Онъ лежалъ, далежалъ. Однажды онъ увидѣлъ, какъ слѣпой, преслѣдовалъ сайгу. То сайга бѣжала передъ слѣпымъ, то слѣпой бѣжалъ передъ сайгою. Тогда Джулекъ сказалъ: слѣпой! если ты хочешь поѣсть мяса, иди ко мнѣ. Слѣпой пришелъ, поѣлъ мяса и сталъ жить тамъ. Прошло нѣкоторое время. Однажды безрукій зрячій преслѣдовалъ сайгу. О, безрукій зрячій! сказалъ Джулекъ-батыръ: если ты хочешь поѣсть мяса, иди сюда. Тотъ пришелъ. Джулекъ-батыръ изъ своего лука застрѣлилъ сайгу. Они изжарили ее и стали ѣсть. Черезъ нѣкоторое время Джулекъ-батыръ сказалъ: отъ такого житья никакого толку нѣтъ, и онъ посоветовался съ безрукимъ и слѣпымъ о томъ, что предпринимать. Они сказали: ты старше; сдѣлай, что ты считаешь лучше. Тогда Джулекъ-батыръ сказалъ: подите вы въ городъ и достаньте одну дѣвицу, одинъ котелъ и прочіе необходимые предметы. Они пошли и привели дѣвицу съ котломъ и прочимъ добромъ. Они стали жить втроемъ и звали дѣвицу сестрою. Они нашли для нея кошку и сказали: если у тебя будетъ хоть одна только лепешка, ты ее должна дѣлить съ кошкою. Она сказала: хорошо!

По временамъ двое выходили на охоту, а дѣвица оставалась дома.

Разъ дѣвица подметала комнату и нашла изюминку. Она позвала кошку, но та не шла. Дѣвица съѣла изюминку. Какъ разъ тогда кошка пришла мяукая и спросила: что ты ѣшь такое? Дѣвица отвѣтила: я ничего не ѣмъ. «Если ты ничего не ѣла, зачѣмъ ты меня звала? Вѣдь ты жуешь сейчасъ», сказала кошка. Дѣвица отвѣтила: я нашла одну изюминку, для этого я тебя звала; но ты не шла, такъ я съѣла ее. Кошка озлобилась и, чтобы причинить дѣвицѣ побой отъ ея братьевъ, побѣжала къ очагу, разгребла золу, помочилась надъ горячими углями, потушила ихъ и, поднявъ хвостъ, убѣжала.

Когда время прихода братьевъ подошло, сестра поправила котелъ и хотѣла сварить пловъ къ приходу братьевъ, но когда стала раздувать угли, то увидала, что они потухли. Дѣвица тогда взошла на крышу дома и стала оглядываться. Она усмотрѣла выходившій изъ одного мѣста дымъ. Туда она и пошла. Это была большая пещера, откуда шелъ дымъ. Войдя въ пещеру, она увидѣла большой дворъ, а посреди двора старуха въ котлѣ съ 40 ушками жарила вшей и ѣла ихъ. «Ассаляму-алейкумъ, душа-мать!

сказала дѣвица. — Ва-а-лейкумъ-ассалямъ! Если-бы твой салямъ былъ неискренень, я бы тебя согнула вдвое и проглотила бы однимъ комкомъ. Дѣвица сказала: дай мнѣ, пожалуйста, уголька горячаго. Старуха сказала: просмотри мои волосы раза два; моя голова сильно зудить. Старуха положила свою голову на колѣни дѣвицы и сосала кровь*) дѣвицы, а потомъ сказала: довольно, дочь моя! и дала ей горсть жареныхъ вшей, а также кусокъ горячаго угля. Дѣвица пошла назадъ. Вши изъ ея подола высыпались на дорогу и, когда она дошла домой, всѣ они высыпались и выросли кустарникомъ. Она зажгла огонь подъ котломъ, сварила пловъ и накормила вечеромъ братьевъ.

Утромъ братья опять вышли на охоту, а въ полдень старуха пришла и сказала: Ха, дочь моя! чѣмъ ты занята? Ничѣмъ, мать, отвѣтила она. Посмотри мою голову раза два, сказала та. Дѣвица стала смотрѣть волосы старухи, а она пососала ея крови и ушла. Прошло нѣсколько дней. Джулекъ-батыръ замѣтилъ, что цвѣтъ лица дѣвицы мертвенный. Сестра! Что съ тобой сдѣлалось? спросилъ онъ. Дѣвица отвѣтила: ничего не сдѣлалось. Если ничего не случилось, то отъ мяса сайги ты должна бы пожирнѣть и покраснѣть, какъ пѣтухъ. «Ничего не случилось», сказала дѣвица. Джулекъ-батыръ сказалъ: «я убью тебя, если ты не скажешь! Можетъ быть одинъ изъ нихъ двоихъ или кто-нибудь со стороны обругалъ тебя»? Дѣвица отвѣтила: «Коли сказывать, такъ вотъ: разъ я подметала комнату и нашла изюминку. Я позвала кошку, но она не пришла и я съѣла изюмину. Тогда кошка пришла и спросила: Ха, что ты ѣшь? Я сказала: я ничего не ѣмъ. Кошка сказала: если ничего не ѣла, для чего ты меня позвала? Я сказала: я нашла одну изюмку и позвала тебя, но ты не пришла, и я съѣла ее. Тогда кошка осердилась и задумала причинить мнѣ побои со стороны моихъ братьевъ. Она побѣжала къ очагу, разгребла огонь и помочилась на него. Я пошла на крышу и оттуда увидѣла выходившій изъ земли дымъ. Я боялась вась и пошла туда. Дымъ выходилъ изъ большой пещеры въ степи. Я не знала, войти ли или нѣтъ, но я боялась вась и вошла. Я увидѣла посреди большой огады старуху, которая въ котлѣ съ сорока ручками жарила вшей. Со словами: «Ассалямъ-а-лейкумъ, мать душа!» вошла я. Она отвѣтила: алейкумъ-ассалямъ. Если-бы твой салямъ не былъ искреннимъ, я только два раза глотнула **) бы и въ одинъ

*) Въ сказкахъ много воспоминаній о ланнибалахъ. Въ одномъ киргизскомъ эпосѣ обидитель пьетъ кровь побѣжденнаго.

**) Яламабъ и корень глагола „ялама“ входитъ въ составъ слова Яламузъ (названіе Бабы-яги. Старуха въ сказкѣ и есть Яламузъ или Яламузъ — Кемпиръ.

разъ съѣла бы тебя. Я сказала: дай мнѣ кусочекъ горячаго угля, мать душа. Старуха сказала: просмотри мою голову раза два: она сильно чешется. Я стала смотрѣть волосы у старухи, а она положила свою голову на мои колѣни, и у меня по всему тѣлу пробѣжали мурашки... Довольно, дочь моя, сказала она, и дала мнѣ горсть жареныхъ вшей и маленькій кусочекъ угля. Пока я шла домой, жаренныя вши всѣ высыпались на дорогу и выросли кустарникомъ. По этой дорогѣ и приходитъ старуха каждый день и пьетъ мою кровь. Она запрещаетъ мнѣ сказывать вамъ, угрожая съѣсть меня, если я скажу. Тогда Джулекъ-батырь сказалъ: Зрячій—безрукій! ты крѣпко схвати старуху, когда она придетъ и позови меня: я ее накажу. Зрячій-безрукій стерегъ старуху. Старуха пришла и увидѣла, что гдѣ былъ одинъ человекъ, теперь двое и, оставивъ дѣвицу, кинулась на безрукаго, пососала его крови и ушла. Когда Джулекъ-батырь подошелъ, безрукій кричалъ: дадъ-бидадъ! *). Я не буду стеречь больше: она, вмѣсто дѣвицы, мою кровь сосала!..

Джулекъ-батырь сказалъ: Хорошо! Въ такомъ случаѣ, ты слѣпой, имѣющій руки, ты сегодня стереги и крѣпко схвати ее и зови меня... Я подойду... Пришла старуха и посмотрѣла, что вмѣсто одного человека сидятъ двое. Она тотчасъ же повалила слѣпое, имѣющаго руки, пососала его крови и ушла. Когда Джулекъ-батырь подошелъ, тотъ кричалъ: дадъ - бидадъ! Я не буду стеречь больше! Что же она сдѣлала тебѣ? спросилъ Джулекъ-батырь. Она положила ротъ на мое колѣно и пососала крови, такъ что по всей кожѣ у меня пробѣжали мурашки. Тогда Джулекъ-батырь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ вы оба уйдите въ такое-то мѣсто. Тамъ есть яма. Лягте въ яму. Когда старуха придетъ, я ее схвачу и позову васъ. Вы тогда приходите. Джулекъ приказалъ сестрѣ: «Согрѣй воду въ котлѣ и начни мыть мою рубаху. Когда придетъ старуха, скажи ей: мать—душа! когда я черпаю воды, некому подкладывать дрова въ очагъ; а когда я подкладываю дрова, некому черпать воды». А теперь вырой за дверью ямку.—Дѣвица вырыла ямку. Джулекъ-батырь спрятался тамъ и приказалъ дѣвицѣ закрыть отверстіе хворостомъ.

Было послѣполуночное время, когда старуха пришла. Дѣвица встала и сказала: Ассаламу-алейкумъ, мать душа! Мои глаза все время ждали человека: когда я черпаю воды, некому подкладывать дрова, а когда подкладываю дрова, некому черпать воды. Дай мнѣ чаши двѣ воды и положи немного дровъ въ очагъ. Старуха вошла внутрь къ очагу.

*) *Дадъ*—помощь, *бидадъ*—безпомощный. Эти два слова означаютъ: на помощь!

Тогда Джулекъ вскочилъ изъ ямы. Старуха закричала: айналай*), сынъ мой! я такъ давно уже ищу тебя и не могу найти! Онъ отвѣтилъ: Старуха! я изуродую тебя и осрамлю... Я употреблю хитрость свою противъ человѣка, прїѣхавшаго изъ-за горъ. Я не поддамся на эту штуку. Онъ схватилъ старуху и взялъ мечъ въ руку. Онъ потащилъ старуху за волосы и привязалъ волосами къ сорока кольямъ. Потомъ онъ позвалъ слѣпого, имѣющаго руки, и зрячаго безъ рукъ, а также и сестру и приказалъ старухѣ сначала проглотить сестру. Она проглотила. Потомъ приказалъ ей выкинуть сестру. Она выкинула. Тогда сестра его предстала красивою пярй, словно ее лицо отражало солнце. Потомъ онъ приказалъ старухѣ проглотить слѣпого, имѣющаго руки, и снова выкинуть. Слепой вышелъ зрячимъ. Затѣмъ онъ приказалъ проглотить и выкинуть зрячаго безрукаго. Безрукій вышелъ со здоровыми руками. Джулекъ-батырь сказалъ: Ха, братья! вы трое возьмете въ руки три меча. Когда она меня проглотитъ и не захочетъ выкинуть, то вы сейчасъ же отсѣките ей голову и разрубите ей все тѣло. Если вы промедлите немного даже, она меня переваритъ. Они обѣщали. Тогда Джулекъ-батырь приказалъ ей проглотить его. Она проглотила его, но выкинуть не хотѣла. Выкинь! кричали ей второй разъ. Старуха сидѣла, выпуча глаза: Тогда они тремя мечами разомъ ударили, отрубили голову и изрубили ее всю. Нигдѣ не было видно Джулекъ-батыря, покуда не раздался голосъ: мизинецъ, мизинецъ! Тотчасъ они разрѣзали мизинецъ и увидѣли, что Джулекъ-батырь выпалъ оттуда цѣлымъ со здоровыми ногами. А голова старухи покатилась со словами: еще я тебѣ задамъ! еще я теперь задамъ! Вслѣдъ за головою побѣждалъ Джулекъ-батырь, покуда голова не ушла въ большую пещеру. У входа въ нее Джулекъ остановился, посоветовался съ товарищами и бывшему слѣпому приказалъ взять съ собою мечъ и спуститься туда. Хорошо, сказалъ тотъ, привязалъ къ талии арканъ и спустился, но не дошелъ онъ до середины колодца, какъ отъ темноты его сердце сжалось. «Вай, я умеръ! вай, я прогорѣлъ!» закричалъ онъ. Его вытащили. Тогда бывшему безрукому сказалъ Джулекъ-батырь: ты, вѣдь, теперь уже не безъ рукъ, чтобы бояться спуститься... Хорошо, сказалъ онъ, привязалъ къ поясу арканъ, взялъ мечъ въ руки и спустился. Но онъ спустился не дальше половины, какъ также закричалъ: «дадъ бидадъ!» Его тоже вытянули. Джулекъ-батырь осердился и пошелъ самъ со словами: «хотя бы я закричалъ: я умеръ! или: я про-

*) Айналай и уруулай имѣютъ оба одно значеніе: «я вращаюсь около тебя» или однимъ словомъ: «я люблю тебя».

горѣть! не вытягивайте меня, а когда я достигну дна, то раскатаю веревку,—и тогда вытащите все, что я привяжу къ ней». Онъ крѣпко сжалъ вѣки и спустился, а сойдя на дно колодца, открылъ глаза и увидѣлъ словно полость купола. Онъ осмотрѣлся и увидѣлъ маленькую дверь. Пройдя черезъ нее, онъ очутился въ золотой залѣ, посреди которой пярн сидѣла передъ люлькой и качала голову въ люлькѣ. Джулекъ-батыръ воскликнулъ: Ха, пярн! что это такое ты дѣлаешь? Ничего, отвѣтила она. То, что въ люлькѣ, доводится тебѣ чѣмъ?—Въ люлькѣ голова старухи, отвѣтила она. На что она тебѣ? спросилъ онъ. Кто-то ее убилъ, а когда я прокачаю голову до сорока дней, она превратится опять въ прежняго человѣка, сказала пярн, и тогда старуха уничтожить своего убійцу и всю родню его до 70-й степени родства.

Погоди, я посмотрю, сказалъ Джулекъ-батыръ, и услышалъ, какъ голова въ люлькѣ бормочетъ: «я тебѣ задамъ! Я тебѣ задамъ!» Джулекъ-батыръ схватилъ голову за волосы, обернулъ ихъ вокругъ руки и сильно ударилъ голову о землю, а потомъ взялъ мечъ и разрубилъ ее на мельчайшіе куски. Отъ головы слѣда не осталось. Онъ спросилъ пярн: что ты скажешь? Она отвѣтила: пусть твоя болѣзнь ударить меня! *) Что же я скажу? Ты—мой, я—твоя. Богъ меня столько лѣтъ заставлялъ ждать тебя въ этомъ колодцѣ, а теперь онъ мнѣ далъ моего любезнаго. Съ этими словами она повела Джулека во внутренніе покои... Джулекъ-батыръ сказалъ: «Нѣтъ; пойми, что когда паверху цѣлыхъ три человѣка (два брата и одна сестра), я не могу проводить время здѣсь съ тобой». Пярн отвѣтила: хорошо, ты выходи, и я пойду за тобою. Джулекъ-батыръ сказалъ, что онъ не вѣритъ ей. Тогда она сказала: «Ай, Джулекъ-батыръ! пусть засохнетъ твое недовѣріе: если родной братъ увидить меня, то уже не позаботится о братѣ. Если къ тебѣ не спустятъ аркана, то ты войди въ эту дверь; въ той комнатѣ стоятъ два коня. Если ты сядешь на бѣлаго коня, ты выйдешь на бѣлый свѣтъ; если же ты сядешь на вороного коня, то ты провалишься черезъ семь пластовъ земли». Джулекъ-батыръ помѣстилъ пярн въ ящикъ, привязалъ его къ аркану, а потомъ качнулъ веревкою, и братья вытянули ящикъ на верхъ. Сдѣлавъ это, они сейчасъ же изъ любопытства открыли ящикъ и увидѣли пярн: ея лобъ—луна, ея глаза—два солнца. Сіяніе ея красоты могло освѣщать темную комнату. Названные братья забыли о Джулекѣ: Каждый желалъ овладѣть пярн, и они заспорили. Пярн взяла комъ земли,

*) Т. е. я готова пожертвовать собою для тебя.

дунула на него съ произнесеніемъ величайшаго имени Божія*) и ки-нула въ поле. Комъ земли обратился въ высокую глинобитную стѣну. Пяри взяла камень и сказала: «я буду принадлежать тому, кто пере-броситъ этотъ камень черезъ эту стѣну».

Пусть они здѣсь останутся пока и займуться бросаніемъ камня, а мы послушаемъ о Джулекъ-батырѣ.

Джулекъ увидѣлъ, что арканъ не спускается, обождалъ немного и потомъ, со словами: аба! слова пяри сбылись! пошелъ къ конямъ. Когда онъ разомъ распахнулъ дверь, два коня, подобные двумъ драконамъ, просунули морды, угрожая ему. Но онъ не убоился и вскочилъ на бѣлаго коня. Бѣлый конь подъ нимъ присѣлъ. Тогда онъ пересѣлъ на вороного коня. Вороной конь кувыркнулся и полетѣлъ внизъ черезъ семь пластовъ земныхъ...

Джулекъ ѣхалъ въ мірѣ мрака. Тамъ старикъ пахалъ волами.. Ассалыму-алейкумъ, отецъ-душа! сказалъ онъ старику. Валейкумъ-ассалыму! отвѣтилъ старикъ и прибавилъ тотчасъ: э дардъ, э, дамана **), э! «Въ чемъ дѣло, душа--отецъ?» спросилъ Джулекъ-батыръ. Сынъ мой, говори потише—потише». Отецъ, что такое здѣсь? спросилъ Джулекъ-батыръ. «Сынъ мой, здѣсь два тигра, которые, когда говорятъ громко, приходятъ и пожираютъ нашъ скотъ». Отецъ-душа, вы примете ли гостя? Да, сынъ мой, гость—подарокъ, отъ Бога ***). Отецъ! я уже столько дней хожу голодный. Вынесите мнѣ изъ дома блюдо каши ****) да лепешки двѣ, а я въ это время потихоньку буду пахать волами». Хорошо, сынъ мой, гони ихъ потихонечку, пока я пойду въ домъ поискать для васъ пищи». Джулекъ-батыръ взялъ палку пахаря и погналъ воловъ. Шаговъ черезъ триста онъ сталъ громко кричать на воловъ: бамъ кель, бамъ кель *****). Когда онъ такимъ образомъ прогналъ ихъ дважды вокругъ поля въ прямомъ и обратномъ направленіи, откуда ни возмись, два тигренка появились и грозили съѣсть и выпить все на пути. Джулекъ-батыръ оставилъ воловъ и взялъ тигрятъ за уши, положилъ на нихъ ярмо съ плугомъ и погналъ ихъ съ шумомъ и трескомъ. «Вы ли это, (прикрикивалъ онъ, погоняя ихъ палкою) которые, не давая человѣку времени мигнуть, пожирали скотъ его!»

*) Иси-азамъ. Это имя находится въ Коранѣ, но которое изъ эпитетовъ Бога въ Коранѣ есть иси азамъ, остается тайною.

**) Дардъ—боль. Дамана—подолозъ. Восхищенія эти, выражающія огорченія, больше употребительны у таджиковъ.

***) Пословица.

****) Аталя—мучной кисель или мучная каша.

*****) То есть: Поворачивай!

Прежде чѣмъ старикъ вынесъ пищу, Джулекъ вспахалъ три раза землю старика, да вдобавокъ еще земли нѣсколькихъ другихъ лицъ. Когда старикъ вышелъ, Джулекъ-батыръ сказалъ: о, отецъ душа, иди не бойся! Старикъ увидѣлъ, что воны пасутся и что Джулекъ-батыръ впрягъ двухъ тигровъ. Съ шерсти каждаго изъ нихъ потъ лился, какъ изъ кувшина.—Сынъ мой, не уставай*).—О отецъ, будь здоровъ.—Сынъ мой, ты молодецъ!...

Джулекъ-батыръ оставилъ плугъ и пошелъ ѣсть, внушивъ тигра-тамъ не трогать старика и всѣхъ его потомковъ и отпустилъ ихъ со словами: «Если вы ихъ тронете, я приду, хотя бы издалека, отрѣжу вамъ головы и уничтожу весь вашъ родъ» Старикъ тогда сказалъ: проси у меня, чего хочешь. Джулекъ-батыръ сказалъ: о дѣдъ! чего мнѣ просить у тебя? скажи мнѣ только, гдѣ выходъ на свѣтлый міръ. Старикъ отвѣтилъ: ступай къ царю этой страны: можетъ быть, онъ найдетъ средство....

Джулекъ-батыръ пустился въ путь къ царю. На пути онъ увидѣлъ, какъ одинъ человѣкъ въ черной палаткѣ привязалъ одну дѣвицу и одного барана и затѣмъ убѣжалъ. Джулекъ-батыръ тотчасъ вошелъ туда. Дѣвица сказала: «юноша! моя жизнь кончилась, моя смерть пришла... для этого я сюда пришла. Но ты не умирай изъ-за меня. Возвратись туда, откуда ты пришелъ. «Джулекъ-батыръ спросилъ: зачѣмъ тебя здѣсь привязали? Она отвѣтила: драконъ опустошаетъ страну моего отца. Ему каждый день отдаютъ одну дѣвицу. Уже, кромѣ меня, ни одной дѣвицы въ странѣ не осталось. Джулекъ-батыръ сказалъ: я посмотрю, но я уже давно не спалъ; я на твоихъ колѣняхъ нѣсколько посплю. Когда подойдетъ время дракону притти, разбуди меня. Джулекъ-батыръ спалъ крѣпко, когда драконъ подходилъ съ глазами, подобными факеламъ, притягивая все посредствомъ дыханія. Дѣвица никомъ образомъ не могла разбудить Джулекъ-батыра. Она задрожала и уронила слезу на глазъ Джулекъ-батыра. Глазъ его отъ ѣдкости слезы открылся. Онъ вскочилъ и крикнулъ: Ха! Дѣвица отвѣтила: вотъ онъ идетъ! «Если онъ идетъ, и мы готовы», сказалъ Джулекъ-батыръ и вышелъ. Драконъ сталъ притягивать его къ себѣ посредствомъ вдыханій. Джулекъ былъ втянутъ въ его ротъ и вышелъ изъ его тыла, разсѣвши дракона на двѣ половины. Онъ взялъ съ собою ремень изъ шкуры его и далъ дѣвицѣ для кармана, а самъ улегся спать и заснулъ спокойно...

Царь послалъ, чтобы кто-нибудь провѣдалъ его дочь, но никто не захотѣлъ. Тогда царь приказалъ привязать жившаго въ томъ городѣ труса къ хорошей лошади посредствомъ 40 арш. холста. Трусъ, крѣпко привязанный къ лошади, поплакалъ и выѣхалъ на дорогу,

*) Соответствуетъ русскому: Богъ помочь.

СИМУРГЪ (АНКА)

Изъ персид. сочин. „Маглимату-ль-афакъ.“

съ мечемъ въ рукѣ. Трусъ дрожа доѣхалъ до мертвaго дракона, мечемъ перерубилъ мату, вырѣзалъ изъ шкуры дракона ремень и поскакалъ съ нимъ назадъ, спрашивая суюнчи *) у царя. Царь сказалъ: привези дочь. Онъ привезъ и дочь. Царь устроилъ пиръ, чтобы выдать дочь за труса. Дочь сказала: отецъ! что вы такое устраиваете? Онъ сказалъ: я хочу выдать тебя за того, который убилъ дракона... Кто это такой? спросила она. Былъ здѣсь трусъ, онъ убилъ дракона, отвѣтилъ царь. — «Отецъ! и глупецъ же вы: человекъ, убившій дракона, лежитъ тамъ безъ движенія». Царь послалъ за Джулекъ-батыромъ и предложилъ ему дочь въ замужество. Джулекъ-батыръ сказалъ: на что мнѣ твоя дочь? я и царство и все имущество свое отдамъ тебѣ. На что мнѣ царство и все имущество твое? Царь сказалъ: проси, чего хочешь. Джулекъ сказалъ: вотъ чего я у тебя прошу: отправь меня на бѣлый свѣтъ. Царь отвѣтилъ: «Это совершенно невозможно для меня и для людей; развѣ только симургъ**) тебя вывезетъ. Эта птица находится подъ такою-то горою, у родника, въ гнѣздѣ, устроенномъ на чинарѣ***)».

Джулекъ пошелъ къ этому чинару, слѣзъ съ коня и заснулъ. Вдругъ онъ былъ разбуженъ крикомъ дѣтенышей симурга: «чирь-пиръ, чирь-пиръ», поднялъ голову и увидѣлъ дракона, ползущаго по направлению къ дереву извивающимся****) движеніемъ. Джулекъ вскочилъ, обнажилъ мечъ и разсѣкъ дракона на три—четыре куска, и бросилъ мясо птенцамъ симурга. Птенцы съѣли все, а голову дракона отложили для матери. Симургъ - птица прилетѣла и увидѣла что-то, лежащее подъ чинаромъ. «Аба! вотъ кто пожираетъ ежегодно моихъ птенцовъ... Я подниму и уроню надъ нимъ большую скалу, чтобы уничтожить его навсегда». И она принесла скалу. Тогда птенцы запищали: чирь-пиръ, пиръ-пиръ****). Птица сказала: я сначала провѣдаю моихъ птенцовъ и положила скалу на землю. «Ха, дѣти мои!

*) Подарокъ за сообщеніе радостной вѣсти.

**) Смотря рисунокъ.

***) Дерево платанъ.

****) Уразыбъ. Должно быть, ноги у дракона были коротки. Шиллеръ въ „борьбѣ съ дракономъ“ рисуетъ его на короткихъ ножкахъ.

****) Во всей этой сказкѣ Джулекъ-батыръ въ самыя опасныя минуты, гдѣ его мужество даже не помогло бы ему, выручается тѣми, которыми онъ оказывалъ услуги.

Въ чемъ дѣло?— «Мать! нашихъ братьевъ пожиралъ ежегодно драконъ, а этотъ юноша убилъ его и далъ намъ. Мы съѣли его и оставили тебѣ голову для знака». Симургъ съѣла голову, слетѣла съ чинара и держала крылья надъ головою Джулека для тѣни отъ солнца во время его сна. Джулекъ-батыръ проспалъ семь дней и семь ночей. Когда онъ всталъ, то замѣтилъ надъ головою совершенно черный покровъ. «Сынъ мой! не бойся, требуй отъ меня, чего хочешь». Коли требовать, то я хочу, чтобы ты вывезла меня на бѣлый свѣтъ. «Охъ, дитя! ты выбралъ мою слабую сторону; но такъ какъ ты сдѣлалъ добро, то и я тебѣ сдѣлаю добро. Ступай, заколи 40 жирныхъ лошадей, помѣсти мясо всѣхъ 40 въ шкуры двадцати изъ нихъ, а изъ шкуръ остальныхъ двадцати сшей мѣхи и налей ихъ водою». Онъ такъ и сдѣлалъ. Симургъ сказала: «закинь ихъ мнѣ на спину; когда я потребую воды, ты долженъ дать воды, а когда я потребую мяса, ты долженъ дать мяса».

Когда все было готово, они полетѣли. Симургъ, поднявшись вверхъ, потребовала воды. Онъ подалъ мяса. Она потребовала мяса. Онъ подалъ воды. Такъ онъ продолжалъ дѣлать. Мясо кончилось, а до выхода на бѣлый свѣтъ оставалось около разстоянія, на какое можно бить копьемъ. Джулекъ сказалъ: я не хочу, чтобы мы упали и разбились, и онъ вырѣзалъ кусокъ изъ своей ляшки*) и подалъ ей. Симургъ проглотила кусокъ и вылетѣла на свѣтъ, съѣла тамъ, и спросила: когда я требовала мяса, ты подавалъ воду, когда я требовала воды, ты подавалъ мяса; и мясо, которое ты подалъ мнѣ въ послѣдній разъ, было какое? Джулекъ сказалъ: нѣтъ, и мясо послѣднее было тоже мясо. Симургъ сказала: «нѣтъ, не то мясо; скажи правду, а то я тебя брошу въ мѣсто, еще темнѣе прежняго». Тогда Джулекъ-батыръ сказалъ: «Ты требовала мяса, я подавалъ воду; ты требовала воды, я подавалъ мясо. Когда мы были близко къ выходу, то мясо вышло все, и я вырѣзалъ кусокъ изъ своей ляжки». Откройся, я посмотрю. Джулекъ-батыръ открылъ ляжку. Симургъ приложила кусокъ мяса, который у нея еще хранился подъ языкомъ, на свое мѣсто, полизала, и оно срослось. «Ступай теперь; да откроетъ Богъ тебѣ путь». Джулекъ-батыръ дошелъ до того колодца, откуда онъ спустился, и увидѣлъ, что изъ трехъ человѣкъ двое стараются перекинуть камень черезъ стѣну и не могутъ. Третье лицо сидѣло. Джулекъ-батыръ подошелъ ближе и спросилъ: Добрые молодцы, что вы дѣлаете такое? Они отвѣтили: Эта пярй общала намъ выйти за того, кто кинетъ

*) Это же въ одной нѣмецкой сказкѣ. Симургъ тамъ называется Gruif.

камень черезъ эту стѣну, но ни одинъ изъ насъ не можетъ сдѣлать это. «Погодите, сказалъ Джулекъ-батырь: посмотримъ, могу ли я». Онъ бросилъ, и камень пролетѣлъ три аршина выше стѣны и упалъ внизъ за стѣною. «Ну что теперь, добрые молодцы»? Они отвѣтили: у насъ обѣщаніе одно и исполненіе одно*): пярй ваша.—Кто васъ привелъ сюда? спросилъ онъ. «У насъ былъ братъ, по имени Джулекъ-батырь, который далъ намъ руки и глаза, которыхъ у насъ не доставало; онъ спустился въ колодезь на веревкѣ, а тамъ привязалъ къ веревкѣ эту пярй. Мы здѣсь занимались, а бѣдный братъ нашъ вышелъ изъ памяти». Вы узнаете ли его, если увидите? При этомъ Джулекъ обнажилъ мечъ и сказалъ: «Изрубить ли васъ обоихъ на мѣстѣ? Какое зло я вамъ сдѣлалъ, что вы не спустили мнѣ арканъ? Но такъ какъ мы вмѣстѣ жили и ѣли хлѣбъ—соль, то я, въ уваженіе къ этому, отпущу васъ. Ступайте, откуда вы пришли».

Джулекъ-батырь взялъ съ собой пярй и пошелъ въ путь домой. Онъ шелъ долго и отошелъ далеко. Черезъ много дней и много ночей онъ дошелъ до родного города, вошелъ въ домъ отца и увидѣлъ тамъ приготовленія къ пиру. Въ 40 мѣстахъ котлы были уставлены. Онъ спросилъ у одного человѣка о причинѣ этихъ приготовленій. «Братья Джулекъ-батыра привезли съ дороги, откуда не возвращаются, трехъ пярй. Сегодня срокъ ожиданія прошелъ и вечеромъ пярй будутъ выданы». Хорошо, погодите, я попробую подложить огня, сказалъ Джулекъ-батырь. И онъ взялъ шипцы, но вмѣсто того, чтобы подложить янтака**), онъ сунулъ человѣка въ огонь. Прежде, чѣмъ можно было произнести: ана мана***), онъ сунулъ 40 человѣкъ въ 40 очаговъ. Тогда произошелъ безпорядокъ на пиру, люди стали шептаться: чу, чу! и всѣ убѣжали съ мѣста... Отецъ его, сидѣвшій въ углу, былъ слѣпой. Джулекъ-батырь слюною смочилъ его глаза, и глаза открылись. Мать также была слѣпая. Джулекъ смочилъ ея глаза сильною, и она прозрѣла. Поздоровавшись и поплакавши съ родителями, Джулекъ спросилъ: что случилось? Отецъ отвѣтилъ: твои братья сказали, что они шли по дорогѣ, съ которой не возвращаются, убили Дивовъ и приобрѣли столько богатствъ, но что о Джулекъ-батырѣ, который пошелъ по дорогѣ, съ которой возвращаются, нѣтъ вѣсти». Джулекъ-батырь позвалъ обоихъ братьевъ и сказалъ: «Не уставайте****)

*) Т. е. мы держимъ слово.

**) Янтакъ родъ кустарника, растущій въ степи.

***) Вотъ, вотъ!

****) Хармангъ! форма привѣтствія во время работы—Богъ помощь! Въ данномъ случаѣ привѣтствіе имѣетъ отгѣвномъ проівіа.

вы, пришедшіе съ дороги, съ которой не возвращаются, силачи такіе! Я ли продавалъ лепешки, сказалъ онъ, обращаясь къ среднему брату? Я ли сидѣлъ у очага калляназа, разжигая огонь и перебиваясь со дня на день сухою лепешкою и помонми? сказалъ онъ старшему. Не бойтесь вы Бога, не стыдитесь вы людей! Вы отрубили ноги такому человѣку, какъ я, предоставивъ его смерти въ степи. «Отецъ! сказалъ онъ дальше: кто изъ этого лука выстрѣлитъ въ цѣль, тотъ будетъ правъ. А кто не сможетъ выстрѣлить и убьетъ самъ себя, то не жалуйся на меня». Отецъ сказалъ: «хорошо, сынъ мой, стрѣляйте». Старшій братъ взялъ лукъ и стрѣлы и выстрѣлилъ. Стрѣла не попала въ цѣль, а возвратилась къ нему же и ударила въ лобъ. Онъ упалъ и умеръ. Стрѣляя, сказалъ онъ среднему брату. Тотъ также взялъ лукъ и стрѣлы и выстрѣлилъ. Стрѣла, не павши въ цѣль, возвратилась и убила его самого.

Джулекъ-батыръ тогда женился вторично на трехъ царь, задалъ пиръ, продолжавшійся 40 дней и 40 ночей, повеселилъ народъ и достигъ своей цѣли*).

Пусть добрый достигнетъ цѣли,

А злой останется въ стыдѣ (пословица).

А Джулекъ отъ чего-же будетъ оставаться въ стыду? Пусть и онъ достигнетъ цѣли, а вмѣстѣ съ нимъ и мы достигнемъ цѣли! Аминь! Царь міровъ!

(Эта сказка доставлена издателю А. Н. Вышнегорскимъ).

*) „Мураду мансадига йигти“, въ буквальный переводъ означаетъ: достигъ своей цѣли, а въ свободномъ переводѣ: зажилъ мирно. Стереотипная формула конца сказокъ.

Дочь купца и старикъ.

Въ одно время жилъ купецъ, по имени Кубла-баши. У Кубла-баши были одинъ сынъ и одна дочь. Матери ихъ на свѣтѣ уже не было. Потомъ собрались къ Кубла-баши купцы и сказали ему: «поѣдемъ въ городъ, называемый Кала *), торговать!» Кубла-баши удивился этому, сына взялъ съ собою, а дочь поручилъ одному знакомому своему старцу. Когда онъ и купцы уѣхали, дочь Кубла-баши стала жить и служить у старца.

Однажды старецъ всталъ и сказалъ: «съ кѣмъ же мнѣ играть и смѣяться, какъ не съ такою дѣвушкою?»... И вотъ, когда дѣвушка пришла къ нему и стала лить ему на руки воды, онъ схватилъ ее за руку. Но дѣвушка встала и сказала: «если Вы—нашъ старецъ, то можете ли исходить отъ старца такое дѣло?» Старецъ сказалъ: «воля моя играть съ тобою и смѣяться!» Дѣвица встала и въ гнѣвъ ударила старца рукою по головѣ и разбила ему голову. Старецъ отъ этого лишился чувствъ и свалился, а дѣвушка убѣжала. Старецъ потомъ пришелъ въ сознаніе и поднялся со своего мѣста. Послѣ этого купцы, уѣхавшіе въ городъ Калу, прибыли и остановились въ городѣ Кюканѣ. Кубла-баши написалъ къ старцу письмо и «прашивалъ: «благополучно ли проживаютъ нашъ старецъ и наша дочь?» Старецъ всталъ, прочиталъ письмо и написалъ отвѣтное письмо Кубла-баши. Кубла-баши прочиталъ письмо, въ которомъ старецъ говорилъ: «дочь твоя развратилась!» Тогда Кубла-баши всталъ и сказалъ: «какъ я поѣду въ этотъ самый городъ?...» Онъ сказалъ своему сыну: «ступай ты въ этотъ городъ, найди мою дочь, а свою младшую сестру, зарѣжь ее, возьми ложку крови и привези мнѣ; я выпью ее, успокою свое сердце и тогда поѣду въ свой городъ!» Сынъ Кубла-баши пріѣхалъ и нашелъ свою сестру, а когда вывелъ ее за городъ и хотѣлъ-было зарѣзать, подошелъ къ нему нищій странникъ. Странникъ сказалъ: «зачѣмъ тебѣ рѣзать ее? не рѣжь ее, а купи козленка, возьми у него ложку крови и отвези кровь своему отцу!» Сынъ взялъ козленка и зарѣзалъ, а кровь его отвезъ своему отцу. Отецъ выпилъ кровь и успокоился. Потомъ онъ направился прямо въ свой городъ. Пріѣхавъ въ свой городъ, онъ нашелъ старца, и оба стали спрашивать другъ друга о здоровьи и о родственникахъ.

*) Гор. Кала (Калахъ?)—древній городъ Ассиріи. П. О.

Дочь ушла раньше въ пустыню, гдѣ росъ чинаръ и текъ подъ чинаромъ ручеекъ. Дѣвушка пошла и попила изъ ручейка воды. Попивъ воды, она взобралась на верхушку чинара.

Въ это время сосѣдній царь со своими 40 молодцами выѣхалъ въ степь на охоту. Поохотясь, онъ ѣхалъ уже обратно и, подѣхавъ къ ручейку, остановился. Когда царь остановился у ручейка, взоры его упали на верхушку чинара, и онъ увидалъ дѣвушку, находившуюся на верхушкѣ чинара. Царь всталъ и сказалъ: «кто ты такая?» Дѣвица встала и сказала: «я—дочь Кубла-баши, купца нѣкоего города!» Царь всталъ и сказалъ: «я возьму тебя!» Снявъ дѣвушку съ чинара, царь увелъ ее къ себѣ домой. Привезши домой, онъ справилъ свадьбу и веселье и женился на ней. Тѣмъ временемъ прошло нѣсколько лѣтъ, нѣсколько времени. Богъ далъ ей сына и дочь. Впослѣдствіи, когда сынъ и дочь ея подросли, царь вышелъ однажды на улицу и сѣлъ тамъ. Въ это время съ громомъ проѣхали купцы. Услышавъ, какъ они съ громомъ проѣзжаютъ, царица вышла къ воротамъ и видитъ—ѣдетъ толпа купцовъ. Царицѣ на умъ пришелъ ея отецъ, и она пролила новыя слезы. Царь, стоя на улицѣ, замѣтилъ, какъ плачетъ его жена. Царь вошелъ въ домъ къ своей женѣ и сказалъ: «почему ты плачешь?» Жена встала и сказала: «я не плачу!» Царь всталъ и сказалъ: «почему же на твоихъ глазахъ замѣтны слезы?» Жена встала и сказала: «Когда я смотрѣла на верхъ дома, въ глазъ мнѣ попала соринка; потерла я свой глазъ, и изъ глазъ потекли слезы!» Царь опять всталъ и сказалъ: «нѣтъ, ты мнѣ это говоришь ложно!» Жена встала и сказала: «если говорить по правдѣ, мой отецъ—глава купцовъ. Видя, какъ проѣзжаютъ эти самые купцы, я вспомнила своего отца и прослезилась!» Затѣмъ царь всталъ и сказалъ: «если отпущу тебя въ городъ твоего отца, поѣдешь-ли?» Жена встала и сказала: «если отпустите, поѣду!»

У царя былъ младшій братъ. Позвалъ его царь и сказалъ: «запряги въ телѣгу коней!» Братъ пошолъ и запрягъ коней въ телѣгу. Царь усадилъ въ телѣгу свою жену съ сыномъ и дочерью и отправилъ ихъ къ ея отцу. Ѣдучи дорогою, братъ царя, поддавшись искушенію дьявола, сталъ замышлять въ своемъ сердцѣ грѣховное. Дьяволъ такъ подговаривалъ брата царя: «когда ѣдетъ въ телѣгѣ такая штука, съ кѣмъ же тебѣ играть и смѣяться, какъ не играть и не смѣяться съ нею?» Слѣдуя навѣстамъ дьявола, юноша впрыгнулъ въ телѣгу и крѣпко схватилъ царицу, жену брата, за руку. Царица встала и

сказала: «что ты дѣлаешь?» Братъ царя всталъ и сказалъ: «я хочу играть съ тобою и смѣяться?» Тогда царица встала и сказала: «если хочешь со мною играть и смѣяться, я спущусь на землю и очищу себя!» Братъ царя сказалъ царицѣ: «ладно!» и спустилъ ее на землю. Царица, спустившись на землю, пошла пѣшкомъ по большому арыку. Наткнувшись на тропинку, она пошла одна по направленію къ своему отцу. Юноша всталъ и сказалъ: «вернись назадъ; развѣ не сядешь въ телѣгу?» Царица остановилась и сказала: «я не сяду въ телѣгу, а пойду пѣшкомъ!» Тогда юноша сказалъ: «такъ я убью обоихъ твоихъ дѣтей!» Царица сказала: «если убьешь, твоя воля! если голова моя будетъ цѣла, то такихъ дѣтей нарожаю, сколько угодно!» Юноша, препираясь съ этою женщиною, убилъ обоихъ дѣтей ея, а потомъ повернулъ телѣгу и пріѣхалъ къ своему старшему брату. Царь спросилъ: «свезъ ли ихъ къ отцу?» Братъ его всталъ и сказалъ: «жена твоя оказалась развратною: дорогою поймали меня ея любовники и отняли у меня твою жену!». Услышавъ эти слова, царь опустилъ руки. Потомъ царь всталъ и сказалъ: «въ такомъ случаѣ я самъ отправлюсь за ней слѣдомъ!» И царь, отправившись за ней слѣдомъ, поѣхалъ къ отцу ея. Когда царь пріѣхалъ къ отцу своей жены, спросилъ: «приходила ли сюда твоя дочь?» Отецъ всталъ и сказалъ: «у меня дочери нѣтъ: я велѣлъ зарѣзать мою дочь, и кровь ея я выпилъ!» Услышавъ эти слова, царь удивился.

Отецъ жены царя, Кубла-баши женилъ теперь своего сына и готовился справлять свадьбу и веселіе, чтобы сочетать сына бракомъ. Желая посмотрѣть на свадьбу, остался тутъ и царь. Тогда и жена царя, идя по тропинкѣ, пришла къ городу, гдѣ жилъ ея отецъ, и отъ людей отца услышала, что собираются женить старшаго брата ея и готовятся къ свадьбѣ!» Царица, услышавъ эти слова отъ людей, опустила съ горя руки и сказала: «я пойду на свадьбу!» Когда она вышла на улицу и хотѣла было идти на свадьбу, пастухъ гналъ мимо овецъ. Царица сказала ему: «эй, пастухъ! не обмѣняешься ли со мною платьемъ и шапкою?» Пастухъ остановился и сказалъ: «обмѣняюсь!» Царица сняла свое платье и шапку и надѣла платье и шапку пастуха. Принявъ видъ пастуха и взявъ въ руку палку, пошла она къ тому самому повару, который готовилъ кушанья.

Нанявшись къ повару, она входила внутрь дома и выходила. Войдя внутрь дома, она посмотрѣла и увидѣла, что тамъ сидѣли: ея отецъ и старецъ, который хотѣлъ играть съ нею и смѣяться,

царь и дѣти. Увидѣвъ ихъ, она повернулась и пришла къ своему учителю-повару. Поваръ всталъ и сказалъ: «сиди ты вотъ тутъ, а я буду ходить къ нимъ!» Оставивъ ее, поваръ пошелъ къ гостямъ. Когда онъ вошелъ къ нимъ, хозяинъ пира, Кубла-баши всталъ и сказалъ: «ступай и приготовь кушанья мокмы!» Поваръ вышелъ оттуда, пришелъ къ своему ученику и сказалъ: «разожги въ очагѣ огонь, приготовимъ имъ кушанья мокмы!» Ученикъ сказалъ: «учитель, это кушанье я приготовлю самъ!» Учитель возразилъ: «это кушанье ты испортишь, тебѣ не сдѣлать его!» Ученикъ сказалъ: «я приготовлю это кушанье, какъ слѣдуетъ!»—«Ладно, въ такомъ случаѣ дѣлай!» сказалъ поваръ. Ученикъ приготовилъ это кушанье и понесъ его къ тѣмъ людямъ. Это кушанье одобрили отецъ, мужъ и старецъ, говоря: «хорошее кушанье!». По окончаніи обѣда, царь всталъ и сказалъ повару: «разскажи-ка хоть немного какую-нибудь повѣсть!» Поваренокъ—царица шепнула повару, встала и сказала: «эту повѣсть разскажу я!» Отецъ всталъ и сказалъ: «ты—пастухъ; развѣ ты сможешь разсказать намъ повѣсть!» Царь всталъ и сказалъ: «кому-же и разсказывать повѣсть, какъ не пастуху!» Отецъ всталъ и сказалъ: «въ такомъ случаѣ, пастухъ, разсказывай!» Пастухъ всталъ и сказалъ: «ладно, разскажу!» и сталъ разсказывать:

«Жилъ купецъ, по имени Кубла-баши. У него были одинъ сынъ и одна дочь. У этого же самого купца былъ также весьма близкій старецъ. Однажды купцы собрались къ Кубла-баши и сказали: «не поѣдешь ли въ городъ Кала?»—«Ладно!» отвѣчалъ Кубла-баши: «сына своего возьму съ собою; кому же оставлю свою дочь?» Говоря такъ, онъ недоумѣвалъ. Потомъ онъ взялъ за руки дочь и поручилъ ее старцу, а самъ вмѣстѣ съ купцами отправился въ городъ Кала. Дочь его стала жить и служить у старца. Однажды старецъ сказалъ: «хочу играть и смѣяться съ тобою!» и схватилъ ее за руку. Тогда дѣвица сказала: «Отпустите!» и долго дружески уговаривала своего старца. Но старецъ не отпускалъ ея, а схватилъ и держалъ крѣпко. Дѣвушка отъ гнѣва ударила старца по головѣ рукояйникомъ и разбила ему голову, а затѣмъ ушла отъ своего старца. Потомъ купцы вмѣстѣ съ ея отцомъ изъ того самаго города Кала пріѣхали въ городъ Коканъ и остановились. Живя въ городѣ Коканѣ, отецъ написалъ своему старцу письмо. Прочитавъ письмо, старецъ узналъ, что купецъ здоровъ и невредимъ. Старецъ также написалъ въ Коканъ письмо. Кубла-баши всталъ, прочиталъ и узналъ, что старецъ написалъ: «дочь твоя развратилась!» Тогда Кубла-баши отправилъ въ

свой городъ сына, говоря: «ступай, найди свою младшую сестру, зарѣжь ее и принеси мнѣ одну ложку крови ея!» Сынъ Кубла-баши выѣхалъ и пріѣхалъ въ свой городъ. У старца своего онъ спросилъ: «гдѣ моя сестра!» Старецъ всталъ и сказалъ: «сестра твоя развратилась: когда я нашелъ ее и повелъ домой, за нею показались ея любовники, побили меня, разбили мнѣ голову, а сестру твою увели!» Затѣмъ братъ сталъ разыскивать свою сестру и нашелъ ее. Нашедши свою сестру, братъ увелъ ее изъ города, думая зарѣзать. Потомъ пришелъ къ нему нищій-странникъ и сказалъ: «не рѣжь ея». И еще нищій сказалъ: «купи козленка, зарѣжь этого самаго козленка и ложку крови его отвези своему отцу!» Тогда онъ купилъ козленка, зарѣзалъ его и ложку крови его отвезъ своему отцу. Отецъ, выпилъ одну ложку крови, успокоилъ сердце и поѣхалъ въ свой городъ. Пріѣхавши въ городъ и повидавшись со старцемъ, Кубла-баши прибылъ домой и сталъ жить, ни разу не вспоминая о томъ, что упомянутая его дочь зарѣзана. Дочь же его, когда убѣжала отъ старца въ степь, увидала тамъ чинаръ, а подъ чинаромъ ручеекъ. Не останавливаясь у этого ручейка, дѣвушка взобралась на верхушку чинара. Потомъ подъѣхалъ къ чинару какой-то царь и спросилъ: «кто ты: пярй ли ты, или произшедшая отъ пярй? что ты за существо, сидящее здѣсь?» Дѣвушка сказала: «я существо человеческое, по волѣ Божіей сию здѣсь!» Царь сказалъ: «въ такомъ случаѣ Богъ Всевышній тебя судилъ мнѣ, а меня тебѣ!...»

Кончивши эту повѣсть и повѣдавши о себѣ, пастухъ снялъ съ себя шапку и, показавши, что онъ—дѣвушка, вышелъ вонъ. Кубла-баши, понявши, что это—дѣвушка—его дочь, поднялся со своего мѣста и обезглавилъ близкаго ему старца. Потомъ онъ снова справилъ пиръ и веселіе, снова отдалъ свою дочь за-мужъ за вышеупомяну-таго царя.

Проживши долго ли, коротко ли, всѣ достигли желанія (т. е. спокойно оставили сей бранный міръ).

(Эта сказка записана со словъ Маргеланскаго сарта Н. Н. Пантусовымъ и перепечатывается здѣсь съ его разрѣшенія съ нѣкоторыми измѣненіями въ редакціи).

ДОПОЛНЕНІЯ.

І. Разсказъ Ташкенскаго туземца Муллы Абдуль-Халима (Куся-ванъ) о происхожденіи демоновъ

Есть преданіе, что однажды Абдулла Ибнъ-Мас'удъ, сподвижникъ пророка Мухаммеда, спросилъ его: «Земля на чемъ утверждена?» Пророкъ отвѣтилъ: «Богъ Всевышній сотворилъ одного быка, у котораго отъ головы до конца хвоста—пять сотъ лѣтъ пути, а разстояніе между двумя рогами его—двѣсти пятьдесятъ лѣтъ. Земля утверждена на одномъ рогѣ этого быка. Однажды шайтанъ проникъ въ ухо быка и сказалъ: «Какъ поживаешь?» Быкъ отвѣтилъ: «Милосердый Господь наложилъ на меня одну большую тяжесть, а что это такое,—я не знаю». Шайтанъ сказалъ: «На тебя поставлена земля, а изъ нея появятся осмнадцать тысячъ міровъ, и ты не будешь въ состояніи выдержать такой тяжести. Воспользуйся настоящимъ положеніемъ и сбрось съ себя эту тяжесть.» Быкъ поддался искушенію шайтана и мотнулъ головой, чтобы тряхнуть рогомъ и сбросить землю. Тогда Милосердый Господь повелѣлъ одной мухѣ: «Поди заползи въ носъ къ быку и ужаль его». Муха заползла въ носъ къ быку, ужалила его и оставила ядъ: тогда быкъ *заревѣлъ* громкимъ голосомъ и потому сталъ называться *«ревуномъ»* (бакаръ). Милосердый Господь сказалъ: «Гы согласился на слова шайтана и обнаружилъ нетерпѣніе; за это Я далъ власть надъ тобою мухѣ, и она будетъ кусать тебя до самаго воскресенія мертвыхъ; какъ скоро ты такимъ образомъ окажешься непослушнымъ, то всякій разъ муха будетъ ядовито жалить тебя».—Въ настоящее время причиною землетрясеній служить то, что быкъ, какъ припомнить искушеніе шайтана, то и хочетъ сбросить съ себя землю. Земля тогда начинаетъ трястись, но вышеупомянутая муха тотчасъ кусаетъ быка, и онъ успокаивается.

Еще тотъ-же Абдулла Ибнъ-Мас'удъ спросилъ: «На чемъ стоятъ четыре ноги этого быка?» Пророкъ отвѣтилъ: «Премудрый Господь сотворилъ одну рыбу, у которой отъ головы до хвоста пятьсотъ лѣтъ пути. Ноги быка стоятъ на этой рыбѣ». Ибнъ-Мас'удъ спросилъ: «А рыба эта на чемъ?» Пророкъ отвѣтилъ: «На водѣ».—«А вода на чемъ?» —Отвѣтъ: «На вѣтрѣ».—«А вѣтеръ гдѣ?»—Отвѣтъ: «Надъ

адамъ». — «А адъ на чемъ?» Пророкъ отвѣтилъ: «Адъ—въ одномъ блюдѣ». — «А это блюдо на чемъ?» — «Въ рукѣ одного ангела». — «А этотъ ангелъ на чемъ?» — Пророкъ отвѣтилъ: «На червѣ, а имя того ангела «Дарьяилъ». — «Гдѣ находится этотъ ангелъ?» — Отвѣтъ: «Подъ седьмымъ ярусомъ ада».

Въ еедьмомъ ярусѣ ада Богъ Милосердый сотворилъ изъ огня волчицу, по имени *Нимлисъ*, и тигра, по имени *Хыблисъ*, и повелѣлъ имъ быть, какъ мужу съ женой, — и они сдѣлались супругами. Родился у нихъ первый ребенокъ, они дали ему имя *Иблисъ*. И еще дочь, по имени — *Джинна*. Во второй разъ родился сынъ, которому имя — *Дивъ*, а послѣ него дочь, которую назвали *Аджина*. Въ третій разъ родился сынъ, которому дали имя *Шайтанъ*, и дочь, имя которой было — *Албасты*. И такъ далѣе, потомство ихъ размножилось. — Въ Коранѣ, въ главѣ «Милостивый» (55) сказано, что джинны сотворены изъ огня.

Богъ сказалъ Нимлисѣ и Хиблису: «Пережените другъ на другъ своихъ дѣтей, которыя не рождались двойнями». Отецъ и мать Иблиса сказали сыну: «Ты бери за себя Албасту», а Иблисъ не послушался и сказалъ: «Я возьму за себя Аджину, а Албасту не возьму».

Иблисъ съ гнѣвомъ отвернулся отъ родителей и потомъ удалился въ уголъ седьмага ада и тысячу лѣтъ каялся тамъ. Когда такое раскаяніе Иблиса сдѣлалось очевиднымъ прочимъ адамъ, шестой адъ обратился къ Богу съ просьбой, чтобы и тамъ можно было видѣть подвигъ Иблиса. Богъ Милосердый принялъ эту мольбу и вывелъ Иблиса въ шестой адъ, и здѣсь онъ тысячу лѣтъ каялся. Услышали объ этомъ остальные ады и просили Бога о томъ же, и ихъ моленье исполнилось: Иблисъ въ каждомъ аду по тысячѣ лѣтъ каялся и молился и, по окончаніи семи тѣсячъ лѣтъ, вышелъ изъ *перваго* ада.

Тогда *первая* земля обратилась къ Богу съ такою же просьбой, и ея желаніе было исполнено: Иблисъ провелъ на первой землѣ въ покаяніи тысячу лѣтъ и т. д. Словомъ: на всѣхъ семи земляхъ Иблисъ каялся по тысячѣ лѣтъ: не осталось ни одной земли, на которой Иблисъ не касался бы своимъ лбомъ. Въ семи адахъ и на семи земляхъ онъ пробылъ четырнадцать тысячъ лѣтъ, да между небомъ и землей Иблисъ провелъ въ покаяніи также четырнадцать тысячъ лѣтъ.

По окончаніи 28,000 лѣтъ покаянія Иблиса, первое небо и звѣзды пожелали также видѣть Иблиса, и Милосердый Господь, принявъ ихъ мольбу, вывелъ Иблиса на первое небо. Тамъ онъ провелъ

тысячу лѣтъ въ покаяніи и, послѣдовательно восходя на семь небесъ, провелъ такъ семь тысячъ лѣтъ въ подвигахъ благочестія. Поднявшись отсюда къ престолу Божію, Иблисъ семдесятъ двѣ тысячи лѣтъ провелъ тамъ въ служеніи Богу.

За такое благочестіе Иблиса Милосердый Господь далъ ему имя «*Азизилъ*» и сдѣлалъ его учителемъ ангеловъ, которымъ онъ долженъ былъ преподавать уроки вѣры и благочестія. Восемь тысячъ лѣтъ онъ провелъ въ учительствѣ. Послѣ этого, когда Милосердый Господь восхотѣлъ сотворить человѣка и поселить его на землѣ, Иблисъ воспротивился такой волѣ Божіей. — Объ этомъ рассказывается подробно въ «Книгѣ таинъ» гдѣ приведены стихи изъ Корана (гл. 38 ст. 69) и преданій.

Нѣкоторые изъ джинновъ, также албаствы, дивы и аджины давно уже приняли вѣру ислама, сдѣлались мусульманами и выразили желаніе ходить въ разныхъ видахъ по землѣ до кончины міра. Пророкъ сотворилъ молитву, и потомки ихъ до настоящаго времени ходить во всѣхъ мѣстахъ, въ разныхъ видахъ: иногда они являются въ человѣческомъ образѣ, иногда въ образѣ животныхъ. А тѣ изъ нихъ, которые не приняли ислама, были заперты въ Кавказскихъ горахъ, по молитвѣ пророка Соломона.

Джиннъ и Аджина—дѣти Нимлисы и Хыблиса. Они во всякое время ходять по землѣ и могутъ принимать различные образы и разные цвѣта. Такъ, на примѣръ: когда они показываются предъ людьми, то являются въ образѣ осла, или козы, или въ видѣ огня, даже въ видѣ телѣги. Мѣстами ихъ обыкновеннаго пребыванія служатъ кучи золы и навозныхъ мѣста, а пищею имъ служить всякая падалъ. Когда находящіеся въ состояніи тѣлесной нечистоты лица совершаютъ омовеніе близъ навозныхъ кучъ, на своихъ дворахъ, тогда подвергаются вліянію джинновъ и аджины.

Люди, видѣвшіе духа-албаствы, рассказываютъ, что албаствы большею частію находятся въ развалинахъ построекъ и подъ орѣховыми деревьями и тамъ моютъ свою косматую голову. Люди, испорченные духомъ албаствы, въ большинствѣ случаевъ не поправляются, а люди, которыхъ коснулись джиннъ или аджина, поправляются. Въ состояніи демоническомъ они рвутъ въ локуты свои одежды и ѣдятъ все, что ни попадется имъ на глаза—дозволенное закономъ и запрещенное. Такъ, на примѣръ: когда люди, находившіеся подъ вліяніемъ джинна или аджины, поправляются, при помощи молитвы, и ихъ спрашиваютъ о ихъ прежнемъ состояніи, то они рассказываютъ, что жить на землѣ и не видѣть джинна—значить не испытать удо-

вольствій, наслажденія, такъ какъ джинны и аджины, одни въ образѣ мужчинъ, другіе въ образѣ женщинъ, составляютъ маленькія собранія, вродѣ войска: одинъ изъ нихъ садится на тронъ, подобно царю, а всѣ прочіе располагаются около него рядами и находятся какъ бы на службѣ; одежды на нихъ позолоченныя, и сидятъ они на позолоченныхъ подушкахъ, лежащихъ на пышныхъ тюфякахъ; повелитель приказываетъ имъ достать золота и серебра, а иногда заставляетъ подчиненныхъ поднимать свой тронъ и прыгать съ нимъ во всѣхъ направленіяхъ. Когда все это видишь предъ собой, то никакихъ другихъ мыслей и чувствъ не испытываешь, кромѣ веселаго смѣха; тогда, кромѣ радости, никакой заботы не бываетъ. Когда же испорченный джиномъ или аджиной освободится отъ ихъ сообщества и поправится, то увидитъ, что трономъ джиннамъ служила простая куча золы и всякаго сора, а золотомъ и серебромъ — обломки иголокъ, гвоздики и желѣзки.

Изложенный устный рассказъ Муллы Абдуль-Халима, очевидно, основанъ на общемъ вѣрованіи мусульманскихъ народовъ въ джиновъ, какъ оно изложено въ разныхъ мѣстахъ Корана; но это вѣрованіе, по своему происхожденію, древнѣе и Корана, такъ какъ арабы-многобожники въ до-исламскій періодъ поклонялись джиннамъ (Коранъ гл. 6, ст. 100; гл. 34, ст. 40; гл. 37, ст. 158).

Въ Коранѣ о джиннахъ говорится, что они — созданія Божіи и сотворены изъ огня самума, изъ огня безъ дыма (гл. 15, ст. 27; гл. 55, ст. 14). Они были созданы уже послѣ неба и земли, но прежде чѣловѣка (гл. 18, ст. 49), и сотворены для поклоненія Богу (гл. 51, ст. 55). Особенность ихъ природы составляетъ то, что они могутъ имѣть половыя сношенія съ людьми (гл. 55, ст. 56 и 74) и вводить людей въ заблужденіе (гл. 41, ст. 29). Это произошло уже послѣ паденія ихъ. Но Богъ не оставилъ ихъ безъ своего попеченія: изъ нихъ же богъ избиралъ преданныхъ себѣ слугъ и посылалъ къ ихъ братьямъ съ проповѣдію объ истинной вѣрѣ (исламъ). Нѣкоторые изъ нихъ раскаялись и приняли истинную вѣру, а нѣкоторые остались въ своемъ заблужденіи: есть джинны вѣрующіе, мусульмане, и есть невѣрующіе (Кор. гл. 72, ст. 11 и 14). Нѣкоторые джинны сдѣлались вѣрующими, когда послушали чтеніе Корана (гл. 72, ст. 1—5; гл. 46, ст. 28—30). Нѣкоторые нераскаянные джинны продолжали совершать разныя преступленія и были наказаны Богомъ: они горятъ въ адскомъ огнѣ, служа для него дровами (гл. 72, ст. 15). — Другіе, имѣя злую волю и стараясь проникнуть въ небесныя тайны, пытаются подниматься на небо, чтобы подслушать разговоры

небожителей, но ангелы, стражи неба, отгоняютъ ихъ (гл. 55, ст. 33—35; гл. 72, ст. 8—9), бросая въ нихъ ракаленные камни (падающія звѣзды). Будучи такими вредоносными существами, джинны не всѣмъ людямъ могутъ дѣлать зло (портить); противъ нихъ можно употреблять разныя заклинанія. Пророкъ Соломонъ держалъ джинновъ въ полномъ подчиненіи себѣ: они находились въ его войскѣ (гл. 27, ст. 18), строили и работали для него, что онъ приказывалъ (гл. 34, ст. 11—12; гл. 38, ст. 35), даже доставали для него жемчугъ изъ моря. Одинъ изъ джинновъ, подвластныхъ Соломону, названъ въ Коранѣ даже по имени. Это—Ифритъ. Онъ отличался особымъ могуществомъ и высказывалъ Соломону свою готовность принести къ нему тронъ Савской царицы, прежде чѣмъ Соломонъ встанетъ съ мѣста (гл. 27, ст. 38—39).

Вѣра въ джинновъ до настоящаго времени распространена среди сартовъ и киргизъ и непоколебимо держится, наводя на селеніе страхъ: кого коснется вліяніе джинна, тотъ впадаетъ въ тихое умопомѣшательство и считается юродивымъ (дивана). Изступленное состояніе, бѣшенство считается также послѣдствіемъ вліянія джинна.—Любопытно, что туземцы иногда говорятъ: *Чирчикъ—джинны* (кирг. *джынды Чирчикъ*), т. е. *Чирчикъ—бѣшенный*, очевидно, желая этимъ указать на быстроту и силу теченія этой рѣки, часто срывающей мосты и плотины.

II. Акванъ-дивъ, Аржангъ-дивъ и Сафидъ-дивъ

Какъ видно изъ предыдущаго разсказа, дивы относятся къ роду демоновъ (джиннъ) и сотворены Богомъ изъ дыма, исходившаго отъ первосозданнаго огня. Такъ въ книгѣ «*Сіар-и-шарифъ*» разсказывается, что Богъ Всевышній, за много лѣтъ до сотворенія Адама, создалъ огонь, а изъ дыма отъ этого огня сотворилъ дивовъ. (Джинны были сотворены изъ пламени этого огня, а изъ свѣта его—ангелы.) Въ словарь «*Гясу-ль-люгатъ*» сказано, что *Ифритъ*, находившійся въ войскахъ пророка Соломона, былъ дивъ, хотя въ другихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ говорится, что Ифритъ былъ джиннъ.

Но какъ бы ни было, вѣрованіе сартовъ въ происхожденіе

дивовъ изъ дыма имѣеть связь съ общимъ индоевропейскимъ представленіемъ о божествѣ свѣта, огня. Корень *div* означаетъ въ индоевропейскихъ языкахъ свѣтлое божество: санскритское—*дева*, латин. *деусъ*, греч. *теосъ* и *деосъ* и др. Но у индусовъ словомъ *дивъ* обозначаются враждебныя человѣку демоническія существа, и у персовъ *дивъ* обозначаетъ злого духа. Отъ персовъ это вѣрованіе перешло и къ сартамъ, вмѣстѣ со сказками, основа которыхъ общеиранская. Въ «Шахъ-Намѣ» названы три дива: Акванъ, Арджангъ и Сафидъ, которыхъ умертвилъ Рустамъ, и есть два изображенія дивовъ. Они имѣютъ видъ покрытаго шерстью чорта, съ рогами на головѣ, съ большими оскаленными клыками, съ когтями на рукахъ и ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ, какъ показано на приложенномъ къ настоящему выпуску рисункѣ, заимствованномъ изъ «Шахъ-намы».

Дивы обладаютъ необыкновенною силой, но богатыри въ сказкахъ, хотя и съ трудомъ, побѣждаютъ ихъ. Такъ о Рустамѣ въ «Шахъ-намѣ» разсказано, что однажды къ царю Кайхисрау пришелъ пастухъ и доложилъ, что кто-то истребляетъ у него барановъ и лошадей. Царь сказалъ пастуху, что это—дивъ и, обратившись къ находящимся около него царямъ и войску, спросилъ: «Не можетъ ли кто-нибудь избавить этого пастуха отъ его бѣдствія?»—Никто изъ присутствовавшихъ не принялъ на себя такого труднаго дѣла. Тогда царь послалъ письмо въ Забулистанъ, къ Залу и его сыну Рустаму съ приглашеніемъ на этотъ подвигъ. Получивъ письмо, Заль и Рустамъ явились къ Кайхисрау. Рустамъ спросилъ: «Какую службу я долженъ исполнить?» Царь сообщилъ ему о просьбѣ пастуха, а Рустамъ сказалъ: «Будетъ ли это вредоносный скорпіонъ, или дивъ, или аждаха—не спасутся они отъ моего смертоноснаго меча». Царь поручилъ ему убить дива.—Когда Рустамъ отправился разыскивать истребителя стадъ пастуха, дивъ Акванъ, подобно бурѣ, пронесся мимо богатыря. Рустамъ бросилъ свой арканъ съ петлей, но не зацѣпилъ дива. Нѣсколько разъ онъ старался захватить арканомъ дива, но не могъ. Такъ три дня онъ трудился, наконецъ усталъ и легъ соснуть близъ источника, при подошвѣ горы. Когда Рустамъ заснулъ, дивъ Акванъ издали увидѣлъ его и, подошедши къ нему, оторвалъ часть горы и поднялъ ее на своихъ ладоняхъ вмѣстѣ съ богатыремъ. (Этотъ моментъ изображенъ на одномъ рисункѣ въ «Шахъ-намѣ»). Рустамъ проснулся, и дивъ спросилъ его: «Ударить ли тебя о гору, или бросить въ воду?» Рустамъ просилъ дива, чтобы онъ ударилъ его о гору, но дивъ сдѣлалъ напротивъ—бросилъ богатыря въ воду. Милосердый Господь видвинувъ сушу среди воды, и

Рустамъ спасся, вышелъ на прежнее свое мѣсто, къ источнику, гдѣ оставались его конь и оружіе. Тогда Аквантъ-дивъ еще съ большею смѣлостію приблизился къ Рустаму, а богатырь набросилъ на дива свой арканъ и зацѣпилъ его за шею. Потомъ Рустамъ съ силой рванулъ арканъ и, подтащивъ къ себѣ дива, закололъ его своимъ смертоноснымъ мечемъ.

Далѣе разсказывается, что персидскій царь Кайкаусъ предпринялъ походъ въ Мазандеранъ, страну дивовъ, и попалъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда онъ онъ послалъ къ Залу, отцу Рустама, письмо просьбой о помощи. Когда Рустамъ явился, то долженъ былъ убить дива Аржанга и дива Сафида (Бѣлаго). Дивъ Аржангъ пытался сначала запугать Рустама разными страхами, но Рустамъ не теряя присутствія духа и смѣло выступилъ противъ дива. Онъ слѣзъ съ коня и, приблизившись къ диву, набросилъ на него свой арканъ и подтащилъ къ себѣ. Отрубивъ диву голову, Рустамъ бросилъ ее въ сторону дивовъ, союзниковъ Аржанга. Дивы, увидѣвъ отрубленную голову Аржанга, разбѣжались, а Рустамъ отправился разыскивать дива Сафида. Дивъ Сафидъ жилъ въ глубокой пропасти вмѣстѣ съ множествомъ другихъ дивовъ. Рустамъ спустился въ пропасть и, увидѣвъ, что дивъ спитъ, подумалъ, что богатырю неприлично нападать на соннаго противника. Поэтому онъ громко крикнулъ. Дивъ проснулся, схватилъ жерновъ и бросилъ въ Рустама. Но Рустамъ во-время отстранился отъ жернова и однимъ ударомъ своего меча убилъ дива. Затѣмъ онъ вынулъ у дива сердце, сдѣлалъ изъ него мазъ и помазалъ ею глаза царю Кайкаусу, всему войску его и себѣ: у всѣхъ тогда глаза просвѣтлѣли, и они освободились изъ плѣна.

Въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся древняго періода Мидо—Персія, при разсказѣ о развалинахъ Персеполя, описывается тронная зала Дарія I, или «Палата со 100 колоннами», украшенная разными изваяніями. На одномъ изъ такихъ изваяній представленъ бой Дарія съ Дивомъ или Ариманскимъ звѣремъ. На этомъ древнемъ памятникѣ Дивъ изображенъ въ видѣ крылатаго звѣря съ когтистыми лапами и длиннымъ хвостомъ. Въ борьбѣ съ Даріемъ, Дивъ стоитъ на заднихъ лапахъ, а передними лапами стремится схватить своего соперника, но храбрый царь вонзаетъ Диву мечъ и умерщвляетъ его. Дивъ въ данномъ случаѣ является воплощеніемъ зла въ мірѣ. Дивы времени Рустама уже утратили свой древній миѳическій образъ и приняли человѣческое подобіе.

III. Драконъ (аждаха, са'банъ).

Драконъ по арабски—*са'банъ*, по персидски—*аждаха*.

Въ персидскомъ сочиненіи «Аджаибуль-Махлюкатъ» разсказывается, что драконъ—животное большое, имѣющее видъ ужасный. Маленькіе драконы бывають пяти аршинъ, а большіе достигаютъ тридцати аршинъ и даже болѣе. Это животное водится въ Индіи. Цвѣтъ его кожи желто-черный; брови его закрываютъ глаза; пасть оно открываетъ широко; зубовъ во рту много; шеи не видно; шерсть на нхъ шеѣ закрываетъ все тѣло. Самцы-драконы больше и злѣе самокъ. Когда драконъ подходитъ къ какому-нибудь животному и раскрываетъ свою пасть, то животное само попадаетъ въ его ротъ: драконъ издали притягиваетъ къ себѣ животное. Послѣ того драконъ обвертывается вокругъ древеснаго пня или вокругъ камня и такимъ образомъ ломаетъ кости проглоченнаго животнаго, которыя потомъ перевариваются въ желудкѣ дракона. Большую часть жизни драконы проводятъ въ водѣ и потому называются водяными змѣями; нѣкоторые драконы живутъ въ степи. Живущіе въ водѣ драконы выходятъ иногда на высокія горы и тамъ, подымаясь въ облака, наслаждаются влажностью ихъ.

Свойство дракона таково, что если кто-нибудь съѣстъ его сердце, а кожу привяжетъ къ любимому человѣку, то найдетъ сочувствіе въ любви, а если кто-нибудь возьметъ себѣ кусочекъ этой кожи, то всѣ животныя будутъ отъ него разбѣгаться; если голову дракона зарыть въ землю въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то положеніе хозяина этого мѣста будетъ хорошо—онъ пріобрѣтетъ много богатства и будетъ веселъ и счастливъ.

Приложенный къ настоящему выпуску рисунокъ заимствованъ мною изъ упомянутаго сочиненія «Аджаибуль-Махлюкатъ». Въ «Шахъ-Намѣ» также есть изображеніе дракона, выбрасывающаго изъ своей пасти снопъ пламени по направленію къ богатырю Рустаму, которому предстояло убить это чудовище. Объ этомъ подвигѣ Рустама такъ разсказано въ «Шахъ-Намѣ»: Однажды конь Рустама, Рахшъ убилъ своими ногами напавшаго на него льва. Когда Рустамъ увидѣлъ это, то сдѣлалъ выговоръ своему коню, сказавъ ему: «Меня Милосердый Господь создалъ для подвиговъ, а тебя—для того, чтобы возить меня.

Поэтому я пойду усну на берегу источника, а ты ни съ кѣмъ въ общеніе не входи; но если ты увидишь, что ко мнѣ кто-нибудь будетъ приближаться, то ты разбуди меня»... Когда Рустамъ уснулъ, на степи появилась аждаха, имѣвшая 80 аршинъ длины, и стала приближаться къ Рустаму. Тогда конь его Рахшъ сталъ бить ногами своего хозяина и разбудилъ его. Рустамъ, проснувшись, увидѣлъ предъ собою страшное чудовище, тотчасъ взявъ свой смертоносный мечъ и сталъ противъ аждахи. Аждаха испустила изъ своей пасти пламя, но Рустамъ взмахнулъ мечемъ и разсѣкъ аждаху на-двое.

Въ настоящее время, по вѣрованію сартовъ, аждахи встрѣчаются рѣдко, но все-таки появляются иногда въ степяхъ и вообще въ открытыхъ, пустынныхъ мѣстахъ. Но разсказовъ отъ очевидцевъ относительно этого я не слышалъ.

Вѣрованіе въ аждаху до настоящаго времени сохранилось также у башкиръ, у татаръ и у киргизовъ.

По вѣрванію башкиръ, обыкновенная змѣя, прожившая до 100 лѣтъ, называется *зиланъ*, прожившая 500 лѣтъ—*аждаха*, прожившая до 1000 лѣтъ—*юха*. Последняя можетъ приниматьъ образъ человѣка, животного и т. д., но по милости къ людямъ Аждаха, аждахи не могутъ дожить до возраста юхи. Чуть до берлогъ ихъ достигнетъ дневной свѣтъ, какъ облака поднимаютъ и уносятъ ихъ на гору «Кафъ» (т. е. Кавказскія горы), лежащую за океаномъ(?) и наполненную всевозможнаго рода гадами.

Среди башкиръ вообще много подобныхъ разсказовъ. Такъ, на-примѣръ: въ деревнѣ Асылowej (Орскаго уѣзда) одному башкиру для устройства колодца понадобилось вырыть небольшую яму въ землѣ. Не успѣлъ онъ углубиться на четверть аршина въ землю, какъ почувствовалъ, что кто-то тамъ завозился. Башкиръ испугался и отбѣжалъ. Но скоро онъ увидѣлъ на небѣ небольшую градовую тучу съ грозой и бурей, опускающуюся прямо на то мѣсто, гдѣ онъ началъ было копать колодезь. Изъ ямы въ то-же время со свистомъ и шумомъ стала выходить и вытягиваться по направленію къ тучѣ огромнѣйшая аждаха, какой до тѣхъ поръ ему не удавалось видѣть. И вотъ, соединившись съ тучею, аждаха начала подниматься вверхъ и, приблизительно чрезъ полчаса времени, совершенно исчезла въ воздушномъ пространствѣ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ была яма, изъ которой вышла аждаха, образовалось пещера.

По разсказамъ башкиръ, всякій разъ, во время выхода изъ земли аждахи, буря свирѣпствуетъ до-того яростно, что, повидимому, готова уничтожить все; раскаты грома раздаются въ это время не-

умолкаемо; блескъ молніи ослѣпляетъ зрѣніе; изъ тучи сыплется градъ, и дождь льетъ, какъ изъ ведра. Несмотря на все это, подобными бурями мало причиняется вреда тѣмъ мѣстамъ, вблизи которыхъ выходятъ аждахи; за то въ мѣстахъ, непосредственно прилегающихъ къ этимъ мѣстамъ, буря свирѣпствуетъ: срываетъ крыши съ домовъ, ломаетъ кибитки башкиръ, разметываетъ стога ихъ сѣна и скирды хлѣба и т. д. Тотъ же авторъ рассказываетъ со словъ сородичей своихъ, что лѣтъ 30 тому назадъ, недалеко отъ Наслѣдницкой станціи, въ озерѣ появилась неизвѣстно откуда огромная змѣя и начала истреблять приходящую на водопой мелкую скотину; поэтому озеро огородили, чтобы къ нему не было доступа. Къ немалому удивленію и радости жителей, змѣя эта черезъ нѣсколько времени исчезла. Вѣроятно, говорили башкиры, она достигла возраста аждахи и была поднята облакомъ. Башкиры рассказываютъ также, что семь лѣтъ тому назадъ, недалеко отъ кочевокъ, принадлежащихъ деревнямъ Абтикѣевой и Мурзакаевой, въ колодцѣ обитала змѣя и глотала ягнятъ, но теперь скрылась или въ нѣдра земли, чтобы доживать остатки лѣтъ до дозроста юхи, или же поднята облакомъ, какъ уже достигшая возраста аждахи.

Лѣтъ 40 тому назадъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, около деревни Сибоевой (Орскаго уѣзда), изъ озера Колтыбана вышла и поднялась въ облака аждаха, имѣвшая въ длину не менѣе 60 сажень. Въ 10 часовъ утра, при совершенно ясной погодѣ, стали перепадать крупныя капли дождя: немного спустя, сверкнула молнія, грянулъ громъ и пошелъ сильнѣйшій градъ съ дождемъ. Гроза усиливалась, и небольшая черная туча стала спускаться на озеро. Вода въ озерѣ заволновалась, приподымалась, опускалась и кружилась, а изъ воды стала показываться голова страшнѣйшаго чудовища съ огромными навывкатъ глазами, на подобіе деревянныхъ чашекъ. Туча, подхвативъ голову чудовища, начала подниматься кверху, таща за собой и туловище, пятнистаго вида, съ глянцевитымъ отблѣскомъ; наконецъ, показался и хвостъ, раздвоенный на подобіе вилъ. Чудовище, поднятое на значительное отъ воды разстояніе, начало вытягиваться, изгибаться и вилать во всѣ стороны хвостомъ, стараясь освободиться, но, къ ужасу всѣхъ очевидцевъ, сорвалось и съ грохотомъ опять упало въ воду. Вскорѣ послѣ того появилось на небѣ небольшое, величиною съ кошму, бѣлое, какъ вата, облачко, которое быстрѣе птицы спустилось къ озеру. Когда туча приблизилась къ уровню воды, вода заколыхалась сильнѣе прежняго и стала бить вверхъ фонтаномъ. Надъ этой струей воды жители снова увидѣли тоже чудовище, которое

съ облакомъ двигалось прямо на нихъ, при чемъ хвостъ чудовища волочился и оставлялъ на землѣ слѣдъ въ видѣ борозды. Несомое облакомъ чудовище то издавало стонъ, то свистѣло, или шипѣло, то загибало кольцою хвостъ, то сердито ударяло имъ по своимъ бокамъ, желая высвободиться изъ тучи; но какая-то сверхъестественная сила крѣпко держала голову чудовища, не давая ему даже пошевелинуть ею. Не имѣя возможности вырваться, не смотря на всѣ усилія, чудовище мало-по-малу продолжало удаляться вмѣстѣ съ тучей, причемъ, по мѣрѣ удаленія, туловище его, подъ вліяніемъ лучей солнца, принимало все болѣе и болѣе красивый, ярко-золотистый цвѣтъ.¹⁾

Среди сартовъ и киргизъ также есть вѣрованіе, что аждаха, проживши много лѣтъ, становится ненасытною и тогда называется *юха*. Юха только и знаетъ, что глотаетъ попадающихся ей животныхъ и не насыщается. Киргизъ, ученикъ VIII класса Ташкентской гимназій, Али Кутебаровъ рассказывалъ мнѣ, что, по вѣрованію киргизъ, аждахи бываютъ и вѣрующими мусульманами, и невѣрными *вяфирами*. Съ послѣдними и вели борьбу знаменитые мусульманскіе герои.

О драконѣ въ житіи святого Георгія рассказывается: недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ Георгій, близъ города Вириты, выходилъ изъ озера страшный змій, который опустошалъ окрестность и заражалъ воздухъ смертоноснымъ дыханіемъ своимъ. Жители той страны не знали, куда дѣваться отъ бѣды, и просили совѣта у жрецовъ идольскихъ, ибо были язычники. Жрецы сказали имъ, что каждое семейство поочередно должно отдавать одного изъ дѣтей на съѣденіе змію. Не видя никакого средства избавиться отъ страшнаго чудовища, жители приняли этотъ совѣтъ, и каждый день новая жертва приводилась къ берегу озера. Наконецъ, очередь дошла до единственной дочери тамошняго царя.

Дѣвица была приведена къ озеру и съ трепетомъ ожидала смерти, какъ вдругъ явился ей великомученикъ Георгій, въ образѣ свѣтлаго юноши, на бѣломъ конѣ, и вооруженный копьемъ.

— О чемъ ты плачешь! спросилъ онъ дѣвицу.

— Добрый юноша, отвѣчала она: удались скорѣе, чтобы тебѣ не погибнуть вмѣстѣ со мной. И дѣвица рассказала юношѣ о змѣѣ. Не боясь, дѣвица, сказалъ онъ ей. — Именемъ Бога истиннаго я избавлю тебя отъ чудовища. — Нѣтъ, добрый воинъ, возразила она, — не губи себя. Я уже обречена на смерть; ты не спасешь меня, а только самъ погибнешь.

¹⁾ Этнографическое обозрѣніе, Москва 1892 г., № 2—3, стр. 245—247.

Едва она выговорила эти слова, какъ страшное чудовище показалось изъ озера и стало приближаться къ дѣвицѣ. Она громко закричала: «бѣги!» Но храбрый воинъ Господень, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвавъ въ помощь Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, устремился на чудовище и поразилъ его копьемъ. Потомъ онъ велѣлъ дѣвицѣ снять съ себя поясъ, связать змѣя и тащить за собою въ городъ. Такъ и было сдѣлано.

Змѣй, при великомъ стеченіи народа, былъ преданъ огню. Велѣдъ за тѣмъ всѣ жители страны приняли христіанскую вѣру.

За эту побѣду надъ чудовищемъ и за мужество среди страшныхъ мученій, святой Георгій называется «Побѣдоносцемъ» и почитается защитникомъ воиновъ. (Житія святыхъ. А. Н. Бахметевой. 23 апрѣля).

IV. Птица Симуригъ или Анка.

Баснословная птица *Симуригъ* извѣстна подъ этимъ названіемъ у персовъ, а отъ нихъ это названіе перешло и къ разнымъ тюркскимъ народамъ—татарамъ, башкирамъ, киргизамъ, которые, по требованію своей фонетики, нѣсколько измѣнили звуковой составъ слова: *Самрау*, *Самракъ*, *Самрукъ* и *Замуракъ*.

У арабовъ она извѣстна подъ арабскимъ названіемъ *Анка*, что означаетъ птицу съ длинной шеей. Такъ объясняется это слово въ употребительномъ въ мусульманскихъ школахъ словарѣ «Гыясу-ль-люгатъ» и въ европейскомъ (арабско-французскомъ) словарѣ Казимірскаго. Подъ этимъ именемъ Анка упоминается и въ арабскомъ сборникѣ басенъ «*Калиля и Димна*». Казимірскій относитъ эту птицу къ роду *грифоновъ*, что совершенно правдоподобно. Персидское названіе этой птицы — *Симуригъ* означаетъ, по моему предположенію, *серебристую птицу* (*симъ* серебро и *муръ* птица—*симмуръ*, *симуръ*),—птицу, имѣющую красивыя серебристыя перья.

Въ разныхъ мусульманскихъ книгахъ и словаряхъ объ этой птицѣ разсказывается, что она имѣетъ столь огромные размѣры, что когда распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ и производитъ тѣнь. На ея перьяхъ есть окраска всѣхъ цвѣтовъ всѣхъ птицъ міра, а на шеѣ ея—бѣлая полоска, въ видѣ ожерелья.

Яйца она несетъ огромныя и живетъ до двухъ тысячъ лѣтъ. Сила ея такова, что она можетъ унести верблюда или слона. Въ нѣкоторыхъ книгахъ говорится, что она имѣетъ человѣческое лицо и даже четыре ноги, но послѣдняя черта, по очевидной своей несообразности, отрицается въ другихъ книгахъ. За то, общее вѣрованіе мусульманъ приписываетъ этой птицѣ способность говорить. Въ сочиненіи «Мантыку-т-таиръ» разсказывается, что когда въ древнее время всѣ сотворенныя Богомъ птицы собрались выбрать себѣ царя, то послѣ долгихъ разсужденій и споровъ птица удоу¹⁾ указала на птицу Симургъ, живущую на горѣ Кафъ (Кавказскія горы).

Въ книгѣ «*Калиля и Димна*», арабскомъ сборникѣ басенъ, разсказывается, что однажды морская птица Титауа, имѣвшая мѣсто-пребываніе на берегу моря, передъ выводомъ своихъ птенцовъ, уговаривала своего самца поискать болѣе защищеннаго мѣста для своего гнѣзда изъ опасенія морскаго духа, который могъ унести ея птенцовъ, заставивъ морскую воду приливать къ берегу. Но самецъ не согласился и уговорилъ самку не опасаться морскаго духа. Когда же морской духъ заставилъ воду приливать, вода разлилась по берегу и унесла птенцовъ въ море. Тогда самка сказала самцу: «Я знала съ самаго начала дѣла, что это будетъ.» Но самецъ отвѣчалъ самкѣ: «Я непремѣнно отомщу морскому духу».

Послѣ того Титауа пошелъ къ общинѣ птицъ и сказалъ имъ: «Вѣдь вы—мои друзья, мои довѣренныя: помогите мнѣ!» Птицы спросили: «Чего ты желаешь, что бы мы сдѣлали?» Онъ отвѣчалъ: «Соберитесь и отправьтесь вмѣстѣ со мною къ прочимъ птицамъ. Мы пожалуемся имъ на то, что я потерпѣлъ отъ морскаго духа, и скажемъ имъ: «Вѣдь, вы—птицы, подобныя намъ: помогите намъ.»» Община птицъ сказала ему: «Вѣдь, *Анка* (Симургъ)—наша владыка и царица. Отправься съ нами къ ней, покричимъ ей, и она явится къ намъ: тогда мы пожалуемся ей на то, что пришлось тебѣ потерпѣть отъ морскаго духа; мы даже попросимъ, чтобы она отомстила ему за насъ силою своей власти». Послѣ этого птицы отправились къ Анка вмѣстѣ съ Титауа. Онъ умоляли Анку, кричали ей, и она показала имъ. Тогда птицы разсказали Анкѣ свое дѣло, прося ее выступить съ ними вмѣстѣ на войну съ морскимъ духомъ. Анка дала имъ на это согласіе. Когда же морской духъ узналъ, что Анка идетъ на него въ сопровожденіи всѣхъ птицъ, то испугался войны съ царь—птицей, противъ которой у него нѣтъ силы. Поэтому морской духъ

¹⁾ Удоу упоминается въ Коранѣ (гл. 27, ст. 20—28).

возвратилъ птенцовъ Титауа и заключилъ съ нимъ миръ, а Анка повернула отъ него назадъ. ¹⁾

Въ персидской книгѣ *«Аджаибуль-Махлюкатъ»*, изъ которой заимствованъ рисунокъ, приложенный къ настоящему выпуску, рассказывается, что Симургъ—самая крупная изъ всѣхъ птицъ, что слоны и буйволы ей подчинены. Въ древности Симургъ жила среди людей, но она уносила члѣовѣческихъ дѣтей и пожирала ихъ. Пророкъ Ханзала-бенъ-Сауфванъ сотворилъ молитву, и Богъ Всевышній выселилъ эту птицу на одинъ морской островъ и тамъ оставилъ ее жить, чтобы въ этой странѣ не видѣла она людей. На этомъ островѣ было много животныхъ, подобныхъ слону и буйволу, но Симургъ не касалась ихъ, потому что они находились въ подчиненіи у нея. Когда же она охотилась за какими-нибудь другими животными и у нея оставалась добыча отъ охоты, то она отдавала добычу подвластнымъ ей животнымъ. Напримѣръ: когда она поймаетъ на охотѣ большую рыбу, или дракона, то, поѣвши сама сначала, остатки раздѣляла животнымъ и любовалась, смотря на нихъ, какъ они ѣли ея добычу. Когда Симургъ летаетъ, то отъ ея крыльевъ исходитъ шумъ, на подобіе вѣтра, или на подобіе шума деревьевъ во время бури. Жизнь ея достигаетъ двухъ тысячъ лѣтъ. Другія подробности—неприличныя и глупыя.

Во время дѣда Рустамова, Сама, эта птица жила на горѣ Эльбрусъ и воспитала Зала, отца Рустама, какъ объ этомъ рассказывается въ *«Шахъ-намѣ»*.

У Сама (дѣда Рустама) была красавица жена. Сдѣлалась она беременной и родила сына. Когда осмотрѣли новорожденного мальчика, то увидѣли, что онъ съ головы до ногъ былъ покрытъ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Удивились этому необычайному явленію и цѣлую недѣлю не говорили отцу ребенка, но потомъ повитуха пошла и сказала Саму, что новорожденный сынъ его весь покрытъ бѣлыми волосами, какъ старикъ. Самъ пошелъ посмотреть сына и, когда увидѣлъ его, то ахнулъ отъ изумленія и сказалъ: «Какъ покажу такого мальчика своему народу?! Надо его поскорѣ скрыть!» Послѣ того новорожденного Зала отнесли на гору Эльбрусъ и бросили тамъ. А эта гора была самая высокая подъ солнцемъ. Младенецъ, лежа на голой землѣ, началъ кричать отъ солнечнаго зноя и отъ голода сосалъ свои пальцы. Недалеко отъ этого мѣста было гнѣздо птицы

¹⁾ Калала и Динна. Переводъ съ арабскаго М. О. Аттая и М. В. Рябинина Москва. 1889 г. ст. 90—91.

Симургъ. Однажды птенцы ея отъ голода тоже начали пищать, и Симургъ полетѣла за пищей своимъ дѣтямъ. Взлетѣвъ на гору, она увидѣла голаго мальчика Зала, лежащаго на землѣ и плачущаго съ голода. Симургъ сжалилась надъ малюткой и взяла его, принесла въ свое гнѣздо, положила вмѣстѣ со своими дѣтенышами и сказала имъ: «Вы не обижайте его!» Въ это время она услышала голосъ: «Эй, Симургъ! Позаботься объ этомъ мальчикѣ: отъ него родится знаменитый богатырь; отъ смертоноснаго меча этого богатыря не спасется ни одно вредное существо». Симургъ вскормила брошеннаго мальчика. Когда Заль выросъ и сталъ ходить, его увидѣли проѣзжающіе купцы, узнали, чей снъ сынъ, и извѣстили его отца, Сама. Въ то же время Самъ видѣлъ два раза страшные сны, которые снотолкователи разъяснили въ томъ смыслѣ, что сынъ его живъ и что его нужно отыскать и взять. Самъ испугался, но сердце ему подсказало, что это его сынъ Заль. Тогда онъ собралъ войско и отправился на гору Эльбрусь. На вершинѣ горы онъ увидѣлъ гнѣздо какой-то страшной птицы, подошелъ къ этой птицѣ и сказалъ: «Тотъ мальчикъ—мой сынъ. Ты была милостива—воспитала его. Благодарю тебя и прошу возвратить мнѣ моего сына». Симургъ поднялась на гору, дала Залу одно свое перо и сказала: «Всегда имѣй при себѣ это перо: когда приключится тебѣ какая-нибудь бѣда, ты зажги это перо, и я явлюсь къ тебѣ на помощь. Никогда не забывай моей милости, и я тебя никогда не оставляю безъ нужной помощи». Сказавъ это, Симургъ подняла Зала и прилетѣла съ нимъ къ его отцу. Послѣ взаимныхъ объясненій съ Самомъ въ чувствахъ благодарности, Симургъ улетѣла къ своему гнѣзду, а Самъ сказалъ сыну: «Сынъ мой! Забудь прошлое и обрати ко мнѣ свое сердце. Господь услышалъ твою и мою молитву—послалъ тебѣ кормилицу пернатую и оказалъ тебѣ свою помощь.» Потомъ Самъ надѣлъ на сына царскую одежду и въ сопровожденіи войска возвратился съ сыномъ въ Забулистанъ, мѣсто постоянного своего пребыванія.—Впослѣдствіи Симургъ помогала и внуку Сама, Рустаму, когда онъ оказывался въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.—Впослѣдствіи геройскія подвиги Рустама были приписаны другимъ сказочнымъ богатырямъ, которымъ также помогала птица Симургъ.

V. Водяная лошадь (аспи-аби).

Изображеніе водяной лошади находится въ сочиненіи «Аджанбуль-Махлюкатъ». У арабовъ эта лошадь называется «морскою лошадью». Въ сочиненіи «Хаяту-ль-хайванъ» говорится, что эта лошадь водится въ Египетской рѣкѣ. Голова ея похожа на лошадиную, копыта—на копыта рогатаго скота, а хвостъ—на хвостъ свиньи.

Продолжительность человѣческой жизни.

Послѣ того, какъ Богъ сотворилъ живушія существа, осель, собака, обезьяна и человѣкъ рѣшили обратиться къ Богу, чтобы узнать продолжительность своей жизни и какое кому опредѣлено Имъ назначеніе. Они, однако, не могли придти къ соглашенію насчетъ того, кому изъ нихъ первому спросить Бога объ этомъ. Тогда осель въ нетерпѣніи сталъ во главѣ ихъ и обратился къ Господу съ вопросомъ о своихъ обязанностяхъ. Разгнѣванный нетерпѣніемъ осла Господь отвѣтилъ ему, что его назначеніе въ жизни—носить на своей спинѣ чужое бремя. Почувствовавъ себя крайне обиженнымъ своею судьбою, осель попросилъ сказать ему, сколько времени ему назначено жить.

«30 лѣтъ», сказалъ ему Творецъ.

Милосердый Боже», возмолился слезно осель: «сжался надо мною и сократи это время. Я не въ состояніи буду мучиться такъ долго. Спина моя согнется подъ тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ, и ноги мои истекутъ кровью отъ безостановочнаго движенія, ибо когда люди узнаютъ о судьбѣ моей, я не буду имѣть отъ нихъ ни покоя, ни отдыха». Господь сжалился надъ животнымъ: сократилъ ему жизнь до 18 лѣтъ и велѣлъ ему удалиться.

Сейчасъ за этимъ къ Боту пришла собака, чтобы узнать о назначеніи и продолжительности своей жизни. Замѣтивъ, что Господь сильно занятъ, она, чтобы не привлечь къ себѣ Его вниманія, забралась въ уголъ и рѣшилась ждать, пока къ ней не обратятся. Спусти

нѣкоторое время, Господь отложилъ свою работу въ сторону и оглянулся. Собака поспѣшила воспользоваться случаемъ и, виляя хвостомъ, приблизилась къ трону. Господь обратилъ вниманіе на смиренность и преданность собаки и спросилъ ее, чего она желаетъ. Собака робко предложила Богу свои вопросы: «Иди»—отвѣтилъ ей Богъ,—«къ человѣку и веди себя у него такъ же, какъ ты вела себя предо Мною: бойся и почитай его и охраняй его домъ, чтобы никто ничего не бралъ безъ его вѣдома. А если кто-либо это сдѣлаетъ, того ты должна кусать, рвать и всячески преслѣдовать, пока воръ не отдастъ безъ вѣдома хозяина взятаго. Продолжительность жизни твоей 30 лѣтъ. Но осель жаловался, что 30 лѣтъ для него слишкомъ много, и Я уменьшилъ его жизнь до 18 лѣтъ. Довольна ли ты 30 годами.

«Милосердый Боже!», воскликнула собака въ отчаяніи,—«такое продолжительное время, какъ 18 лѣтъ, я не буду въ силахъ преданно служить своему хозяину. Бодрствовать и сторожить день и ночь слишкомъ утомительно. Я состарѣюсь скоро и сдѣлаюсь неспособною къ работѣ многими годами прежде, чѣмъ окончу свою жизнь. Хозяинъ же будетъ кормить меня только до тѣхъ поръ, пока я буду ему полезна, а потомъ я буду еще долго терпѣть нужду и лишенія, прежде нежели часть моей смерти настанетъ. Сжался же, Боже, надо мною».—Сжалился Господь надъ собакою и сократилъ время жизни ея до 12 лѣтъ.

Очередь затѣмъ дошла до обезьяны. Она тоже застала Бога занятымъ, но ждать ей не хотѣлось, и потому, чтобы обратить на себя вниманіе, она стала кривляться и продѣлывать разные штуки. Она долго гримасничала и вертѣлась, пока Богъ не замѣтилъ ея и не спросилъ, что ей нужно. «Хочу знать, какое у меня назначеніе въ жизни?» отвѣтила обезьяна. «Именно то, къ чему ты только что выказала себя способною. Ты предназначена для потѣхи человѣка и должна жить 30 лѣтъ».

«Ахъ, нѣтъ! Праведный Боже! Такая долгая жизнь будетъ для меня невыносима. Гримасничать и дурачиться передъ всѣми—это несчастная участь. Если буду жить долго, я только надоѣмъ себѣ и другимъ. Я прошу Тебя поэтому сократить мои годы.

Господь внялъ просьбѣ обезьяны и опредѣлилъ время ея жизни въ 10 лѣтъ.

Наконецъ, пришелъ и человѣкъ съ тѣми же вопросами. «Твое жизненное назначеніе такое», сказалъ ему Всемогушій: учишься и приобрѣтай знанія, женись, размножайся и господствуй надъ всѣми другими созданіями, воздѣлывай землю и живи въ любви и счастіи».

«Какъ долго?» спросилъ человѣкъ.

«Цѣлыхъ 30 лѣтъ», отвѣтилъ ему Богъ.

«Ахъ, какъ мало!» воскликнулъ недовольный. Я не успѣю всего сдѣлать въ такое краткое время. До семилѣтняго возраста я совсѣмъ не буду знать, что дѣлается вокругъ меня; до 20 лѣтъ я долженъ буду начинать свою голову разными знаніями и остальные 10 лѣтъ примѣнять ихъ къ приобрѣтенію богатства, а затѣмъ мнѣ придется покинуть все, не пожиная плодовъ того, надъ чѣмъ я все время трудился, и не испытавъ радости въ своей жизни. Когда же у меня будетъ время жениться, родить и воспитывать дѣтей, вкушать семейное счастье и пользоваться богатствами, которыя приобрѣту въ потѣ лица своего? О, Господи, продли время жизни мой!»

Всемогущій Богъ улыбнулся и сказалъ: «Хорошо. Я прибавлю къ твоимъ годамъ время жизни осла—18 лѣтъ. Иди съ миромъ и будь счастливъ». — «Это, вѣдь, всего 48 лѣтъ. Боже милосердый! Это также слишкомъ мало времени, чтобы пользоваться счастьемъ жизни». — «Такъ возьми себѣ и годы собаки и живи еще 12 лѣтъ». — «Не могу ли я жить хотя немного дольше», сказалъ человѣкъ и упалъ на колѣни, все еще не удовлетворенный. «Ну, такъ Я, наконецъ, прибавлю тебѣ и годы обезьяны. А теперь ступай и живи, какъ можешь!» сказалъ ему Господь. И человѣкъ ушелъ довольный тѣмъ, что выпросилъ себѣ цѣлыхъ 70 лѣтъ. О, бѣдный человѣкъ! Напрасно тебѣ хотѣлось такъ долго жить! Послѣ того, какъ ты первые 30 лѣтъ жизни провелъ въ погонѣ за знаніями и богатствомъ, ты дѣлаешься осломъ,—ты тащишь ярмо: трудишься и хлопочешь для жены и дѣтей. Послѣ 18 лѣтъ такой жизни ты начинаешь жить жизнью собакъ: въ слѣдующія 12 лѣтъ, ты, подобно собакѣ, стоишь у дверей и охраняешь свой домъ, питаешься тѣми крохами, которыя получаешь отъ своихъ, не видя благодарности за все то, что ты для нихъ сдѣлалъ; послѣднія 10 лѣтъ ты живешь жизнью обезьяны: твои дѣти и внуки смотрятъ на тебя, какъ на безполезное животное и смѣются надъ твоими старческими гримасами. Такъ ты достигнешь семидесяти лѣтъ и приблизишься ко гробу, не воспользовавшись всѣмъ тѣмъ, на что ты рассчитывалъ, когда просилъ Бога о продленіи твоей жизни до 70 лѣтъ. (С. Петерб. Вѣд. 1897. № 353).
